

К 100-летию со дня рождения С.Н. Рериха

Миг, возведенный в вечность

Деятели культуры о С.Н. Рерихе*

Он нигде не старался выдвинуться, но работал спокойно в соответствии с велением своего гения, стараясь быть в гармонии с тем, что его окружает, будь это снежные вершины Гималаев, красная земля Малабара или любая другая часть Индии. С одной стороны, он соприкасался с окружающей его средой, с другой стороны, он устремлялся по всем направлениям — в будущее, прошлое, настоящее — стараясь соединить их в одно целое. И все это создает <...> странное ощущение красоты, гармонии и особых глубин, которые человек старается постигнуть и которые я, как ни пытался, не мог выразить словами, кроме того, что это ощущение возникает.

...Картины Святослава обладают именно таким свойством: они оставляют сильное впечатление в глубине сознания и не могут быть легко забыты.

*Джавахарлал Неру,
Премьер-министр Индии.*

*Торжественное открытие персональной выставки С.Н. Рериха.
Дели, 20 января 1960 г.*

Искусство Святослава Рериха является вызовом современному художнику Индии, но не потому, что цвета во всей их мощи и многообразии покорны ему так же, как рабы — приказу, и не потому, что миг он возводит в вечность, превращая мимолетный образ в неподвластную времени мечту, а потому, что в его картинах мы видим в замечательном сочетании выражение внутренней и внешней жизни Индии, старой и новой.

*Дж. С. Матхур,
генеральный директор Общественного радио и вице-президент Общественного общества изящных искусств и ремесел. Нью-Дели*

* Перевод с английского М. Куцаровой.

Без сомнения, кто-то в эти дни антигуманного искусства должен был найти мужество возвратиться к великому периоду композиций и нарисовать такие смелые картины, как «Яков с Ангелом», одна из лучших в этом направлении, или «Андромеда», или «Отвергнутый» — два маленьких эскиза, которые являются исключительным достижением. <...> Господин Рерих открыто признает свои корни, в том числе русское, французское и христианское наследие. В триптихе, который явился бы украшением любой церкви, он возвращается к великому периоду европейской живописи, когда религия являлась одним из основных источников художественного творчества. Он воссоздает с большой драматической силой «Распятое Человечество» с картинами «Освобождение» — в левой и «Куда ты идешь, Человечество» — в правой части триптиха.

*Д-р Чарльз Л. Фабри,
искусствовед*

«Во всех истинных произведениях искусства, — писал Карлейль, — ты увидишь Вечность, проглядывающую через время, Божественное, ставшее видимым». Насколько эти слова правдивы, человек понимает, когда имеет привилегию увидеть шедевры Святослава. <...>

Он является западным художником, следующим восточному идеалу: художник, который чист в жизни, спокоен в действии и духовен в устремлении. Такими были всегда истинные творческие гении мира.

*Г. Венкатачалам,
президент Общеиндийской ассоциации изящных искусств*

Его сила художника удивила всех. Обычно вполне достаточно, если художник может хорошо работать в одном жанре. Он же с одинаковой легкостью и успехом владеет жанром пейзажа, пишет бытовые сцены, картины на религиозные сюжеты, образные композиции, натюрморты и портреты.

*Х.Л. Прашер,
художественный критик «The Times of India»*

Все его полотна тесно связаны с Индией, с ее грандиозной и богатой природой, с различными аспектами ее жизни и удивительной культуры. <...> Он ставит цель воплотить в своем искусстве грандиозность и красоту мира в его единстве с внутренним миром человека.

*В.Ф. Левинсон-Лессинг,
заместитель директора Эрмитажа.
Ленинград, 12 июня 1960 г.*

В широком пространстве жизни Индии Святослав Рерих, подобно Шекспиру, позволил своим глазам и воображению в «прекрасном неистовстве» устремляться с небес на землю, от земли к небесам и глубоко напитываться их бесконечным разнообразием и богатством. <...>

Каждый настоящий художник также и алхимик. Он творит амальгаму впечатлений, которые дают ему его чувства, и успешный художник — тот, кто может так показать благородный металл, в который он трансмутирует свой опыт, что другие тоже могут разделить с ним его богатство. Хвала Святославу Николаевичу за то, что он так прекрасно это делает для нас! Здесь, на его холстах, мы можем разделить с ним его радость и горе, его торжество духа и тела, его сокровенное единство с жизнью, которую он изображает.

*Д-р Г.П. Малаласекера,
посол Цейлона в СССР*

Святослав Рерих унаследовал чистейшее и лучшее из западной традиции в искусстве, и в то же самое время он глубоко воспринял индийскую мысль и философию. Дух Индии слился с телом Запада. Мы находим в его работах удивительный диапазон, начиная с библейских притч Ветхого Завета и кончая идиллией и сценами из жизни индийской деревни.

Его картины часто обладают качеством надземности, и вместе с тем они всегда жизненно правдивы. Это сочетание кажущихся чуждыми друг другу элементов символизирует мир и единство, которые искусство может внести в сферу политики и экономики. Богатое и могучее искусство Святослава Рериха преодолевает национальные, исторические и географические границы и являет собой фокус единства для человечества.

Великое искусство одновременно универсально и уникально. Искусство Рериха в своих лучших достижениях является выражением особого гения русского ума в индийской среде. Оно индивидуально и в то же самое время является воплощением универсального духа человека.

*Д-р Гумаюн Кабир,
министр научных исследований и культуры Правительства Индии*

В искусстве Святослава Рериха находим новый индивидуальный подход, уникальное и всегда поразительно смелое сочетание цветов, рисунок высочайшего порядка, прекрасную ритмическую композицию, реализм, который состоит не в очевидной правдоподобности, но в выражении сущности реальности. И над всем этим — предвидение, основанное на интуитивном понимании духовных ценностей и глубочайшем познании, — разнообразном опыте и напряженном созерцании. Древнее санскритское изречение гласит: «Кто не является Риши, не может быть великим поэтом». И великим художником, добавлю я. Я считаю, что Святослав Рерих — Риши, и через его живопись нам даны прекрасные и вдохновляющие послания.

*П.В. Раджаманнар,
председатель Национальной академии музыки, танца,
драматургии и кинематографии.
Чиннаи*

Его опыт показывает, что Восток и Запад не противостоят, но дополняют друг друга. Его послание миру, в противоположность известному изречению Киплинга, состоит в том, что в конечном итоге они встретятся и смогут создать новый Золотой Век человеческой жизни и культуры.

*Герман Гети,
искусствовед и художественный критик*

Его портреты — не просто отображение, но они схватывают дух, божественность человеческого лица. Его пейзажи — поэма цвета.

*Сарвапалли Радхакришнан,
президент Республики Индия*

Обучаясь живописи у своего отца, Н. Рериха, Святослав Рерих овладел лучшими достижениями русского искусства, соединив их с художественной традицией Индии, которую он прочувствовал и понял очень глубоко и которая определила основной характер его искусства.

Вместе с тем искусство Святослава Рериха современно и стоит в ряду с лучшими находками европейского прогрессивного искусства.

*А.И. Замоцин,
директор Музея изобразительных искусств.
Москва, 11 мая 1960 г.*

С.Н. Рерих. Подвиз

Вестник Красоты

Понесем весть о красоте в каждое сердце, в каждый дом. Пусть стремление к прекрасному будет нашей повседневной молитвой... Поиски красоты — это то, что сблизит людей и спасет мир. Нужно в трудные моменты жизни мыслить о красоте.

С.Н. Рерих

Казалось, что этой жаркой и унылой пенджабской равнине не будет конца. Раскаленный ветер гнал желтую пыль по ослепительно сверкающей ленте асфальта, обжигая глаза, и горячими ладонями сердито стучал по тонкой обшивке «Москвича». Пыльное марево стояло над равниной, которую, казалось, уже давно покинули люди. И редко-редко на обочине дороги возникали домишки с плоскими крышами, повернутые слепыми, без окон, стенами к горячей ленте дороги. И миля за милей, час за часом — плоская желтая равнина, яростное солнце и буйство раскаленной пыли. Время от времени где-то на горизонте сквозь желтую пелену возникали очертания гор, но мне они казались миражом, плывшим над этой безлесной раскаленной равниной. Мираж то появлялся, то исчезал, и там, где только что были горы, повисали бесплодные тучи, не пролившиеся ни единой каплей дождя. Тучи тоже походили на мираж. Однообразие было таким одуряющим, что я не сразу заметила, как появились холмы, поросшие колючим кустарником, и дорога стала карабкаться вверх. Потом холмы сменились невысокими горами, а кустарник — густыми лесными зарослями. Но жара почему-то не спадала, хотя мутный диск солнца уже касался вершин гор. Солнце опускалось все ниже и ниже. Внезапно наступила темнота. И в этой темноте на горах зевом раскаленной печи светился горящий лес. Пахло дымом и пылью. Дорога была пустынная, и ее серые кольца то свивались, то вновь распрямлялись. Снизу доносился шум невидимой реки. Слева потянулись отвесные стены скал, справа обрыв падал в темноту, где шумела река. Временами я впадала в забытие, тогда дорога и скалы сливались в зыбкий рисунок, дро-

жавший в свете фар и в тумане пыльной завесы. Наконец туман исчез, и я стала замечать огоньки справа и слева от дороги.

— Долина Кулу, — сказал шофер. — Теперь нам надо найти Наггар и этот дом.

— Что, разве уже Гималаи? — спросила я.

— Теперь здесь везде Гималаи.

Я напрягла уставшие глаза, но в темноте, кроме редких огоньков и кусочка дороги, освещенной фарами, ничего не увидела. Река шумела где-то совсем рядом. Воздух стал чуть прохладнее, но машина была так разогрета, что это едва ощущалось. И вновь дорога поползла вверх, а машина, с трудом цепляясь за нее, с ревом карабкалась в темноту. Мы проехали горный поселок с темными узкими улицами и домами-призраками. А через несколько минут фары уперлись в ворота. За воротами мелькнули какие-то тени. Деревянные створы ворот бесшумно распахнулись, и я увидела освещенные окна большого дома, затянутого доверху плющом. И откуда-то сбоку знакомый голос сказал:

— Рад вас приветствовать в долине Кулу.

Я вышла из машины, разминая затекшие ноги, и увидела прямо перед собой высокую фигуру Святослава Николаевича Рериха и его приветливо улыбающиеся глаза. Появившаяся из темноты Девика Рани сразу затормозила меня и сказала, что надо немедленно идти ужинать. И только теперь я поняла, что воздух свеж и прохладен, что звезды такие низкие и яркие и все вокруг виллы Рерихов напоено запахом хвои и роз. И этот запах как-то тревожил и в то же время успокаивал. Меня ввели в освещенную гостиную. Я опустилась в мягкое кресло, и оно, ритмично раскачиваясь, поплыло вместе со мной туда, где

С.Н. Рерих и Л.В. Шапошникова. Москва, 1987

вилась раскаленная лента дороги по желтой и жаркой равнине.

Потом кто-то коснулся моего плеча, и снова знакомый голос произнес:

— Пойдемте, вам надо хорошо выспаться и отдохнуть.

И Святослав Николаевич повел меня в дру- гую комнату, где стояли две кровати, кресло с высокой спинкой, шкаф, и на камине я увидела большой букет роз.

— Это для вас, — сказал он. — Матушка привезла эти розы из Парижа. Они прижились у нас. Вы завтра увидите целый цветник этих роз. А эта комната была спальней моих родителей. Вы будете спать на кровати моей матушки. Спокойной вам ночи. Увидимся завтра.

То, что мне придется спать на кровати Елены Ивановны, было для меня столь неожиданным, что я некоторое время не могла двинуться с места. И долгое время никому не рассказывала об этом, боясь, что мне не поверят.

Был июнь 1972 года, и я, закончив трехгодичную работу в отделении Общества советско-индийской дружбы, уже отправлялась домой. За несколько дней до отлета в Дели мне позвонил Святослав Николаевич и пригласил в Кулу на две недели. Я согласилась сразу, ибо, живя долгое время в южной Индии, ни разу не была в Гималаях. Вилла Рерихов располагалась на склоне над Наггаром, и оттуда открывался удивительно красивый вид долины Кулу, который я увидела ранним утром.

Зажатая с двух сторон западными и восточными отрогами Гималаев, она лежала передо мной, прорезанная лентой бурного Беаса. Ближние склоны гор поросли гималайской сосной и кедром, и среди этих рощ были разбросаны редкие дома. Но ничто здесь не напоминало ту Индию, которую я знала до сих пор. Казалось, я попала в другую страну. За лесистыми склонами поднимались ослепительные снежные вершины, в их изломах дробился голубой цвет неба. Внизу подо мной лежал древний поселок Наггар. Крыши, покрытые серыми плитами сланца, веранды, нависающие над узкими извилистыми улочками, синие дымки, просачивающиеся из открытых дверей прокопченных старинных харчевен, неуклюжая квадратная башня замка.

А между замком и виллой стоял под трехъярусной крышей древний храм, посвященный богине Трипурасундарам, с которого я и начала под водительством Святослава Николаевича осваивать долину Кулу. В то утро забили барабаны, загудели длинные трубы, и народ в ярких одеждах стал стекаться к храму. Мы со Святославом Николаевичем отправились туда же, и я сразу заме-

тила, как почтительно здоровались с ним, называли «бара сааб» — «большой господин» и расспрашивали его о здоровье и делах. Святослав Николаевич держался со всеми просто, охотно отвечал на вопросы, и через некоторое время мы оказались окружены целой толпой людей в костюмах, скорее похожих на европейские, чем на индийские. И я до сих пор уверена, что именно Святослав Николаевич помог мне установить с жителями Кулу доверительные отношения, которые потом помогли увидеть в долине немало интересного. В тот день торжественно отмечался праздник дасиры. И тогда я впервые встретила богов Кулуты, которых на носилках несли в гости к богине Трипурасундарам. Потом начались танцы, и я увидела, как Святослав Николаевич увлечен этим зрелищем, яркими цветами одежд, серебряными и бронзовыми масками богов, красотой участников праздника. Видимо, и он, и я как-то неосознанно наблюдали друг за другом. Когда я привезла много лет спустя наследие Рерихов в Москву, то там был обнаружен снимок, сделанный Святославом Николаевичем, когда я с фотоаппаратом охотилась за интересными сюжетами во время праздника. Было еще несколько снимков, которые он сделал незаметно для меня — то за книгой, то за писанием. Мы часто гуляли по окрестным горам. И я заметила одну его особенность. Человек, идущий рядом с ним, не уставал на крутых подъемах. Мы много беседовали во время прогулок, а иногда Святослав Николаевич приглашал меня на скамью, стоящую под деодаром во дворе виллы.

— Ну, так о чем мы сегодня поговорим? — спрашивал он и загадочно улыбался.

Конечно, я не заставляла себя ждать. Меня интересовало много, особенно то, что связано с сокровенными моментами жизни Рерихов. Святослав Николаевич рассказывал просто и подробно. За две недели непрерывного общения я накопила большой запас знаний о том, о чем раньше и не подозревала. Но однажды он сказал:

— Это я рассказываю только для вас. Полагаю, что со всем этим вы обойдетесь бережно.

И он поведал мне об архиве Елены Ивановны, а потом спросил, кому бы можно было передать его в Советском Союзе.

— Мои родители, да и мы с Юрием Николаевичем, все работали для России, и то, что сделали, хотели передать ей. А архивы матушки — самое ценное во всем наследии. Это прежде всего беседы с Учителем, которые послужили основой Живой Этики. Там много такого, чего еще нельзя открывать. Но я остался один из всех, и на мне лежит ответственность передачи наследия и особенно архивов. — Лицо его стало строгим и пе-

чальным. Я не была готова сразу ответить на этот вопрос.

— Что вы скажете по этому поводу? — настаивал он.

Я была в затруднении, ибо понимала, что передача *такого* архива в Советский Союз ничего хорошего не сулит. Если отдать его в частные руки, то неясно, чем это кончится. Если в какую-либо организацию, то доступа к архиву у нормальных исследователей не будет. И более того, не исключена и его полная засекреченность. Я объяснила все Святославу Николаевичу. Он слушал внимательно, опустив голову. Потом посмотрел на меня пронизательно, как бы испытующе.

— Значит, вы не считаете возможным передать архив в Советский Союз?

— Да, не считаю, — ответила я.

— В ваших рассуждениях есть большая доля правды. Оставим пока эту проблему и подождем. — И снова изучающе посмотрел на меня. Весь день ходил сосредоточенный, как будто размышляя о чем-то очень важном. В тот день мы с ним больше не беседовали. А наутро погода в долине испортилась. Облака желтой пенджабской пыли повисли над ней, притушив яркое солнце и закрыв окрестные снежные горы. И там, вверху, образовалась какая-то странная пустота, как будто ни гор, ни солнца никогда и не было. Я смотрела на эту пустоту, и идти мне никуда не хотелось. Около виллы, как всегда, толпился народ. Сюда поднимались туристы, шумные компании студентов. Они останавливались у ворот виллы и робко спрашивали, здесь ли находится галерея картин Рериха. Как обычно, их встречал неизменно приветливый Святослав Николаевич. Он вел посетителей в комнаты первого этажа, где по стенам были развешаны гималайские этюды Николая Константиновича. Люди подолгу стояли у картин, удивлялись, что они написаны русским, а потом спускались вниз по склону к серому камню, на котором были высечены слова:

«Тело Махариши Николая Рериха, великого друга Индии, было предано сожжению на сем месте 30 магхар 2004 года Викрам эры, отвечающего 15 декабря 1947 года. ОМ РАМ».

Когда, наконец, последняя группа покинула двор виллы, Святослав Николаевич подошел ко мне.

— Давайте сходим в «Урусвати», — неожиданно предложил он.

«Урусвати» — так назывался Институт Гималайских исследований, созданный Рерихами после Центрально-Азиатской экспедиции.

— Разве что-нибудь сохранилось? — спросила я.

— Идемте. — И Святослав Николаевич направился к воротам виллы.

Мы поднялись по тропинке, вьющейся по некрутому склону, и метров через пятьсот оказались на небольшой площадке, поросшей ярко-зеленой травой. Здесь стояли два здания Института. На одном из них еще сохранилась вывеска: «Урусвати».

— Весь этот склон и роща, — сказал Святослав Николаевич, — принадлежат Институту. Двадцать акров земли, которую мой отец Николай Константинович отдал для этой цели. Вот в этом доме, — Святослав Николаевич показал на первый из них, — работали и жили зарубежные сотрудники, а в следующем были лаборатории.

Чуть в стороне, ниже по склону, виднелась гряда камней, бывшая, очевидно, фундаментом какого-то строения. Оказалось, что там стоял дом, в котором жили тибетские ламы, помогавшие Юрию Николаевичу Рериху в его исследованиях.

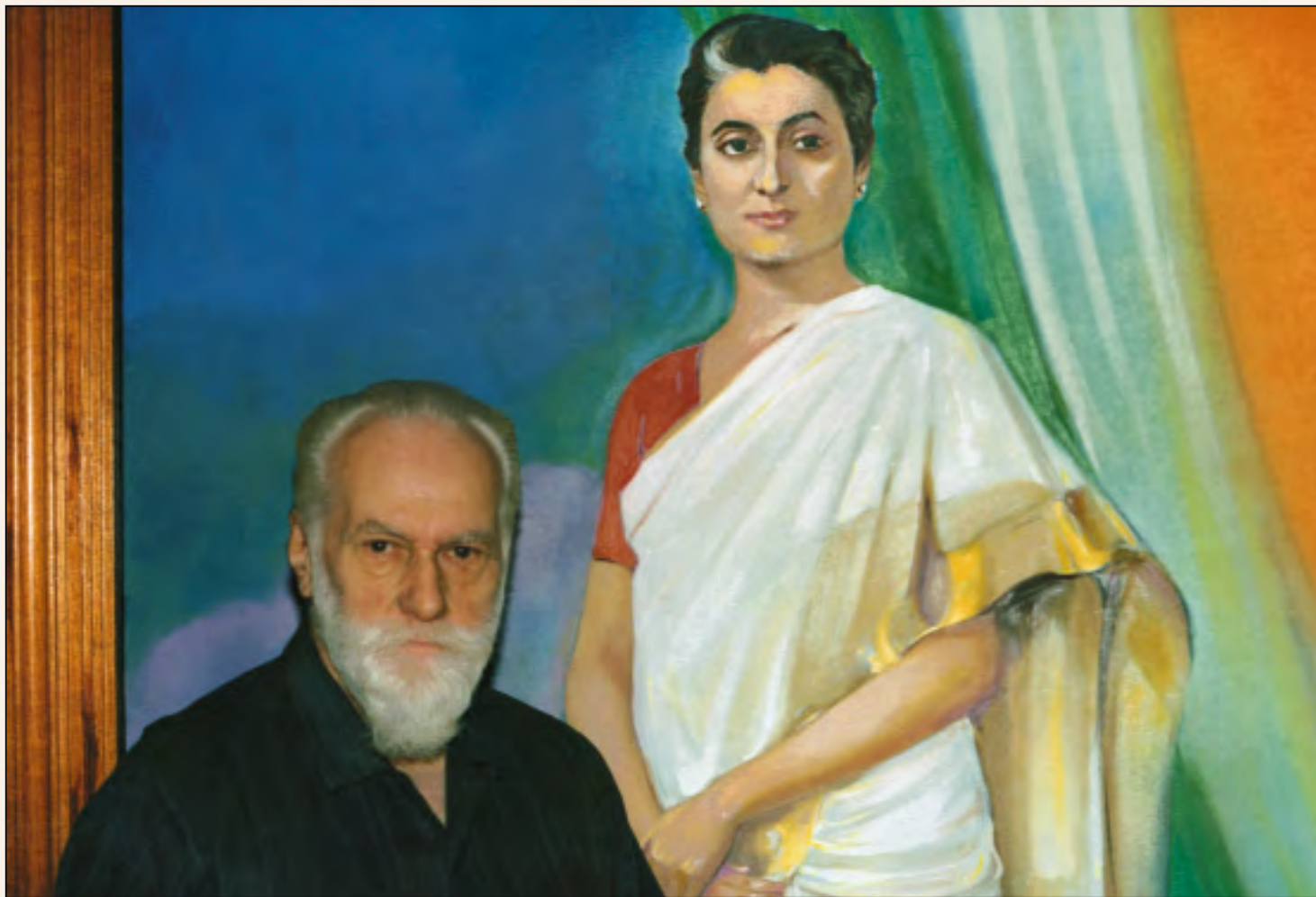
Мы начали осмотр домов. Шаги гулко отдавались в пустых помещениях. Комнаты тянулись одна за другой. В одном из помещений мы остановились перед дверью. На ней висел массивный замок. Заржавевший механизм долго не поддавался. Наконец он со скрипом открылся. Мы толкнули дверь и оказались в большом зале. Свет с трудом пробивался сквозь плотно закрытые ставни. Когда глаза привыкли к полумраку, я увидела повсюду ящики. Они громоздились друг на друга. Ящиков было много, их покрывал толстый слой пыли. По стенам стояли застекленные шкафы.

— Наши коллекции, — коротко бросил Святослав Николаевич.

Это были коллекции, частично оставшиеся от Центрально-Азиатской экспедиции и собранные экспедициями самого Института, — богатейший научный материал, к которому несколько десятков лет не прикасалась рука ученого. В застекленных шкафах и ящиках находилось собрание ценных этнографических и археологических находок. Орнитологическая коллекция насчитывала около 400 видов редчайших птиц, некоторые из них сейчас уже исчезли. Ботаническая — полностью представляла флору долины Кулу. Геологическая — содержала немало редких минералов. Тут же были и зоологическая, фармакологическая, палеонтологическая коллекции.

Мы прошли в следующее помещение, по стенам которого тянулись полки с книгами — четыре тысячи томов. В одном из зданий обнаружилось оборудование биохимической лаборатории. Книги давно уже никто не снимал с полок, лабораторным оборудованием не пользовались... Тем не менее все это не производило тягостного впечатления запустения и упадка. Каза-

С.Н. Рерих рядом со своей картиной «Индира Ганди»

лось, люди лишь недавно покинули эти стены, по каким-то не зависящим от них обстоятельствам неожиданно и внезапно оторванные от интересной работы. Они успели только упаковать коллекции и закрыть на замки двери библиотеки и лаборатории...

— Вот что такое «Урусвати» теперь, — Святослав Николаевич печально наклонил голову. — Но ведь советские ученые могут здесь работать? — глаза его улыбнулись. — Об этом не раз говорили и мой отец, и брат. Почему бы советским и индийским ученым здесь не поработать вместе? Все это, — он обвел взглядом вокруг, — может оказаться в их распоряжении. Русские начали, русские должны и продолжить...

Эта тема — «русские начали, русские должны продолжить» — целый день звучала в наших беседах.

— Вы должны знать, — говорил Святослав Николаевич, — что этот Институт не просто очередное научное учреждение. В нем заложено будущее нашей науки. Тогда, во время войны и после, судьба Института складывалась непросто, и прервались те исследования и та научная методо-

логия, которая была заложена в нем. И заложена была не нами, Рерихами, а нашим Учителем, который создал Живую Этику и планы которого мы выполняли. Вы знаете, все очень интересно было задумано и еще более интересно исполнялось. Во всех этих действиях, в которых мы участвовали, было не только будущее новой науки, но и будущее эволюции человечества, его преобразования, его новых форм существования. Учитель не только передал нам знания, но и руководил тремя действиями, в которых мы все участвовали.

— И что это за действия? — спросила я.

— Вы нетерпеливы, — улыбнулся Святослав Николаевич, — я все расскажу. Эти три события — Центрально-Азиатская экспедиция, по маршруту которой были заложены магниты будущих культурных центров планеты, огненный опыт Елены Ивановны Рерих, изменивший нашу энергетику, и Институт Гималайских исследований — предтеча новой науки, Новой эпохи.

Все чаще и чаще в наших разговорах звучали эти слова — Новая эпоха, новое мышление. А через несколько дней Святослав Николаевич по-

просил передать его предложение Академии наук СССР. Он хотел, чтобы группа советских ученых прибыла в Кулу и решила проблему совместного с Индией сотрудничества в Институте Гималайских исследований. Я согласилась и передала все это тем, от кого зависело выполнение просьбы Святослава Николаевича. Но сам процесс шел медленно и вяло, обстоятельства менялись, трудности задуманного росли. План так и не был выполнен. Но это не значит, что у него нет будущего.

Я уезжала из долины Кулу ранним утром. Розовели снежные вершины Гималаев. По шоссе тек нескончаемый поток овечьих стад и мешал нашему автобусу. Пастухи-гадди старались удерживать овец в русле шоссе. Женщины с коническими корзинами за спинами шли по обочине дороги. Над сланцевыми крышами домов стояли синие дымки. И снова передо мной разворачивалась многокрасочная кинолента долины, такой древней и в то же время в чем-то современной.

Когда вспоминаю Святослава Николаевича, каждый раз невольно возвращаюсь к моменту нашего знакомства. Оно тоже было необычным, как все, что связано с ним. С того времени и до последнего его часа, часто встречаясь со Святославом Николаевичем, я имела возможность понять, хотя бы в общем, его творческие и духовные особенности, его свойства мыслителя и выдающегося художника...

Помню напоенную пряными ароматами ночь Индии, яркие звезды, запутавшиеся в странно изогнутых ветвях, казалось бы, нездешних деревьев, высокую, прямую фигуру с царственно поднятой седой головой и старого искусствоведа, стоявшего на ступеньках и объяснявшего что-то седоголовому. Тот слушал как-то рассеянно и невнимательно и искал глазами кого-то там, в ночной темноте. Потом его взгляд вдруг остановился на мне.

— Входите, я вас ждал, — неожиданно сказал он, сходя со ступенек крыльца.

И я вошла. Вошла в удивительный, волшебный мир, где продолжал царить дух тех двух Великих, давших жизнь тому, кто меня позвал. Вошла, чтобы никогда из этого мира не уйти. Так состоялась в 1968 году моя первая встреча со Святославом Николаевичем Рерихом, младшим сыном Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерихов, художником и мудрецом. Потом были и другие встречи, и каждая наполняла мою жизнь каким-то новым и неожиданным смыслом. Мы беседовали с ним часами в его мастерской, где на мольберте стояла очередная, еще не законченная картина, стены были увешаны тибетскими танками и индийскими средневековы-

ми миниатюрами, а на книжных полках стояли старинные бронзовые фигурки редкой красоты.

Из всего услышанного мной фраза «Будем стремиться к Прекрасному», пожалуй, повторялась им чаще, чем другие. Особенно часто она звучала в его устах в конце 1989 года, когда он приехал в нашу страну в связи с организацией Советского фонда Рерихов. Он подписывал ею свои фотографии, произносил ее почти во всех интервью, которые давал газетам и журналам, говорил ее с экрана телевизора. Для него она была наполнена глубочайшим смыслом.

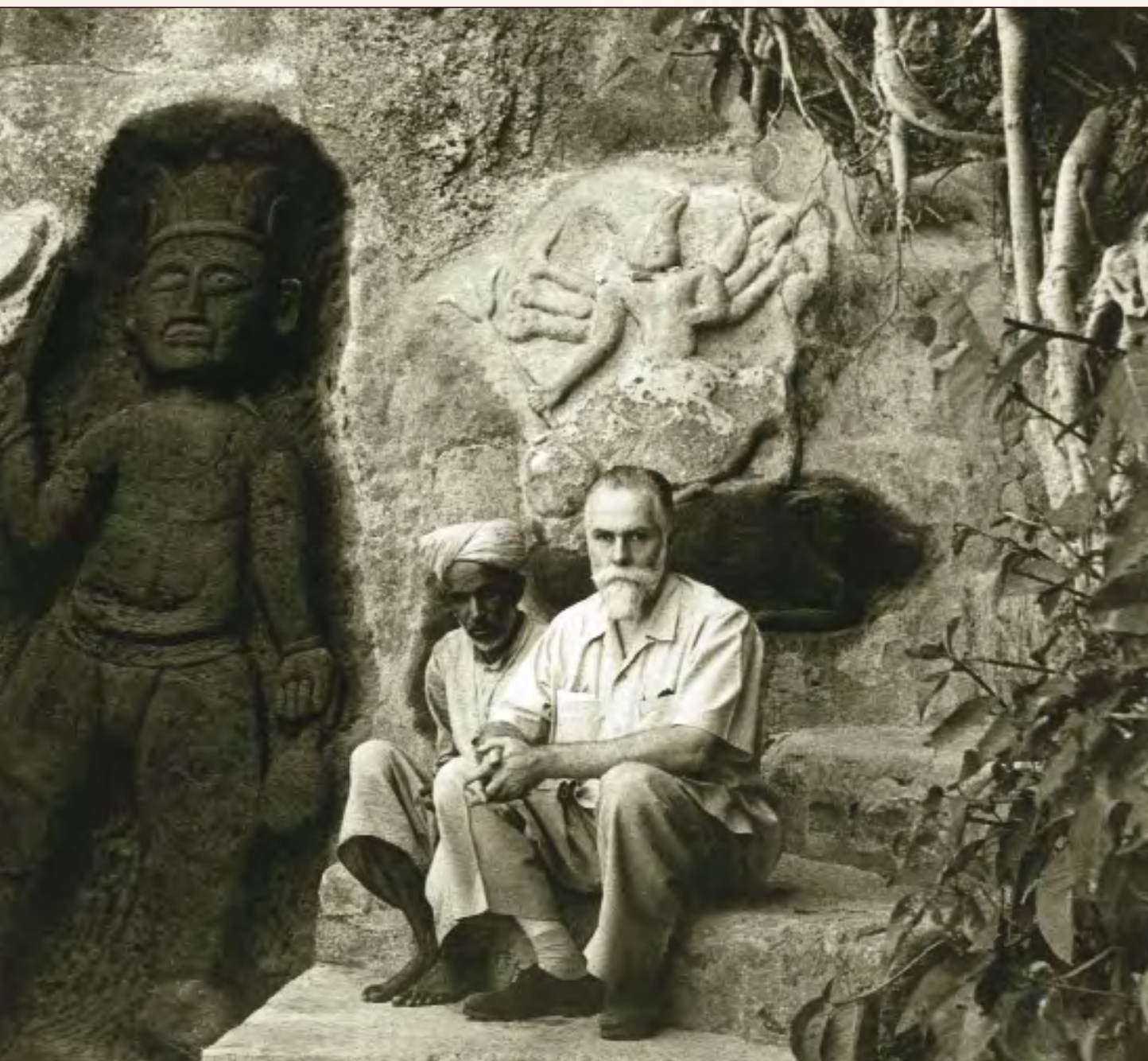
Все четверо Рерихов — единомышленники, их вели по жизни одни и те же идеи, одни и те же задачи, одни и те же Учителя. Живая Этика,

или Агни Йога, пронизывала творчество всех членов этой уникальной семьи. Она же и сформировала их мировоззрение. Николай Константинович Рерих назвал это мировоззрение энергетическим. Энергетика одухотворенного Космоса, согласно концепции Живой Этики, связывает все его части, начиная от атома и человека и кончая космическими телами пока еще нам неизвестных размеров и качеств. Эта энергетика — главное условие и главный двигатель Космической эволюции человечества. Все то, носителем чего является человек, — его чувства, мысли, дух, тело, традиции, стремления, восприятия, его творчество энергетичны по своей сути и взаимодействуют с общей космической энергетикой.

Сказать просто, что Святослав Николаевич был последователем энергетического мировоззрения, значит сказать очень мало. Он был не только последователем, но и толкователем этого мировоззрения. Как зрелый философ, он по своему сумел осмыслить и развить его важнейшие положения и идеи. «Наше внутреннее стремление к чему-то более совершенному, — говорил он об источниках своего вдохновения, — более прекрасному является той великой внутренней силой, которая изменяет нас и изменяет также нашу жизнь. Без этого внутреннего пламени человек не может разбудить в себе скрытые энергии и не может подняться на более высокий уровень знания и опыта. Это внутреннее

С.Н. Рерих в пещерном храме. Индия, 1960-е гг.

стремление к своей кульминации побуждают определенные нервы, которые являются проводниками скрытых энергий»¹. Удивительно точные слова — «внутреннее стремление к своей кульминации» — дают нам представление об уровне мышления и литературных способностях Святослава Николаевича. Его привлекали те энергетические процессы, к которым он был наиболее близок, опыт в познании которых накопил в течение своей жизни. Красота, ее суть и роль, ее энергетика занимали, пожалуй, первое место в этом опыте. «Невыразимая аура славы, излучаемая великим произведением, — объяснял он, — это эманация скрытых вибраций, которые закреплены в структуре великого произведения искусства. Волшебство чувств, мыслей и сильных желаний Великих Мастеров пленены в произведении, излучаются на зрителя и пробуждают в нас сходные ответные чувства, помимо чисто энергетического и духовного понимания того, о чем говорится. Мы отзываемся на более совершенные сочетания и называем их прекрасными. Мы ценим более совершенное равновесие и гармонию, так как мы отзываемся на естественный эволюционный поток, вызывающий более совершенные формы и сочетания цвета, звука, слов и формы. Эти великие произведения являются кладовыми громаднейших энергий, которые могут активизировать и изменить миллионы зрителей и повлиять на бесчисленные поколения через весть красоты, излучающуюся из них. Такова необыкновенная власть искусства, скрытая сила, всегда присутствующая и активная в великом произведении»². В таких словах Святослав Николаевич изложил свое понимание Красоты во всем ее энергетическом богатстве. «Естественный эволюционный поток, выявляющий более совершенные формы и сочетания цвета, звука, слов и формы», — это и есть сформулированная Святославом Николаевичем Истина, которая ставит Красоту, выраженную в подлинном искусстве, в энергетический ряд Космической эволюции, придавая ей важнейшую роль в этой эволюции и объясняя извечную, нередко бессознательную тягу человека к Красоте. Ибо Красота и есть та высшая энергетика, формирующая «естественный эволюционный поток», о котором повествуют книги Живой Этики. «Для меня реально и очевидно, что в искусстве и красоте заключены сверхъестественные силы», — поясняет он, употребляя слово «сверхъестественный» отнюдь не в расхожем его смысле, а имея в виду ту энергетическую высокую вибрацию, которая еще недоступна человеку.

Красоту, с которой мы соприкасаемся в нашем плотном физическом мире, можно разделить на две группы. Красота, созданная энергетикой Природы и несущая в себе ее дух, ее силу, и Красота рукотворная, как результат творчества самого человека, также несущая в себе его силу или энергию духа. Возникая на разных уровнях, и Красота природная, и Красота рукотворная тем не менее имеют в себе много общего, ибо та и другая подчиняются единым энергетическим законам, которые мы называем Законами Космоса. Святослава Николаевича как художника и мыслителя привлекала в первую очередь тайна Красоты рукотворной. Он исследует ее механизмы, стремится определить ее скрытые пружины и проявить сокровенные корни. Красота не может быть создана без высшего идеала, справедливо считал он. Разрушение этого идеала — духовного или эстетического — приводит к обезображиванию жизни, к гибели ее эволюционного стержня. Утрату высшего эстетического идеала мы наблюдаем во всем мире, и в нашей стране также, где на смену разрушенному идеалу идут фальшивые ценности западной массовой культуры, которая калечит неустойчивую энергетическую тех, кто так или иначе оказался подвержен воздействию такой «культуры». С этой точки зрения работы Святослава Николаевича имеют для нас непреходящее значение. Вестник Красоты и ее творец, он не уставал разъяснять ее эволюционный смысл, настаивая, так же как и его отец, на непреложности этого смысла: «поиск прекрасного является наследственной эволюционной силой».

Эта «наследственная эволюционная сила» звучала в человеке с самого начала его существования и развивалась в нем на протяжении тысячелетий его истории. Без этой природной силы не могли бы сформироваться ни культура, ни творчество, ни связь с Высшим. Сама эта сила носила религиозный характер, так же как и самые первые петроглифы, высеченные человеком на скале, или первые его росписи, или вылепленные им фигурки богов. Иными словами, искусство, появившееся на заре человеческого сознания первой звездой связи с нездешним, уже несло в себе духовно-энергетическую силу поиска Прекрасного. И если развить эту мысль далее, то ощущение Красоты, заложенное в человеке с первых его шагов, создавало человека духовного, способного к дальнейшей эволюции. Труд же дал возможность этому человеку выразить себя и творить, подобно Богу, Красоту по Великому космическому закону. И поэтому искусство, реализованное в рукотворном труде, несло человеку и

¹ Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. М., 1993. С. 5.

² Там же. С. 6.

связь с Высшим, и способность ощутить себя этим Высшим. Именно искусство показало человеку, что подлинный художник есть Бог, создающий Красоту и увлекающий остальных к Высшему этой Красотой. Вазари, например, писал о Леонардо да Винчи: «Все его творения являются результатом божественного предназначения, а не искусством, созданным человеком»³. Вот это «божественное предназначение» и делает художника Великим Мастером, чья роль в космической эволюции равноценна роли тех Великих душ, которые несут человечеству свет новых учений или философские концепции, способствующие познанию окружающего мира.

Из многих бесед со Святославом Николаевичем я поняла, как много и серьезно интересовал его вопрос о том, что именно способствует появлению таких Мастеров и какова их действительная роль в эволюции. Он вовлек меня в размышления обо всем этом, и мы даже спорили с ним. Но он всегда оказывался прав. Как-то во время моего очередного визита к нему он протянул мне пачку листков. Это была его лекция о гуманизме в искусстве в одном из индийских университетов. И в ней я нашла глубокую формулировку, касающуюся Великих Душ и Великих Мастеров. «Эти поиски высших ценностей повторяются периодически, и кульминацией обычно является момент, когда дремлющие до сих пор творческие силы раскрываются и появляются Великие души, будто притянутые невидимым, неизвестным магнитом, чтобы, используя весь накопленный опыт прошлого, создавать новые формы и сочетания. Эта переоценка высших человеческих ценностей всегда являлась одним из мощных стимулов для продвижения вперед»⁴.

«Переоценка высших человеческих ценностей» создавала очередную ступень эволюционной лестницы космического восхождения человечества, которую творили Великие души и Великие Мастера. Эта мысль Святослава Николаевича вскрывает самую суть творческого процесса, завершением которого были эти Великие сущности. Их появление, или, скорее, явление, было связано с духовной работой целых поколений человечества, которые участвовали в энергоинформационном обмене с Высшим. Великий Мастер есть проявление Высшего творчества на Земле, в котором участвуют миры различных состояний материи и различных ее измерений. Фактически это процесс преобразования самого человека и достижения им высокой степени богочеловека, указание на которого мы находим в

Живой Этике. Я не однажды была свидетелем удивительного творческого развития идей Живой Этики, методом которого блестяще владел Святослав Николаевич. Его мысль всегда что-то пробуждала во мне и содействовала, как я определяла, просветлению ума и сердца. В одной из бесед Святослав Николаевич обратил мое внимание на то, что именно трехмерный плотный мир играет в процессе преобразования человека важнейшую роль. Диалектика Космической эволюции заключается именно в том, что без грешной Земли нет богочеловека. Первые шаги Великого неотделимы от этого мира. Он, Великая Душа, или Великий Мастер, как бы опирается на плотную энергетическую основу земного человечества, чтобы взлететь туда, где ждут его миры иных измерений, иных состояний материи. Но, преобразив себя в более высокую сущность, он уже создает своим творчеством то энергетическое поле, которое продвигает человечество дальше и выше и таким образом облегчает и ускоряет эволюционный путь самого человечества.

Энергия произведения искусства — совершенно особая. Она больше, чем что-либо другое на Земле, связана с энергетикой миров иных измерений. В Великом Мастере, в его творчестве как бы звучат струны этих нездешних миров, ибо ни одно явление на земле не может быть познано или понято без этой музыки, без ее тонкой энергетики, которая присутствует также в каждом из нас и складывает миры нашего духа. Творчество Великого Мастера зарождается где-то на тончайшей грани, соединяющей миры иные с нашим, той грани, которая потом и отразит, светом или мыслью, Красоту этих миров в самом произведении.

В архиве Международного Центра Рерихов, уже после того как Святослав Николаевич передал России наследие своих родителей, я обнаружила одно из его писем Павлу Федоровичу Беликову. «Наш творческий процесс, — писал Святослав Николаевич, — это воплощение нашего внутреннего мира, звучание нашего духа. Но так же, как бывает трудно, подчас невозможно выразить словами то, что мы ощущаем в глубинах нашего сердца, так же трудно, даже труднее бывает воплотить это в двух измерениях [на листе]. Всякое истинное творчество неразрывно связано с внутренним миром художника и в известной степени является мерилем его истинного Я. Я говорю “в известной степени”, ибо разные физические ограничения неизбежно налагают свою печать»⁵.

³ Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. С. 7.

⁴ Там же.

⁵ Письмо С.Н. Рериха П.Ф. Беликову от 30 июня 1966 г. / Отдел рукописей МЦР. Дело № 10955. Лист 86—89.

Опыт самого Святослава Николаевича был столь богат и разнообразен, что, может быть, он, как никто другой, чувствовал те «физические ограничения» нашего плотного мира, которые с особой силой проявляются в художественном творчестве. Именно в этом пространстве возникает противоречие, которое и составляет суть действия между желаемым и действительным, между мечтой и ее реализацией. Это желаемое и мечта рождаются в нездешнем мире, но воплощаются на Земле. Поэтому творчество в области Красоты и искусства несет нам дыхание и аромат иных миров, озаряя нас их энергетикой. И чем выше Мастер по своим устремлениям и идеалам, тем ощутимее энергетика миров иных измерений. Великий Мастер своим трудом и талантом преодолевает противоречие между плотным и тонким состоянием материи и максимально приближается, находясь в плотном мире, к понятиям тонким — желаемому и мечте. Он как бы преодолевает сопротивление плотной материи, совершая прорыв в неизведанные глубины Космоса, соприкасаясь с более высокими измерениями и впитывая в себя энергетика их миров. Вазари называл эту энергетика Небесным огнем. Возможно, этот Небесный огонь Красоты и вдохновения притягивает нас к творениям Великих Мастеров, влияет на нас, организует нашу энергетика в том единственно верном направлении, которое соответствует самому естественному потоку эволюции. Святослав Николаевич говорил о таинственной силе, которая заключена в совершенных пропорциях подлинного искусства. И «Небесный огонь», и «таинственная сила» свидетельствуют об одном и том же явлении — Красоте и ее энергетике и той Истине, которая содержится в этом явлении. Сама эта Красота, созданная Великим Мастером, может выражать Истину языком искусства, энергетика которого тоньше и богаче слова. Существуют различные методы воздействия на энергетика человека и передачи ему необходимой информации. Искусство является наиболее концентрированным и всесторонним методом воздействия не только на мозговые центры человека, но и на все остальные.

Святослав Николаевич говорил, что свет искусства озарит сердца новой любовью. Мне не сразу стала понятна эта мысль, а новая любовь не вызывала у меня поначалу никаких ассоциаций. Но по мере проникновения в глубь сказанного Святославом Николаевичем я уяснила, что речь шла опять-таки о Красоте, даруемой истинным искусством человеку, которая несет каждому новому эволюционному витку свои открытия. Новая любовь, о которой говорил Святослав

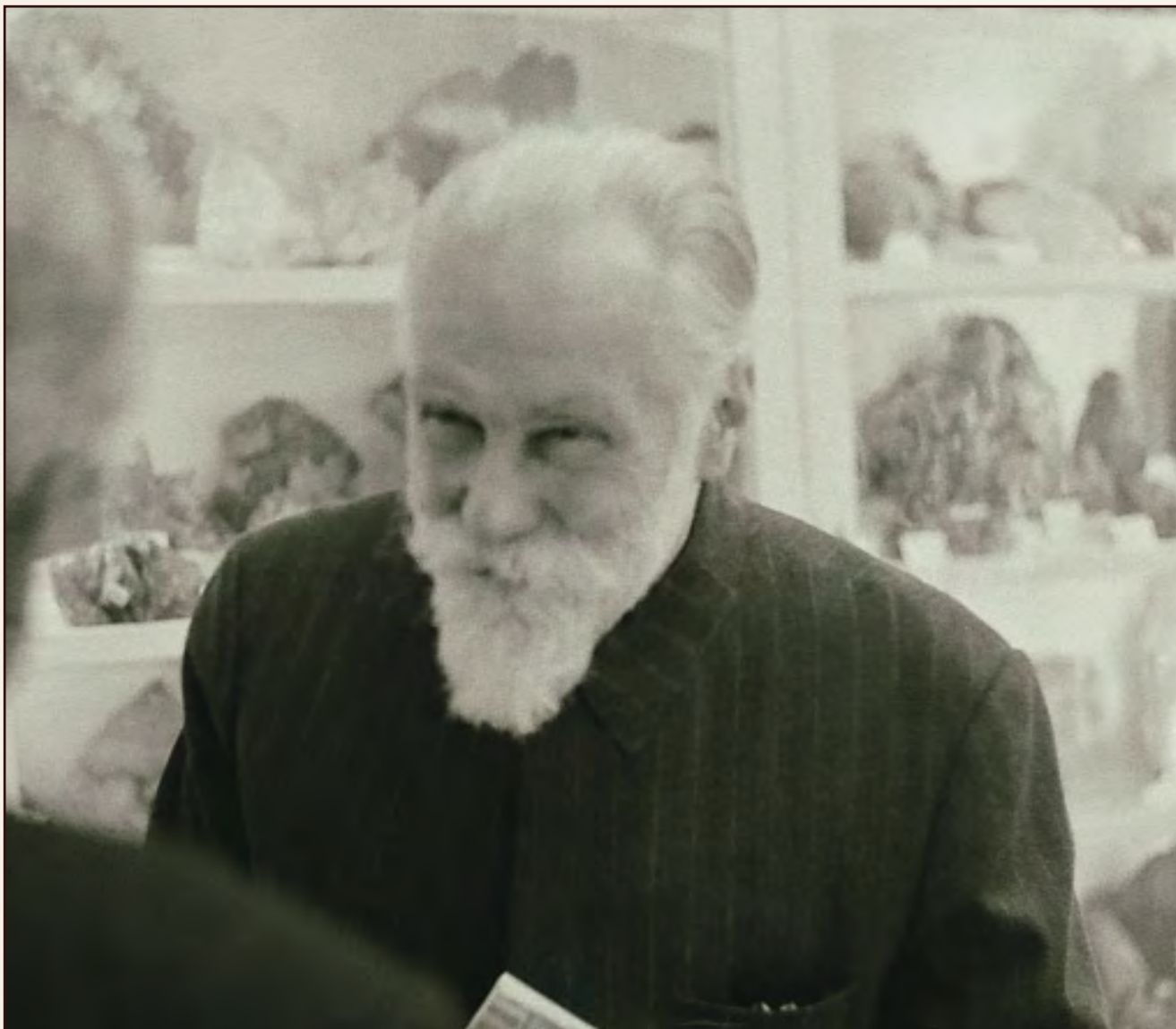
Николаевич, есть достояние надвигающейся ступени Космической эволюции. Она встретит человечество у тех особых ворот, ключ от которых, по выражению Рабиндраната Тагора, находится в исключительном владении современного искусства.

«Истина в Красоте, — сказано в одной из книг Живой Этики. — Космос утверждает на этой формуле эволюцию. Космос направляет мир к овладению Красотою»⁶. Исследуя и осмысливая «священное царство красоты», по его же собственному выражению, Святослав Николаевич находил в нем все новые и новые грани. Будучи оригинальным философом и прекрасно владея энергетическим мировоззрением Живой Этики, он всегда обращал в своих писаниях, в выступлениях, в доверительных беседах наше внимание на те стороны энергетического процесса Прекрасного, которые мы, возможно, и не замечали. Николай Константинович Рерих строил свою концепцию исторического процесса на единстве прошлого, настоящего и будущего. Он справедливо считал, что будущее опирается на прошлое, забирая у этого прошлого все то, что может лечь в фундамент будущего развития. Святослав Николаевич, осмысливая пути Прекрасного, исследуя его энергетика, говорил о настоящем, в котором время от времени происходит энергетический всплеск прошлого, переосмысление этого прошлого и возрождение его на новой основе. Позиции отца и сына, затрагивающие различные грани взаимодействия прошлого, настоящего и будущего, не противоречили друг другу.

Святослав Николаевич, открыв свою грань в таком взаимодействии, считал, что переосмысление великого прошлого рождает вдохновение и творческий порыв. Эпоха Ренессанса, художников и философов которого он очень любил и собрал большую библиотеку о них, была для него блестящим примером такого прорыва прошлого. Во многих наших беседах он часто возвращался к размышлениям о культуре Ренессанса. Ибо в этой эпохе, сменившей Средневековье, присутствовали и вдохновение, и творческий порыв, так им любимые и почитаемые. Мир античности как бы оплодотворил своей энергетикой культуру позднего европейского Средневековья, и она получила новое качество, создавшее блестящую эпоху, напоенную искусством самого высокого духа. Именно Красота оказалась мощным энергетическим возбудителем развития нового этапа культуры, когда творцы и соиздатели ее, притянутые магнитом Прекрасного Древней Греции и Рима, синтезировали их с тем, что создано Средневековьем, и, поправ свойственный последнему

⁶ Беспредельность, 178.

С.Н. Рерих в музее Горного института. Ленинград, 1975

аскетизм и ограниченность, потянулись к Радости, Солнцу и Свету.

Каждое искусство время от времени, говорил Святослав Николаевич в одной из лекций, «пытается открыть заново или воскресить великий дух, который двигал древними, и это повторное открытие ведет к новым свершениям, завоеваниям и опять же к новому развитию»⁷. Синтез древности и современности, создавший эпоху Ренессанса, напоил своей энергетикой искусство Европы на длительный период и продвинул ее философскую мысль далеко вперед. Этот синтез значительно расширил границы «священного царства красоты», воскресив «великий дух, который двигал древними».

Святослав Николаевич большую часть жизни прожил в Индии. Было ли это для него случайностью? Вряд ли. Именно Индия, ее философия,

красота и утонченность были источником его художественного вдохновения и его творчества в целом. Среди остальных Рерихов именно он был больше всего, если так можно сказать, «индийцем». Его тесная связь с Индией была закреплена также его женитьбой на выдающейся индийской киноактрисе Девике Рани, внучке Рабиндраната Тагора. «В 1928 году, — рассказывал он, — я возвращался в Индию после продолжительного отсутствия. И когда сошел с корабля в Бомбее, почувствовал, как будто вернулся к чему-то особенно знакомому и близкому, как будто вернулся на землю, которую так хорошо знал»⁸.

Мое индологическое образование сыграло немаловажную роль в развитии нашей дружбы. Еще до нашего знакомства Святославу Николаевичу были известны мои книги об Индии, и они его, как он мне рассказывал, заинтересовали. Моя

⁷ Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. С. 11.

⁸ Там же. С. 13.

С.Н. Рерих. Я был человек

увлеченность этой страной ему импонировала. Сам же он был бесконечно увлечен Индией и прекрасно ее знал. Мне, индологу, было очень далеко в этом отношении до него. Он носил в себе какое-то удивительное внутреннее познание этой страны. Он запечатлел на своих полотнах ее красоту и считал ее второй Родиной. Для него Индия была всегда чем-то очень важным. Его высокая духовность складывалась под влиянием ее культуры. Индия, как магнит, всегда манила его и притягивала. Надо сказать, что в этом отношении он не был одинок. Магнетизм Индии испытывали многие. Пожалуй, это самое главное чудо, которым обладает эта древняя страна. В чем же все-таки тайна ее великой притягательности? Прежде всего в непрерывности культурной традиции, которая объясняет и все остальное. Многие тысячелетия протекли над Индией, ее снежными горами, знойными равнинами и раскаленными пустынями. И так сложилось, и, возможно, тоже не случайно, что главная нить куль-

турной преемственности в этой стране не прерывалась. Прошедшие по пространству Индии народы не исчезли, как это было с древними египтянами, шумерами и многими другими, чьи следы, может быть, еще не отысканы. Самые загадочные, самые древние народы остались в Индии со своей культурой, своей кровью, текущей в жилах современных индийцев. Непрерывно развивающаяся культура формировала духовный облик индийца, создавала непревзойденные шедевры искусства, шлифовала драгоценные камни индийской философской мысли и мудрости. Культура и Красота сотворили в Индии в течение многих веков упругое поле сильной и тонкой энергетики, на которое опиралось и дальнейшее развитие страны, ее эволюция. Судьбе и богам было угодно, чтобы на планете существовала хотя бы одна страна, способная продемонстрировать ярко и красиво эволюционную суть Культуры и Красоты. Именно Индия удостоилась этой высокой чести. Сопричастность индийской куль-

туры мирам более высоких измерений, философское осмысление связей с ними и умение разумно ими пользоваться являются отличительной чертой этой культуры. Вступая в энергоинформационный обмен с последней, страны и народы получали от нее бесценные сокровища — иные подходы к решению проблем совершенствования человека, мудрую практику развития духа и, наконец, космический взгляд на эволюцию человечества. Принимая все это во внимание, Святослав Николаевич утверждал, что индийский народ с самых ранних времен погружал свои мысли в великое пространство Вселенной и понимал многое из того, что мы начинаем понимать только теперь. Возможно, что именно погружение мысли в это великое пространство Вселенной и ощущение своего единства с Космосом и сделали Индию со временем духовным магнитом, или духовным сердцем планеты. Во взаимодействии с различными энергиями и состояниями материи шло формирование индийской ду-

ховной и интеллектуальной утонченности, складывалось удивительно точное ощущение Красоты, ее форм и красок.

Историческая судьба Индии также была необычной. Несмотря на свою высокую духовную культуру, она тем не менее не являлась тихим и благостным ашрамом, изолированным от всего мира. Она находилась на перепутье многих торговых путей, и набеги, вторжения и войны не миновали ее. Начиная с древности и кончая новым временем, как будто притянутые все тем же магнитом, в Индию вливались чужие племена и народы. Однако никому из них, включая и среднеазиатских мусульман и в какой-то мере европейских колонизаторов, не удалось стать завоевателями в полном смысле этого слова. Никому не удалось ассимилировать, несмотря на неоднократные попытки, ее народ. Все происходило как раз наоборот, Индия ассимилировала пришельцев, брала лучшее из их культуры, отметала ненужное. Каждый раз энергетическое поле культуры вторгшихся в эту страну оказывалось намного слабее индийского. Собственно, это и решало судьбу народов, пришедших в соприкосновение с Индией. Никакие ухищрения так называемых завоевателей — военные, административные и даже матримониальные — не давали ожидаемых результатов. Все решала в конечном счете энергетика. Завоеватели влипали, как мухи, в мед энергетического поля индийской культуры и навсегда оставались там.

В один из дней января 1971 года мы вели со Святославом Николаевичем беседу на эту тему. Индия, говорил он, все перерабатывала, поглощала, всему придавала свой облик. И это не случайно. Мысль Индии синтетична: она все в себя вмещает, она ничего не исключает, все принимает, все содержит.

И я, работая многие годы в этой стране, убеждалась в правоте мыслей, высказанных Святославом Николаевичем. Кроме него, я больше никого не встречала, кто бы так тонко и точно определил внутреннюю суть Индии и так ясно сформулировал то, что ощущал в ней интуитивно и, я бы сказала, духовно.

Духовное поле Индии всегда привлекало к себе великих художников и великих мыслителей. Святослав Николаевич принадлежит к ним. Его творчество неразрывно связано с жизнью и культурой этой страны. На одной из первых своих выставок в нашей стране, это было в 1960 году, Святослав Николаевич произнес речь, которая меня поразила и проникла в самую глубину души. В те дни я с огромным трудом достала приглашение на вернисаж и провела на выставке полдня. Все было там таким новым и привлека-

тельным, и сама Индия, которую я уже видела собственными глазами, предстала передо мной совсем другой, какой-то обновленной. Много лет спустя Святослав Николаевич передал мне свою речь для публикации в нашем сборнике. «Большинство моих картин, — сказал он, — как вы знаете, посвящено Индии, потому что я живу в Индии, потому что я хотел отразить жизнь Индии, которая меня особенно привлекала и которая, может быть, меня поражала»⁹. Тогда же, на выставке 1960 года, до знакомства с ним у меня оставалось еще восемь долгих лет...

Именно Индия подарила Святославу Николаевичу радость встреч и регулярных контактов с Высокими Сущностями, стоящими много выше нас на лестнице Космической эволюции. Это были Великие Души, или Учителя Рерихов, в сотрудничестве с которыми и была создана Философия реального Космоса — Живая Этика. Благодаря родителям, говорил Святослав Николаевич, «я понял великие ценности жизни и имел контакты с Личностями, которые давно прошли по великому и царственному пути самоосвобождения». Я узнала о Них через Святослава Николаевича. Именно от него получила первую книгу Живой Этики, она называлась «Беспредельность». Святослав Николаевич до самого последнего своего часа сохранял связь с Великим Учителем. Когда он остался один, эта связь многое облегчила в его нелегкой жизни. Рассказывая мне об Учителе, а это бывало нередко, о его свойствах и особенностях, о первой встрече с Ним, Святослав Николаевич соблюдал удивительную бережность. Иногда называл Учителей «более совершенными людьми, найти которых может только тот, кто готов для этого и кого они сами хотят встретить». Говоря об Учителях, он становился строг лицом, а глаза его обретали удивительную глубину и уходили куда-то в таинственную даль. И наблюдая за ним в такие моменты, я не могла отделаться от какого-то внутреннего чувства, что передо мной один из тех, кого называют Великими Душами, на долю которого досталась нелегкая и одинокая жизнь на нашей планете. Потом, много лет спустя, я нашла в письме Елены Ивановны подтверждение этому моему ощущению. Но в своих взаимоотношениях с людьми и, в частности, со мной он никогда, ни словом, ни намеком, не давал понять, что и он принадлежит к когорте совершенных людей. Временами он был непредсказуем и совершал неожиданные поступки, реальный смысл которых уяснялся позже. Касаясь сокровенной темы Учителей, Святослав Николаевич проявлял высокое чувство такта по отношению к Тем, Кто, по сло-

вам его, представлял силы, которые стараются к нам пробиться, чтобы проявить себя здесь, на Земле. Он был крайне осторожен и точен в своих выражениях и всегда служил для меня образцом для подражания. Он хорошо понимал, что малокультурные и невежественные люди стараются сделать из факта существования Учителей и их «великого царственного пути» расхожую сенсацию или средство для собственного возвышения. Нередко такие люди пытаются стать «учителями» и часто называют себя таковыми, не подозревая о том, что истинный Учитель никогда так себя не назовет. Болезнью ложного учительства страдает и российское рериховское движение, что приводит к умалению статуса ученика, важнейшего этапа на пути совершенствования человека. Святослав Николаевич, находясь во взаимодействии с Великими Душами и сам по праву принадлежа к их числу, никогда не называл себя Учителем. Он просто им был. И никогда, кстати, не претендовал на всеобъемлющее знание Живой Этики, хотя она создавалась на его глазах и с его помощью. Тем смешнее выглядят те, кто заявляет, а это иногда происходит в присутствии немалого числа людей, о своем «абсолютном знании Живой Этики». Энергетическое влияние Святослава Николаевича, ученика космического Иерарха, было велико и, несомненно, меняло энергетику тех, кто входил с ним в контакт и чья энергетика была готова к такому изменению.

Мудра и глубока мысль Святослава Николаевича, которую он выразил в одной из бесед, — меньше стараться обучать друг друга. Главное — самосовершенствование. Начинать надо с переделки самого себя. Это основа всего. Тогда мы сможем помочь и другим. Учительство он рассматривал как помощь другим, а не как средство возвышения над другими. В этой мысли заложен глубокий этический смысл. Великие Души и Великие Учителя приходят, чтобы помочь человечеству. Те же, кто может, учатся у них. Ибо научить нельзя, научиться можно. И это зависит от самого человека. Ни поучения, ни принуждение, ни насилие — не помогут. Человек сам выбирает себе дорогу и идет по этой дороге один. Когда по ней устремляются «дружные ряды», то вряд ли можно ожидать значительного результата в духовном совершенствовании. Попытка коллективного совершенствования — это пережиток тоталитарного мышления со всеми вытекающими из него последствиями. В противоположность этому вера в самого человека, которую всегда проявлял Святослав Николаевич, представляется главным на «великом и царственном пути самоосвобождения». Он верил в человека и надеялся,

⁹ Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. С. 15.

А.В. Шапошникова и С.Н. Рерих. Москва, 1989

что человек ответит ему тем же. Но это случилось не всегда. Он часто приезжал в Москву, и каждый раз его осаждали желающие с ним пообщаться. В гостинице «Советская», где он обычно останавливался, в дни его пребывания становилось многолюдно и шумно. Он никому не отказывал и для каждого находил время. К концу дня, конечно, уставал, но старался не показывать вида. Не любил, когда какая-то его слабость становилась заметна другим. Но иногда обстоятельства складывались таким образом, что у него не оставалось сил сдерживать себя. В один из дней его визита в 1984 году я пришла к нему в гостиницу. Святослав Николаевич сидел на диване, мне показалось, очень взволнованный. Я спросила, в чем дело. Он посмотрел на меня, и я увидела в его глазах всплески какой-то глухой боли.

— Связь с Учителем у меня до сих пор продолжается, — неожиданно сказал он, — вы же сами хорошо об этом знаете.

— Что-то случилось? — спросила опять я.

— Что же вам сказать. Сюда ко мне приходят разные люди, и некоторые из них пытаются высказывать всякие мысли. Вот и на этот раз так же.

— Не обращайтесь внимания, Святослав Николаевич. Вы же знаете русскую поговорку — «На чужой роток не накинешь платок».

— Да, да, — улыбнулся он. — Но иногда бывает очень больно.

— Кто это был?

— Это не имеет значения.

— Для меня имеет, — настаивала я, потрясенная его болью.

— Ну, ну, — тихо произнес он. — Пусть будет мир на земле. Опустите меч. Лучше продолжим разговор о будущем Музее имени Николая Константиновича. Вот тогда вам этот меч пригодится.

Я не очень тогда поняла последнюю фразу Святослава Николаевича. Мне казалось, что меч не может быть связан с Музеем имени Николая Константиновича. Но я глубоко ошибалась. Теперь, когда этот музей с помощью Святослава Николаевича уже создан, часто вспоминаю его пророческую фразу о мече, которым приходится защищать и наследие Рерихов, и имя самого Святослава Николаевича, которое так часто стали умалывать в последние годы. Это умаление и неува-

С.Н. Рерих в саду имени Татагуни. 1960-е гг.

жение Великой Души есть лакмусовая бумажка, определяющая уровень сознания и невежества тех, кто участвует в этих позорных действиях. С сожалением могу сказать, что немало таких темных личностей есть и в самом рериховском движении. Но это уже другой сюжет. В тот не очень счастливый день в гостинице «Советская» я хорошо поняла, что Святослав Николаевич, помогая нам и защищая нас, сам нуждался в защите.

Международный Центр Рерихов и Музей имени Н.К. Рериха, созданные в 1989 году по его инициативе, прошли и проходят до сих пор через трудности, которые создают и высокие российские чиновники, и правительственные ведомства, и ряд рериховских обществ. Последние, одержимые самостью и амбициями, мало представляют себе, что есть Рерихи, и особенно последний из них, передавший нам наследие своих родителей и создавший уникальный культурный центр Рерихов в Москве. Он хорошо знал обо всех этих трудностях. Я смогла встретиться с ним в 1992 году, через год после передачи насле-

дия Рерихов в Россию. Святослав Николаевич, перенесший перед этим две серьезные операции, чувствовал себя неважно. Но, несмотря на это, был активен, общителен и охотно шел на беседы, в которых мы обсуждали самые разные проблемы. Был апрель, и в Бангалоре стояла прекрасная прохладная погода, жаркий сезон здесь еще не наступил. Святослав Николаевич и Девика Рани жили в это время в самом городе, в отеле «Ашока». Врачебная помощь, если в ней возникла необходимость, была легко достижима. В загородном его имении не было телефонной связи, и поэтому Рерихи решили на какое-то время обосноваться в отеле. С чего бы ни начались наши разговоры, Святослав Николаевич поворачивал их к трудностям МЦР и Музея имени Н.К. Рериха. Внимательно выслушивал мои рассказы об этих трудностях, а затем начинал действовать. Тогда же он написал письмо президенту Б.Н. Ельцину с просьбой помочь вернуть МЦР и Музею имени Н.К. Рериха незаконно удерживаемую Музеем Востока коллекцию кар-

тин Николая Константиновича. Сделал обращение к рериховским обществам России, тогда уже начавшим нарушать его волю, а через несколько месяцев прислал нам очень нужные документы.

Тогда, в апреле 1992 года, прощаясь со мной, он сказал:

— Ничего не бойтесь. Идите вперед, не оглядываясь. Все будет хорошо. Помните, все мы работаем для Будущего. Не огорчайтесь кратковременными неудачами. Думайте прежде всего о Будущем.

Что думал о Будущем он сам? И как его готовил? Что сделал для этого в свои последние годы? Ответ я получила тогда же в Бангалоре, посетив его мастерскую в загородном имении, в которой не была с 1990 года, когда работала с наследием Рерихов, готовя его к вывозу в Россию.

Мастерская сохраняла прежний вид. Бронзовые фигурки стояли на своих местах, по стенам висели все те же танки и миниатюры. На полу, прислоненные к книжным полкам и покрытые полиэтиленом, стояли картины хозяина мастерской. Многие мне были знакомы по выставкам, репродукциям и по личному общению с автором здесь же, в мастерской. Это была красота, сотворенная большим художником. Но вот, вынутые из полиэтиленовой упаковки, передо мной засверкали картины, которых я раньше не видела. Яркие, светящиеся краски, странные, как будто земные и в то же время неземные формы. Тонкое красивое женское лицо, возникшее из каких-то причудливых облаков, деревня и в то же время не деревня, река, струящаяся сквозь горы и освещающая их изнутри. Затрудняюсь и сейчас дать точное описание увиденного мною. Но тогда поняла, что на двухмерном пространстве полотна Святослав Николаевич изобразил тонкий мир четвертого, а может быть, и более высокого измерения. Он видел и прозревал этот мир своими утонченными центрами, высокой энергетикой. Имея в распоряжении язык двухмерного пространства, он сумел с его помощью максимально приблизиться к иному миру, открыть как бы окно в него и тем доказать беспредельную возможность искусства. Полотна несли в себе уникальный духовный опыт самого мастера и повествовали о реальности и доступности нездешних миров. Картины подтверждали то, что сам человек является как бы мостом между ними и миром плотным. Живая Этика, повествуя об особенностях Космической эволюции человечества, утверждает, что сближение миров различных измерений, различных состояний материи есть одна из важнейших задач наступающего этапа эволюции. Я рассматривала странные и необычные картины великого художника, провидца и муд-

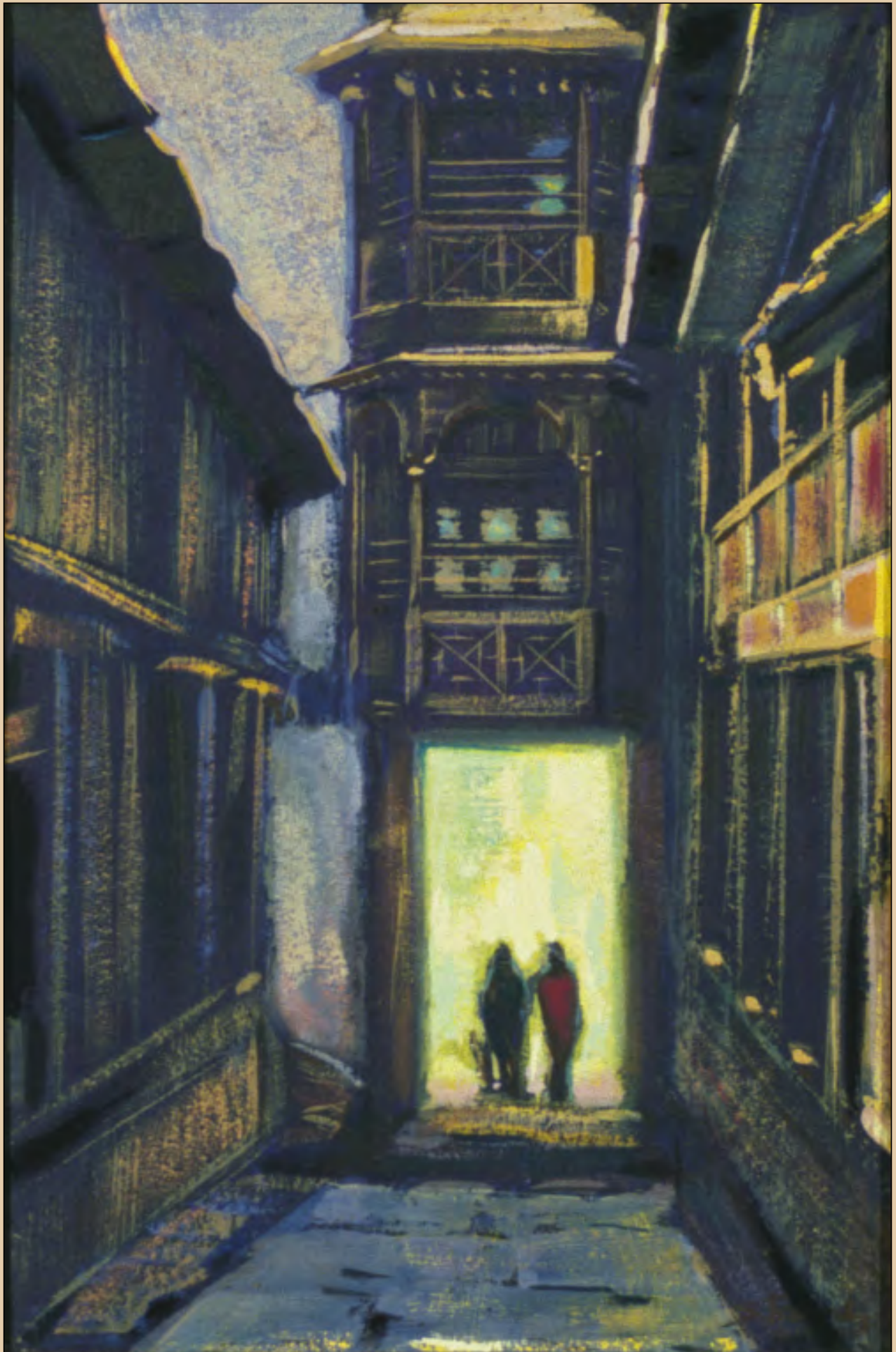
реца, одного из тех, кто облегчает нам путь к сверкающим вершинам Духа. Уже тогда, в мастерской, стала размышлять о том, понимают ли все это те, кто общается со Святославом Николаевичем, беседует с ним, пишет ему письма и иногда даже использует его имя для собственных мелких нужд.

Можно подумать, что Святославу Николаевичу повезло больше, чем остальным Рерихам. Он застал время, когда на его Родине узнали о заслугах Великой семьи, когда стал расти интерес к Живой Этике, начали появляться труды Рерихов без всяких цензурных трудностей и изъятий, ибо сама цензура в том виде, в котором она существовала, перестала быть. Но слава при жизни — достаточно противоречивое явление. Она бывает великодушной лишь к мертвым. К живым она нередко оказывается беспощадной, немилосердной и несправедливой. «Молитесь на ночь, чтобы вам вдруг не проснуться знаменитым», — писала Анна Ахматова.

Из живого человека трудно или просто невозможно сделать ангела или сочинить о нем красивый миф. Это мертвые все сносят, а живой может разрушить созданное о нем представление. И этого никогда живым не прощают. В этом был драматизм положения Святослава Николаевича. Его критиковали те, кто не знал толком ни его самого, ни обстоятельств его жизни. Они искажали его слова, неверно трактовали поступки, а временами просто клеветали, приписывая то, что ему было совершенно несвойственно. Они писали ему письма, ездили в Бангалор, стараясь убедить в неправильности каких-то действий, отрицали правомерность принятых им решений. И даже давая интервью в газетах, стремились заставить его поступить так, как хочется им. Сказано: «нет пророка в своем отечестве», нет его и в нашем времени...

В наших беседах Святослав Николаевич часто возвращался мыслями к родителям и старшему брату. Говорил о самом сокровенном, что они несли в себе. Вся семья представляла собой единое духовное явление, что встречается крайне редко в нашей обычной жизни. Он был неотъемлемой частью этой семьи, отражал в себе, как в ясном зеркале, каждого из остальных. Вся семья представляла собой уникальную голограмму, которую нельзя, как и реальную голограмму, разбить на отдельные части. Каждая часть будет нести целостное изображение. Так и семья Рерихов, каждый из них нес в себе четверых — их задачи, их эволюционную миссию и их творчество. Святослав Николаевич был последним, кто старался передать память и дать представление о них людям, с которыми встречался и которым доверял.

С.Н. Рерих. Тибет. Учителя на прогулке

Своего отца Николая Константиновича он называл художником жизни и вкладывал в эти слова самый высокий смысл. Будучи связан с Николаем Константиновичем тесными сыновними узами, он время от времени заставлял себя как бы отойти на какое-то расстояние от его царственной фигуры, чтобы оценить величие, которое тот нес в себе как человек, художник, ученый и мыслитель. И эта отстраненность рождала у Святослава Николаевича точные и яркие слова, определяющие суть Великого человека. «Пройдет еще много лет, — писал он, — прежде чем всесторонне будет оценен вклад Николая Константиновича в сокровищницу культуры человечества и его глубокое провидение в будущее. Его книги включают в себя самые замечательные мысли и чаяния всех народов всех стран. Но это дело будущего»¹⁰. И в этой оценке нет преувеличения. Действительно, и Николай Константинович, и вся семья Рерихов работали на Будущее, на будущую эволюцию, на те процессы, которые еще только формировались в глубинах Космоса, чтобы потом проявиться на орбите нового витка Космической эволюции.

Осмысливая общечеловеческое значение творчества отца, Святослав Николаевич отмечал одну его важную черту — тесную связь с Россией, подлинный патриотизм и непреходящую любовь к Родине. Он не принимал мнение ряда художников и искусствоведов, особенно распространное в 80 — 90-е годы прошлого века, о том, что русским художником Николая Константиновича можно считать только до поездки его в Индию. После Индии, по их мнению, он таким уже не был. Помню, в один из моих визитов в Бангалор Святослав Николаевич пригласил в загородное имение и там показал удивительные, прекрасные картины отца. Многих из них я еще не знала. Мы сидели в мастерской, и двое слуг бережно ставили на мольберт одну за другой картины Николая Константиновича, писанные в Индии. Мне до сих пор трудно забыть потрясающее меня впечатление от этих произведений, от их глубокой красоты, именно глубокой, — другого слова для нее не было, — от озаряющих красок, музыки света, которая звучала с каждого полотна.

— Ну, как? — спросил Святослав Николаевич. И я поняла, что и он находился, не знаю в который раз, под волшебным воздействием этих полотен.

— У меня нет слов, — ответила я.

— Вы знаете, и у меня не находилось слов каждый раз, когда я видел новую картину Николая Константиновича. А кстати, — улыбаясь, спро-

сил он, — смогли бы вы, не зная, чьей кисти принадлежат эти картины, определить национальность художника?

Вопрос был столь неожидан, что я не смогла сразу ответить. Мне и в голову не приходило искать в этих картинах какие-то признаки национальности автора. Святослав Николаевич, видя мое затруднение, пояснил:

— Это важный вопрос, по крайней мере для меня. Можно ли это считать русской живописью?

— А как вы думаете? — спросила я.

Он как-то задумчиво посмотрел на меня и сказал:

— Конечно, можно.

— Почему? — спросила я.

— Давайте посидим еще перед этими картинами и ответим на этот вопрос.

Мы посидели, и через какое-то время я поняла, что передо мной действительно картины русского художника. Кроме своеобразия стиля и формы от картин шла эманация, если можно так сказать, неощутимая, но вполне реальная. Определить эту эманацию своими словами я не смогла. На память пришел Пушкин: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». И я сказала эти слова Святославу Николаевичу. И он как-то весь преобразился, я бы сказала, засветился.

— Ах, как хорошо сказал Пушкин! — воскликнул он. — «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Ну, а теперь идемте ужинать, а после ужина продолжим.

Потом, некоторое время спустя, я поняла всю серьезность заданного мне Святославом Николаевичем вопроса. Осмысливая общечеловеческое творчество отца, он считал важнейшей чертой этого творчества тесную связь с Россией и непреходящую любовь великого художника к своей Родине. То, что Рерихи были русскими, тоже, по всей видимости, не было случайным: Русь — Индия встает огненным сполохом над их судьбой. Русь — Индия — не только как историческое и культурное понятие, но и как энергетическое, суть которого раскрывает эволюционную тайну такого сочетания. «Русь — Индия, два магнита, два устоя», — писал Николай Константинович, имея в виду их роль для будущего планеты. Культура той и другой страны носит синтетический характер и включает в себя самые различные элементы мировой культуры. Изначально обе культуры имели общий источник происхождения. И в течение ряда веков существовало малообъяснимое тяготение их друг к другу. Если Индия являлась как бы энергетическим полюсом древнего мира, где зародились новый вид чело-

¹⁰ Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. С. 17.

вечества и его новая духовно-энергетическая система, то Россия, расположенная на соединении Востока и Запада, в преддверии нового эволюционного витка и формирования в нем нового человечества, принимает в наше время энергетическую эстафету от Индии. Без энергетического поля индийской культуры не сформируется новый энергетический полюс в России. Одно без другого не сложится, одно без другого существовать не сможет. Новая энергетика вырастает из старой, используя то необходимое, что было наработано старым центром. Так же как и остальные Рерихи, Святослав Николаевич любил Россию, был очарован ее культурой, убежден в высокой миссии страны. Он всегда верил в ее будущее и всегда ощущал как свою Родину, которую покинул двенадцатилетним мальчиком. Его высказывания о России глубоки и точны. Мне хочется привести несколько из них.

«Я всегда верил, — говорил Святослав Николаевич, — что России предопределена особая, исключительная роль. В России сошлись Восток и Запад. А потом ее размеры, географическое положение... Все это чрезвычайно важно»¹¹.

«России предопределена великая, по существу, космическая роль на Земле»¹².

И еще: «Россия — это пространство будущего»¹³. Он считал Россию страной эволюционной энергетики, сложившейся в течение многих веков на ее великих просторах. Ее избрала сама эволюция, не освободив ни от трудностей, ни от препятствий, ни от страданий, ни от всякого рода противостояний и конфликтов.

Живя многие годы в Индии, Рерихи работали на Россию. России они завещали свое творческое наследие. Младший из них, Святослав Николаевич, завершил эту работу и просил похоронить себя в России, в городе, где родился, где ходил в гимназию и сделал первые свои рисунки. Город этот носил имя Санкт-Петербург, потом Петроград, Ленинград и теперь снова Санкт-Петербург. Его смерть и похороны были завершающей драмой его жизни. Воля последнего из Рерихов не была выполнена, ибо в последний момент ее выполнение оказалось в зависимости от нечестных и корыстных людей и чиновников, не способных принять смелое и справедливое решение. Я не буду подробно останавливаться на событиях, свидетелем которых была. Об этом есть немало публикаций, и сама я об этом уже писала и гово-

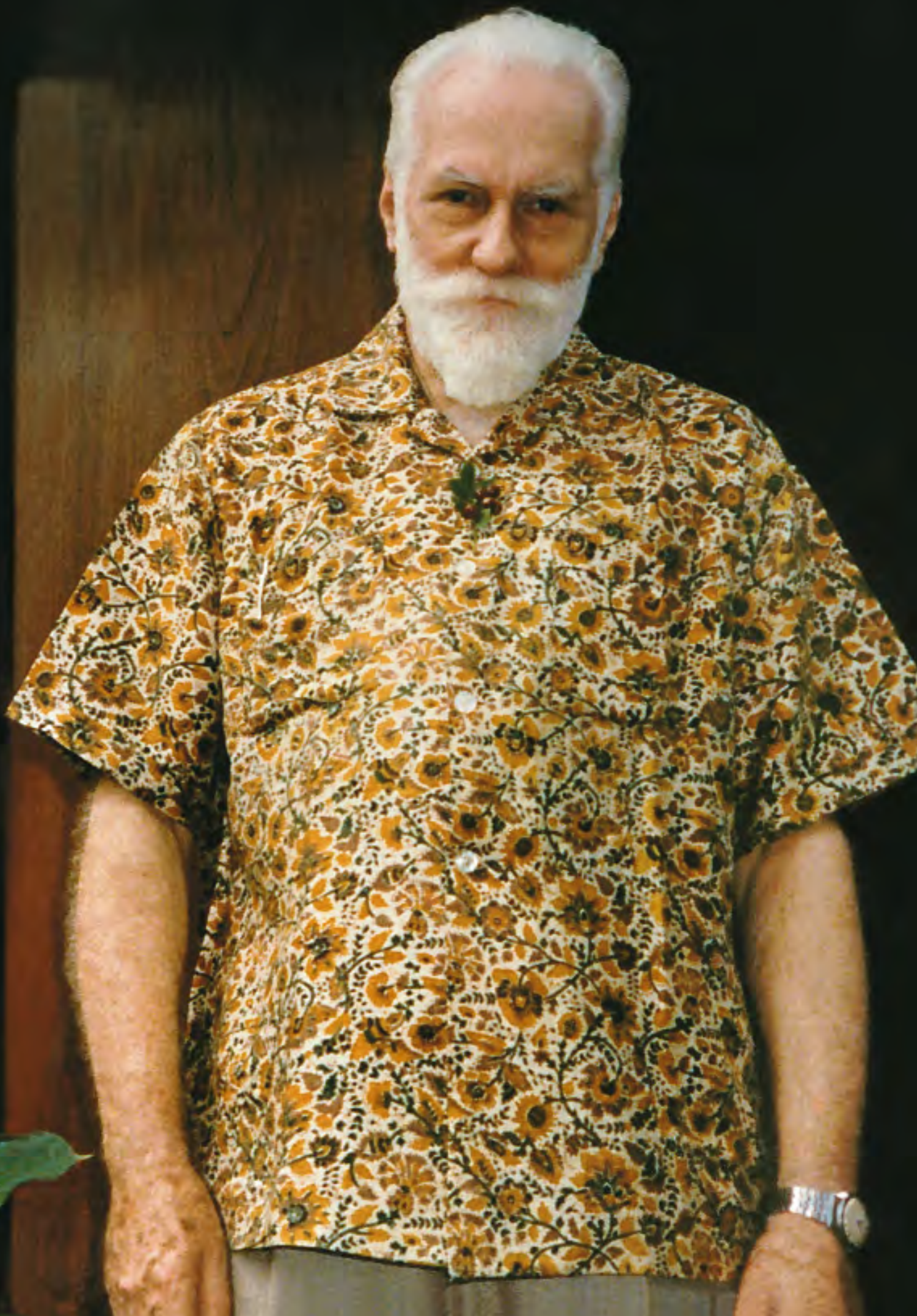
рила. Все началось в Москве в конце января 1993 года со звонка секретаря Рерихов и закончилось могилой Святослава Николаевича в Индии, в его загородном имении. Для меня это были дни, наполненные горечью утраты и отчаянием от сознания того, что нарушена воля покойного. В последний раз я видела его сначала в госпитале, в бессознательном состоянии, а затем уже мертвым, лежащим на больничной каталке в своем парадном светло-кремовом костюме. Лицо его, успокоившееся после боли, помолодело, стало ясным и казалось еще живым. Я коснулась его лба, он был еще теплым, как будто все, что с ним случилось полчаса назад, было неправдой. Казалось, что он сейчас откроет глаза и спросит: «Почему вы все здесь стоите?» Но этого не произошло. Через день была гражданская панихида в Читракала Паришад, в Бангалорской академии художеств, которую создал и финансово поддерживал Святослав Николаевич. Гроб поставили в одном из выставочных залов. У изголовья повесили его картину «Господом Твоим». Индийский государственный флаг и Знамя мира свешивались с гроба. Приехал главный министр штата Карнатака, присутствовало несколько наших чиновников, включая посла России. Несколько часов шла у гроба длинная очередь. Когда прощание закончилось и люди разошлись, Девику Рани приподняли над гробом, чтобы она простилась с мужем. Но она молча смотрела куда-то в сторону, прощаться не стала и попросила поставить ее на пол. У меня создалось впечатление, что у нее что-то сдвинулось и, возможно, она не очень понимала происходящее. Был уже конец дня, когда от Читракала Паришад отъехал катафалк в сопровождении целого эскорта машин. Все боялись, что не доедут до имения засветло. Катафалк увеличил скорость и неся, подпрыгивая на ухабах плохой загородной дороги. Потом гроб долго и неловко опускали в свежерытую могилу. Я бросила комочек земли, и на ладони остались красноватые следы от тропического краснозема. Отделение индийских солдат отсалютовало из старинных ружей, тем самым подтвердив государственный уровень похорон. На следующий день я улетела в Дели, чтобы успеть на московский рейс. Уже в самолете стала осознавать случившееся и поняла, что видела Святослава Николаевича в последний раз и что больше ни живого, ни мертвого его не увижу...

¹¹ Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. С. 18.

¹² Там же.

¹³ Там же.

«Он заслуживает великой любви»

Письма Елены Ивановны Рерих младшему сыну

Для семьи Рерихов 2004 год — юбилейный трижды. 130 лет назад родился Николай Константинович Рерих, 100 лет назад — его младший сын Святослав. 12 февраля 2004 года исполнилось 125 лет со дня рождения Елены Ивановны Рерих. Жизнь этой удивительной женщины — Сотрудницы Великих Учителей и Космических Иерархов — воплощала в себе одно из краеугольных положений Учения Живой Этики — «по земле нужно дойти до Нас». Именно пройдя по Земле, она сохранила порученное в духе и выполнила назначенное. Ее великое все-вмещающее сердце, остро чувствующее дисгармонию мира и откликающееся на каждую новую энергию, приходящую из Космоса, познало также и то, что принято называть тяготами и испытаниями земной жизни, — непонимание близких, окружавшее ее с раннего детства, горечь разлуки с родиной, чудовищные удары предательства, нанесенные ближайшими и любимыми учениками, утрату любимого мужа, друга и сподвижника, и наконец, то мучительное ожидание лучшего применения своих сил, в котором она провела свои последние годы, надеясь вернуться в Россию...

Для многих из нас мечта о счастье неразрывно связана с мечтой о взаимной любви и семейном очаге, — Елена Ивановна обрела и то, и другое. Спутник жизни — человек благородный и тонкий, боготворивший ее, прекрасные, талантливые дети, которыми можно было гордиться, — всемирно известный ученый и всемирно известный художник... «Немного очагов, где в полном понимании творится труд взаимный, — сказано в книгах Живой Этики, — так, каждый [такой] очаг есть ступень к Братству»¹. Семья, созданная Еленой Ивановной, была как раз одним из этих редких очагов, ибо она была не просто союзом любящих сердец, а союзом сердец, объединенных общими духовными устремлениями, более того — служением одному Учителю. «Вчетвером мы составляли единое целое», — говорил Святослав Николаевич Рерих, и, безусловно, он прав: невозможно провести черту, разделяющую творческое общение Рерихов-старших и их сыновей. В трудах Великих Мудрецов мы не раз встречаем упоминание о том, что нуклеус из двух-трех учеников, до-

стигших внутренней гармонии и созвучия, способен сделать то, что не под силу тысячам... Содружество и сотворчество семьи Рерихов — жены и мужа, родителей и детей — лучшее тому подтверждение, ибо им удалось не только полностью реализовать свой огромный творческий потенциал, но и осуществить многочисленные начинания, имеющие целью возрождение духа и поднятие уровня сознания очень и очень многих...

Не будет преувеличением сказать, что семья Рерихов являлась прообразом семьи будущего, ибо одухотворение повседневности — принесение Неба на Землю (так красиво названо это эволюционное действие в Учении) — было неотъемлемой чертой ее уклада с самого начала. «Наш дом, — вспоминает о своем детстве Святослав Николаевич Рерих, — был полон и предметов искусства, и замечательных книг, и коллекций Николая Константиновича»². О каких коллекциях пишет Святослав Николаевич? Прежде всего это предметы каменного века, собранные его отцом во время археологических раскопок и дарующие то живое и непосредственное чувство соприкосновения с древним миром, которое сам Николай Константинович называл «трепетом веков дальних». Полотна нидерландских мастеров, — многие умело отреставрированные матерью. И конечно же картины отца, за созданием которых дети нередко наблюдали и которые явились самым мощным эстетическим переживанием детства. Еще одна важная черта их семейного быта: мальчики присутствовали при всех разговорах родителей, в том числе и философских. «Это имело большое влияние на нас, — вспоминает Святослав Рерих. — Елена Ивановна <...> сама покупала и читала книги по философии и во многом помогала Николаю Константиновичу. У Николая Константиновича иногда просто не было времени самому читать, и она как бы служила ему глазами для чтения и передачи именно того, что считала нужным и важным»³. Круг общения родителей был также необычайно интересен — в их петербургском доме бывали Александр Блок и Леонид Андреев, Михаил Врубель и Валентин Серов, Сергей Дягилев и Игорь Стравинский... Беседовали об искусстве, обсуждали совместные творческие планы.

¹ Братство, 100.

² Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. М., 1993. С. 54.

³ Там же. С. 55.

При огромной занятости Николая Константиновича, возглавлявшего художественную Школу при Императорском Обществе поощрения художеств, детьми занималась сама Елена Ивановна. Каким принципам следовала она в своей семейной педагогике? И вновь обратимся к воспоминаниям Святослава Николаевича Рериха, а именно к его хорошо известному выступлению в Ленинградском Доме ученых в январе 1975 года («Как я стал художником»). «Моя матушка, — говорит он, — которая <...> была замечательной женщиной, женой, матерью, очень мудро с самого начала руководила нашей жизнью, следила за нашими интересами, порывами и чувствами. Она никогда не настаивала ни на чем, никогда не старалась как-то нас убедить в чем-то, но она всегда ставила на нашем пути именно то, что нам было нужно... Мой брат с самых ранних лет интересовался историей, поэтому она бережно собирала для него книги, которые бы ему помогли, были интересны, и вместе с ним ходила по музеям, учреждениям, которые могли как-то его направить <...> У меня рано пробудился интерес к естественным наукам. Я очень интересовался орнитологией, зоологией. Елена Ивановна доставала мне все нужные книги, которые только могла найти. Она покупала нам чучела птиц, собирала для нас коллекции насекомых, жуков <...> Она собирала для меня всевозможные уральские и другие камни. Таким образом, наш маленький мир был насыщен замечательными впечатлениями»⁴. Казалось бы, что здесь особенного, возразит скептик, — любящая заботливая и внимательная мать сделает все возможное для того, чтобы расширить кругозор своих детей и не оставить их таланты лежащими под спудом. Приятно, если твой ребенок вырастет яркой индивидуальностью. Однако сколько на Земле талантов, ослепленных самими собой, создающих во имя свое или, что хуже, употребляющих божественные дары во зло, смущая умы и растлевающая души... Разве не были и они когда-то заботливо взлелеяны и, быть может, именно с подачи взрослых впервые уверовали в свою исключительность и гениальность? «Человек, живущий только для себя, — писал гениальный русский мистик и провидец Даниил Андреев, — есть даже не нуль, а отрицательная величина в человечестве». Как бы щедро он одарен ни был. Становление личности — это всегда и определение ее позиций в обществе, в окружающем мире: выбор в сторону замкнутости на себе самом или осознание себя частью Единого. Елена Ивановна прекрасно это понимала. «Самое страшное, — писала

она, — это развить в ребенке эгоизм и скупость, ибо эгоизм и скупость скупы и на мышление»⁵. «...Нужно проявить максимум твердости и утверждать всякое проявление чуткости сердечка и зорко подмечать влечения»⁶. Отсутствие элемента принуждения, о котором говорит Святослав Николаевич, — заменялось воспитанием внутренней самодисциплины: требовательности к самому себе, чувства ответственности перед окружающими. Вот что пишет Елена Ивановна своей американской сотруднице, имеющей маленького сына: «...Очень прошу не баловать растущего воина и приучать к занятиям, внимательности, усидчивости и развивать дух сотрудничества, помощи и сострадания к животным и всему нуждающемуся. Пусть теперь уже приучается помогать, дети так любят, когда старшие просят их помощи. Пусть приучается думать об удобстве других и находить радость в доставлении удовольствия окружающим»⁷.

И наконец, еще в одном своем письме Елена Ивановна дает исчерпывающий ответ на наш вопрос: «Вы спрашиваете меня о методах воспитания, давших такие прекрасные результаты на примере моих сыновей. Они были очень просты. И главным образом заключались в том, что с раннего детства, почти с младенчества, им внушалась любовь к природе, к книге, к искусству. Правильный выбор книг и наставников дал им прекрасную основу и помог очень рано определить их наклонности и дарования. Так, уважение к знанию и труду, художественная, культурная обстановка, дисциплина, заложение первых основ нравственного характера в понимании исполнения долга и личной ответственности и, главное, пример великого отца дали им возможности сравнительно рано начать проявлять свой большой врожденный потенциал. Кроме яркой талантливости и даже мастерства в нескольких областях, они несут в душе великий синтез, который именно и дает основу нравственности и мудрой любви к Родине. Так, без ложной скромности я могу сказать, что я справедливо горжусь своими сыновьями»⁸.

Еще один небезынтересный фрагмент ее эпистола, проливающий свет на искусственно раздуваемый ныне вопрос о якобы враждебном отношении Рерихов к христианству: «...Я всегда держалась довольно далеко от церкви и ее представителей именно из желания охранить в своих сыновьях уважение к своей религии до тех пор, пока сознание их достаточно окрепнет и они уже вполне зрело смогут оценить все то прекрасное, что заключается в ней, и в то же время спокойно смот-

⁴ Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. С. 54.

⁵ Рерих Е.И. Письма. Т. I. М., 1999. С. 215. (Письмо от 17.06.1931 г.)

⁶ Там же. С. 164. (Письмо от 18.03.1931 г.)

⁷ Там же. С. 215. (Письмо от 17.06.1931 г.)

⁸ Рерих Е.И. Письма. Т. III. М., 2001. С. 366—367. (Письмо от 27.06.1935 г.)

Елена Ивановна Рерих. 1940-е гг.

реть на отрицательные проявления ее; именно без того, чтобы последние пагубно отразились на их отношении к религии вообще. И считаю, что в этом и преуспела, ибо оба мои сына глубоко религиозны и носят в духе *свою* Церковь. Так, Светик постоянно читает книги «Добротолубия», Евангелие и все прочие Религии и Учения, находя во всех Единый Великий Источник Любви, проявленной во всей Красоте в Великих Носителях Света!»⁹

Нельзя отрицать и того, что огромную роль в формировании личности Юрия и Святослава Рерихов — людей поистине выдающихся, сыграла атмосфера любви и взаимопонимания, существовавшая между Еленой Ивановной и Николаем Константиновичем. «Мой отец и моя мать, — писал Святослав Николаевич Рерих, — были наделены несравненной гармонией двух понимающих друг друга людей, которые имели высокие идеалы жизни... Их светлые образы навсегда останутся для меня источником величайшего вдохновения»¹⁰. И еще: «Николай Константинович и Елена Ивановна всегда работали вместе. Они друг

⁹ Рерих Е.И. Письма. Т. III. С. 303—304. (Письмо от 06.06.1935 г.)

¹⁰ Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. С. 75.

друга как бы дополняли и в то же время давали друг другу особое новое качество и импульс»¹¹.

Всегда работали вместе... В одном из писем Елена Ивановна говорит о себе как о свидетельнице творчества своего мужа. Необычайная скромность, свойственная ее натуре, проявилась и здесь: многие полотна художника были созданы по ее замыслам и на основании ее видений, поэтому она была больше чем свидетельница. Прекрасные картины Николая Константиновича — свидетельства иной, высшей реальности, запечатленные в красках и на холсте, — стали образным осмыслением истин, изложенных в Живой Этике, и рассказывают нам о Великих Законах Космоса, лежащих в основе мироздания, о мирах иных измерений и иных состояний материи... Принято считать, что Елена Ивановна занималась исключительно книгами Учения и оказывала духовное руководство нескольким группам учеников. Тот факт, что ее имя стоит на листе учредителей Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, Мастер-Института Объединенных Искусств и Международного художественного центра «Corona Mundi», известен не так хорошо или же рассматривается просто как дань уважения спутнице великого человека. Однако, как свидетельствует ее обширная переписка и другие архивные документы, Елена Ивановна принимала самое деятельное участие в руководстве Музеем, Институтом Гималайских исследований «Урусвати», а также в продвижении Пакта Рериха по охране сокровищ культуры. Через нее передавались все Указы Великого Учителя относительно текущих событий, и, кроме того, ее собственные качества — незаурядный ум, энергичность, умение разбираться в людях — являли самую мощную опору делам. Можно сказать, что Николай Константинович был также свидетелем творчества Елены Ивановны, свидетелем того, как создавались книги Учения, проводился Огненный Опыт и творилась новая ступень в эволюции человечества.

В этой публикации, посвященной сразу двум юбилейным датам — 100-летию со дня рождения Святослава Николаевича Рериха и 125-летию со дня рождения Елены Ивановны Рерих, — вниманию читателя предложено 14 писем Елены Ивановны Рерих, хранящихся в отделе рукописей Центра-Музея имени Н.К. Рериха и адресованных ее младшему сыну Святославу Николаевичу (из них одно письмо — его жене Девике Рани Рерих). Знакомство с ними открывает перед нами многогранную деятельность Рериха-младшего — человека, не только обладавшего исключительным

талантом живописца, но и активного общественного деятеля, пытливого ученого-исследователя, занимавшегося выращиванием редких лекарственных растений и эфирноносков. Годы, проведенные в долине Кулу с ее уникальной растительностью, изучение местной и тибетской медицины (фармакопеи), а также желание непрестанно пополнять свои знания и настойчивость позволили Святославу Николаевичу собрать огромный ценнейший материал по местной флоре и создать собственные опытные плантации целебных трав. «Как всегда, там, где никому не удавалось, у него все прекрасно идет»¹², — делится успехами сына на этом поприще Елена Ивановна.

«Светик с женою уже в Бомбее. Написал несколько прекрасных картин. Сейчас поехал на страдную работу по сбору урожая. Прекрасно все организовал и старается расширить свои плантации, но это сейчас трудно. Надо сказать, что его масло ароматичное, замечательное по своим качествам, еще далеко не исследованным достаточно. Имеет прекрасный заработок, но хотел бы сразу разбогатеть, чтобы успеть сделать многое для искусства, а годы идут! Но ему нужен больший размах!»¹³

Много потрудился Святослав Николаевич Рерих для принятия Пакта, носящего имя его отца, в его любимой Индии. Он готовил документы, обращался в правовые структуры, устраивал публикации в прессе и устанавливал деловые контакты с выдающимися деятелями Индии, многие из которых впоследствии стали членами Комитета Пакта. «Идея Пакта и Знамени охраняющих настолько насущна, что все выдающиеся деятели высказались единодушно за принятие Пакта. Мы можем смело продолжать нашу работу в этом направлении, не смущаясь никакими замедлениями и устрашениями тех, кому очень не хочется поднятия этого Знамени. <...> Свет[ик] очень тактичен и не любит слишком нажимать, этим он достигает лучших результатов»¹⁴, — пишет Елена Ивановна З.Г. Фосдик, интересующейся судьбой Пакта Рериха в Индии. Индия присоединилась к Пакту в августе 1948 года.

«Мое сокровище» — так называла Елена Ивановна своего младшего сына. Обращаясь к своим американским сотрудникам, она писала: «...Немного тех, о ком Великий Вл[адыка] говорит так прекрасно, как о Люм[оу]¹⁵. Люм[оу] был назван и продолжает называться Им Махатмой, возможности души его велики. Вл[адыка] судит людей по их внутренней сущности»¹⁶. А в первом ее письме, адресованном жене Святослава Николаевича, из-

¹¹ Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. С. 56.

¹² Рерих Е.И. Письма. Т. III. С. 409. (Письмо Е.И. Рерих от 16.07.1935 г.)

¹³ Рерих Е.И. Письмо З.Г. Фосдик от 08.06.1954 г. / Отдел рукописей МЦР. Дело № 15.

¹⁴ Рерих Е.И. Письмо З.Г. Фосдик от 13.09.1948 г. / Отдел рукописей МЦР. Дело № 15.

¹⁵ Здесь — С.Н. Рерих.

¹⁶ Рерих Е.И. Письма. Т. III. С. 396. (Письмо от 09.07.1935 г.)

вестной индийской киноактрисе Девике Рани, встречаются следующие строки: «Любите его, доверяйте ему, моя маленькая Девика. Он заслуживает великой любви. Его счастье — мое счастье»¹⁷.

«Художник, который чист в жизни, добр в намерениях, благороден в речах и духовен в устремлениях», — писали о Святославе Рерихе художественные критики, пораженные не только величиной его художественного гения, но и его титанической личностью. Живописец, чьи многочисленные полотна ныне украшают лучшие музеи мира, человек, поражающий широтой своих интересов и разносторонностью дарований, унаследовал от своей матери удивительную скромность, не знающий покоя пылкий ум и стремление искать Красоту во всех проявлениях жизни. Его современники, которым посчастливилось общаться с ним, неизменно выделяли следующие качества его натуры — необычайную терпимость и любовь к людям, щедрость ума и сердца, неиссякаемый оптимизм. «Ключ к моим картинам, к моему творчеству — в моем отношении к жизни... — признается сам художник. — Оно многосторонне. Я люблю жизнь. Меня она всегда интересовала»¹⁸. Эта искренняя заинтересованность Святослава Николаевича всем происходящим явно ощущается даже на страницах адресо-

ванных ему писем — он был из тех корреспондентов, для которых нет вещей малых и великих, его внимание равно занимали как явления глобальные, скажем, отсутствие тяги к гуманитарным наукам у молодежи или объяснение феномена неопознанных летающих объектов, так и события местного масштаба — какие сорта декоративных растений расцвели в саду у матери или как ведет себя ее новая собака. «Закон звезды и формула цветка», все для него имело свой смысл.

И напоследок необходимо отметить, что письма Елены Ивановны Рерих обладают одной удивительной особенностью — обращенные к конкретным людям, они вместе с тем имеют в виду очень многих. Даже если это письма к самым близким, в чем читателю предстоит убедиться. Нежность и забота материнского сердца, сопереживание близкому человеку, звучащие в ее строках, равно как и описание своей повседневной жизни в Кулу, а затем в Калимпонге, тесно переплетаются с размышлениями о судьбах мира и человечества, пронизанными внутренним горением и верой в непреложность космических начертаний. Это умение увидеть Великое за повседневным всегда было присуще ее истинно великому сердцу.

Т.О. Книжник

Письма Е.И. Рерих (1940—1954)

Е.И. Рерих — С.Н. Рериху

26 января 1940 г.

Дорогой мой Светуня, спасибо, родной, за три телеграммы с пути, но все еще ждем телеграмму с твоим адресом из конечной станции, чтобы переслать тебе письма и телеграммы. Опасаемся, что д-р Кузинс¹⁹ опоздал и тебе пришлось устраиваться самостоятельно. Только что пришла телеграмма от Катрин. По получении твоего адреса перешлем ее тебе, пока не решили ей ответить, что ты находишься на экзибишен тур²⁰, и теле-

грамму ее пересылаем тебе. Думается, что вряд ли ты сможешь попасть в Ам[ерику] к началу апреля. В[еликий] Вл[адика] очень-очень настаивает на посещении Хайдерабада. Может быть, осень лучше для подготовки следующего выступления. Впрочем, тебе виднее, как поступить. Пришли также два письма от Катрин²¹, пересылаем их тебе вместе с телеграммой.

Вчера пришло письмо от Зины²², полуофициальное, сообщает, что Флорентина²³ оставила Н.К.²⁴ и мне по 2500 долл[аров]. Если друзья и адвокаты смогли бы отстоять долю Н.К. от посяга-

¹⁷ Рерих Е.И. Письмо Д.Р. Рерих за 1945 г. / Отдел рукописей МЦР. Дело № 1156.

¹⁸ Рерих С.Н. Стремиться к Прекрасному. С. 44.

¹⁹ Генри Джеймс Казинс (р. 1873), ирландский поэт, литератор и журналист, автор статей о творчестве Н.К. Рериха. С 1915 г. жил в Индии.

²⁰ Exhibition tour (англ.) — выставочное турне.

²¹ Кэтрин Кэмпбелл-Стиббе (1898—1996), ближайшая сотрудница Е.И. Рерих, президент Музея Николая Рериха в Нью-Йорке с 1949 г., вице-президент Общества Агни Йоги.

²² Зинаида Григорьевна Фосдик (урожд. Шафран) (1889—1983), ближайшая сотрудница Е.И. Рерих, член Правления Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, с 1949 г. — исполнительный директор; вице-президент и директор Мастер-Института Объединенных Искусств, преподаватель музыки Международного художественного центра «Corona Mundi».

²³ Флорентина Сутро (ум. 1940), американский меценат и деятель культуры.

²⁴ Здесь и далее: Николай Константинович Рерих.

тельств разных акул, то моя доля могла бы идти в твой амер[иканский] Фонд. Но опасаемся, что они этого не смогут и тогда из моей доли придется заплатить адвокату. Увидим, как все сложится. Не знаем, оставила ли Флорентина что-либо Зине, об этом она не упоминает, пишет лишь, что Флорентина составила новое завещание с помощью Рок²⁵, которое оставалось лишь подписать, но внезапная смерть этому помешала. Подробности Зина обещает сообщить в следующем письме. По-прежнему получаю самые сильные утверждения о результатах твоей работы и поездке, это меня очень-очень радует. Получила письма от Эми²⁶ и Инге²⁷, Инге пишет восторженно о твоих картинах, просит дать ей совет, как лучше ей устроиться, ибо она считает, что теперь, когда Спенсер²⁸ не нуждается больше в ней, она должна искать себе новое занятие. Жаль, если ей придется оставить Катрин. Она такой верный друг. Пришло наконец письмо от старика Шкл[явера]²⁹ и два письма еще от ноября от Жоржа³⁰. Оказывается, Жорж служит простым рядовым! Видимо, на испытании обнаружили его малые военные познания. Получает он всего 50 сантимов в день, и старик просит высылать им по-прежнему ежемесячную субсидию. Мы послали ему пока четыре фунта и просили переговорить с Перонне³¹ о закрытии Парижского Центра-Музея на все время войны. Сказали, что по мере возможности будем высылать ему небольшую сумму, но по нынешним временам трудно рассчитывать на достаточный заработок. Известили его о смерти америк[анских] друзей, поддерживавших культурные учреждения, а также что и в самой Америке дела сейчас далеко не блестящи, и друзья наши сокращаются во всем, и т. д. Бедняга Жорж, как круто ему пришлось!

Родной наш Светуня, мысленно все время с тобою. По вечерам Пасик³² занимается в твоей комнате. Ждем очень твоего письма с описанием твоей поездки и новых впечатлений. Что выстав-

ка? Вероятно, все, как мы представляли себе, также и дуб есть дуб. Пока что никаких рецензий не имеем. О ходе событий ты, вероятно, знаешь не меньше, если и не больше нашего. Жду с большим нетерпением февраля месяца, когда начнутся некоторые улучшения.

В[еликий] Вл[адика] готовит тебе новое оружие против трио³³ в Америке, но пока что не знаю, в чем оно будет состоять. От Лефранка³⁴ пришел счет на 12 с половиной фунтов, но о посылке еще не слышно. Поблагодарим Кузинса за его письмо с двумя старыми журнальными вырезками из Тривандрума³⁵.

Посылаем рекламную вырезку о Пикассо³⁶. Вот до чего доходит безумие! Родной мой, любимый Светуня, держу тебя в сердце и посылаю тебе и всем окружающим тебя самые лучшие мысли.

Передай наш привет д-ру Кузинсу.

Что Ганиз³⁷, доволен ли ты им?

Пасик и Юсик³⁸ крепко целуют тебя.

Всем сердцем обнимаю тебя

М.

Е.И. Рерих — С.Н. Рериху и Д. Рани Рерих

21 февраля 1946 г.

Родные наши Светуня и Девика³⁹, рады были получить Ваши письма от 12 фев[аля]. Спасибо за поздравление. День был праздником, ибо весь день и ночь шел дождь и даже захватил день следующий. Получила чудесную большую картину «Тангла». Повесила ее перед постелью, рядом с «Кинченжунгой» и каждое утро радуюсь.

Тревожимся за Ваше самочувствие. Очень, очень огорчаюсь твоим бронхитом. Береги себя, мой птенчик. Радуюсь, что Девика с тобою, она удержит тебя от неосторожностей. Не нравятся нам хулиганские происшествия в Бомбее. Сколько вреда приносит такая распущенность! Будем счастливы видеть Вас с нами.

²⁵ Американский адвокат.

²⁶ Эми Уэлш, участница рериховского движения в США.

²⁷ Гизела Ингеборг Фричи (1899—1996), сотрудница культурно-просветительных учреждений, созданных Е.И. и Н.К. Рерихами в США, с 1950-х гг. член Совета директоров Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

²⁸ Спенсер Кэмпбелл (1922/23—1944), сын Кэтрин Кэмпбелл.

²⁹ Гавриил Григорьевич Шклявер, отец Георгия Гавриловича Шклявера.

³⁰ Георгий Гаврилович Шклявер (ум. 1980), юрист, профессор Парижского университета. С 1929 г. — генеральный секретарь Европейского центра при Музее Николая Рериха в Нью-Йорке.

³¹ Ж. Пейронне, второй вице-президент Французской ассоциации друзей Музея Николая Рериха.

³² Николай Константинович Рерих.

³³ Эстер Лихтман, Луис и Нетти Хорш, до 1935 г. бывшие сотрудниками Е.И. и Н.К. Рерихов в США.

³⁴ Название магазина в Париже.

³⁵ Город в Индии, штат Керала.

³⁶ Пабло Пикассо (1881—1973), французский художник.

³⁷ Прислуга в Кулу.

³⁸ Юрий Николаевич Рерих (1902—1960), старший сын Е.И. и Н.К. Рерихов, ученый-востоковед, лингвист, директор Института Гималайских исследований «Урусвати».

³⁹ Девика Рани Рерих (1908—1994), индийская кинозвезда, жена С.Н. Рериха.

Слушаем радио, читаем внимательно газеты и журналы и видим, как все происходит как по-писаному, именно согласно старым пророчествам. Безумия конца мрачной Кали-Юги хотя и были ярко описаны в «Пуранах», но происходящее превосходит во много раз. Представитель Тасса прислал нам опять целые вороха разных газет. Должна сказать — единственные газеты, которые, несмотря на некоторую примитивность, дышат бодрим пульсом здорового народа и полны жаждой нового строительства и новой жизни. Хотя и имеются такие эпизоды, как Иван Иванович Шарик (сторожевой песик), вписанный в список служащих для выдачи содержания и пайка, а также и другие мертвые души, все же, несмотря на все трудности, ограничения и лишения, жизнь складывается в новых рамках, по размаху далеко превосходящих прежнюю спячку. Недохват в сапогах и одежде покрывается достижениями, и особенно в так называемых «прикладных» науках. Хотя, видимо, начинают понимать, как нелепо такое деление науки, и в своей статье «Наука и новый пятилетний план» С. Вавилов⁴⁰, презид[ент] Академии Наук, уже пишет — «война научила, что самые как будто отдаленные от практических надобностей научные факты, законы и методы могут приобретать огромное значение». Так он перечисляет все, что уже сделано в различных областях и какие проблемы уже почти разрешены и ждут широкого применения, между прочим заняты проблемой транспортирования энергии на большие расстояния применением постоянного тока напряжения. Создаются новые сплавы, новые виды горючего, новое освещение при помощи новых источников. Замечательны достижения в медицине и по агрикультуре. <...>⁴¹

Е.И. Рерих — С.Н. Рериху и Д. Рани Рерих

25 февраля 1946 г.

Родные наши Светуня и Девика, получили Ваши письма от 15, 16 и 20 февраля. Из них не видим даже приблизительного числа, намеченного Вами для Раджпутаны⁴². Девика пишет о

Готце⁴³, думается, что его лучше не трогать, он маленький человечек и, конечно, сам ничего не может двинуть. Вероятно, многое зависит от Мит⁴⁴. Но все должно благополучно закончиться, потому не тревожьтесь. Родные мои, шлю *Совет* Вам не засиживаться в Бомбее после возвращения из Раджпутаны и вернуться в Нагар не позже конца марта. Хорошо бы выехать не позже 25 марта — таков Совет. Поспеете к цветению Вистерии⁴⁵. Читаем и слышим по радио о хулиганских безобразиях и грустим. Просим Вас быть *особо* осторожными в пути, этот *Совет* я тебе уже пересылала. Также не тревожься, если сейчас не намечаются новые выставки. Все придет так, как нужно и когда нужно. Приходится просить выслать нам хотя бы небольшую сумму в счет проданных картин, ибо немало необходимых *затрат*. Все страшно дорожает. Пришлось нанять двух сторожей, но они уже не довольствуются 22 рупиями в мес[яц] и требуют прибавки, но это означает опять новое поднятие оплаты всех остальных кули⁴⁶. Но сторожа совершенно необходимы для охраны орчарда⁴⁷ и огорода от обезьяних, сорочих и пр. нападений. В Кулу уже пришла толпа в 300 чел[овек] из голодных местностей. Несчастные просят пищи и денег. Вероятно, дойдут и до наших мест. Пришло письмо от Ильи Муромцева⁴⁸. Тяжкое положение в Америке из-за бастующих рабочих! Те, кто вне юниона⁴⁹, не получают жалованья, а таких тоже немало. Боятся новой забастовки в производстве пищи, доставке пищевых продуктов, в снабжении электричеством, газом, в городском и иногороднем сообщении и т. д. Очень он горюет о продолжающейся пропаганде ненависти, как пример приводит любопытный факт: один из директоров Метрополитен Музея, посланный в Париж, чтобы изучить состояние музеев, написал, что музеи не только не пострадали во время оккупации, но что немцами была назначена комиссия для охранения музеев. Он этим навлек на себя бурю нареканий и угроз, что его отставят от должности. Выходит, что, для того чтобы быть патриотичным, он должен был сообщить, что сокровища искусств

⁴⁰ Сергей Иванович Вавилов (1891—1951), физик, общественный деятель, академик, президент Академии наук СССР с 1945 г.

⁴¹ Окончание письма отсутствует.

⁴² Историческая область в Индии.

⁴³ Герман Гетц, художественный критик, автор статей о творчестве С.Н. Рериха.

⁴⁴ Так в оригинале.

⁴⁵ Растение.

⁴⁶ Черноработчие, преимущественно китайцы и жители Малой Азии.

⁴⁷ Orchard (англ.) — фруктовый сад.

⁴⁸ Илья Эммануилович Муромцев (ум. 1952), муж К.Н. Муромцевой (двоюродной сестры Е.И. Рерих), сотрудник культурно-просветительных учреждений, созданных Е.И. и Н.К. Рерихами в США.

⁴⁹ Union (англ.) — союз. Здесь: профсоюз.

Святослав Николаевич и Девика Рани Рерихи. Кханда, 1948

ва были уничтожены! Также коротенькое письмо от Ниночки Кутузовой⁵⁰ из Иерусалима, полученное Муромцевыми, сообщает, что жизнь их стала напоминать средневековье от всяких ужасов. Они опасаются, что у них отнимут школу и церковь. По всему Миру — стон! Если бы люди проявили человечность и хотя бы некоторое сотрудничество, но искреннее! Получили письма из Тяньцзина от Варфоломеевых⁵¹. У них и их друзей, видимо, все благополучно, дочери выходят замуж, рождаются внуки, сами собираются своим кружком, читают книги Живой Этики, находят силу терпения и черпают в них новое понимание и надежду помочь своей родине. <...>

Итак, родные, берегите себя, будьте очень осторожны в пути и в пище. Посылаю Вам самые любовные, самые бодрые мысли, ибо все будет хорошо. У меня большое спокойствие на душе и даже радость, ибо верю в Космическую Справедливость. Только бы кончились скорее всякие наравливания и злостная клевета. Тяжко читать получаемые журналы из Америки. У нас третий день к вечеру дождь, был даже небольшой снег, но наутро растаял. Все очень счастливы, урожай улучшился. Похолодание небольшое, все же теплее, чем при вас; приезжайте, родные, очень ждем. Сердцем с Вами.

М.

Е.И. Рерих — С.Н. Рериху и Д. Рани Рерих

29 декабря 1946 г.

Родные Светуня и Вузлик⁵², получили все Ваши письма, посланные из Лагора и Амбалы. Но письмо Вузлика от 18 декабря дошло только 26-го; где гуляло оно? И я так огорчилась, не имея сведений от Вузлика.

Спасибо большое за всю заботу и подарки. Все было весьма оценено. Пасик очень доволен шоколадом, хранит у себя в ящике письменного стола.

Письма Вузлика полны интересных подробностей и дышат такой радостью жизни, что, читая их, и нам становится радостно на душе. Милый, милый человек!

Праздник прошел тихо; погода стояла чудесная, и поздравителей пришло немало. Но докт[ор] отсутствовал. За две недели он был приглашен на *folle journée*⁵³ к Дональдсам; участвовал в играх — скачки и что-то вроде «палочки-веревочки», но получить приз, бутылку пива, ему не удалось. Встретил там нашего нового начальника с женой, люди совсем молодые и симпатичные. Должно быть, в начале января будут у нас.

Ваши изображения очаровательны!!! Пришлите новые из Дели. Хорошо, что Вам удалось повидать Пандита⁵⁴ — он лучший!!

Сведения о поведении [русских] войск в Чехословакии очень огорчили нас, хотя Дутко⁵⁵ уже писала о безобразиях, но хочется думать, что такие безобразия имели место в Судете среди немецких обитателей. Но по справедливости, если такие безобразия и были учинены русскими солдатами, то все же они более простительны, нежели те, которые осуществляются союзными войсками, о чем оповещают газеты. Катрин начала высылать мне «Sunday N[ew] Y[ork] T[imes]» — там много интересных сведений. Новые исследования и изучение мозговой области установили, что лишь напряженная мозговая деятельность обеспечивает долгую жизнь. Это очень знаменательно! Проявлен большой интерес к йогическим методам и упражнениям.

Докт[ор] получил письмо от Гассмана. Он с семьей летел из Европы в Индию на маленьком аэроплане, который брал лишь шесть пассажиров. Из-за неблагоприятной погоды они летели 10 дней и по пути садились 10 или 12 раз, но все же добрались благополучно. Пишет, что если в Швейцарии трудно, то по сравнению с остальной Европой — там рай.

На днях у меня было новое любопытное явление — я сидела за своим столом, читала, и неожиданно из правого глаза начали капать крупные капли крови, залили очки и струйкой потекли по щеке и рукам. Истинно, «кровавые слезы», как сказала Людмила⁵⁶. Сухие удары и разряды в ногу тоже получили научное объяснение, но об этом в следующем письме. Такие явления всегда имеют связь с космическими перетурбациями. За пять дней до <...>⁵⁷ землетрясения я опять испы-

⁵⁰ Нина Васильевна Голенищева-Кутузова, двоюродная сестра Е.И. Рерих, настоятельница монастыря в Палестине.

⁵¹ Мария Николаевна, Иван Иванович, Надежда Варфоломеевы, корреспонденты Е.И. Рерих.

⁵² Домашнее имя Девки Рани Рерих.

⁵³ «Безумный денек» (фр.).

⁵⁴ Джавахарлал Неру (1889—1964), индийский политический деятель, премьер-министр Индии с 1948 г.

⁵⁵ Валентина Дудко (р. ок. 1909), балерина, корреспондент Е.И. Рерих, перевела двухтомник «Письма Елены Рерих» на английский язык.

⁵⁶ Людмила Михайловна Богданова (1903—1962), участница Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха, по возвращении жила с семьей Рерихов в Кулу. В 1957 г. вернулась в СССР вместе с Ю.Н. Рерихом.

⁵⁷ Слово неразборчиво.

тивала сильное напряжение в сердце, спине и груди — теперь много лучше.

Туччи⁵⁸ пригласил Юрия соeditor'ом при Восточном институте в Риме — очень радуюсь, это дает ему новое положение в Европе.

Берегите друг друга. Сердцем обнимаю Вас, родные.

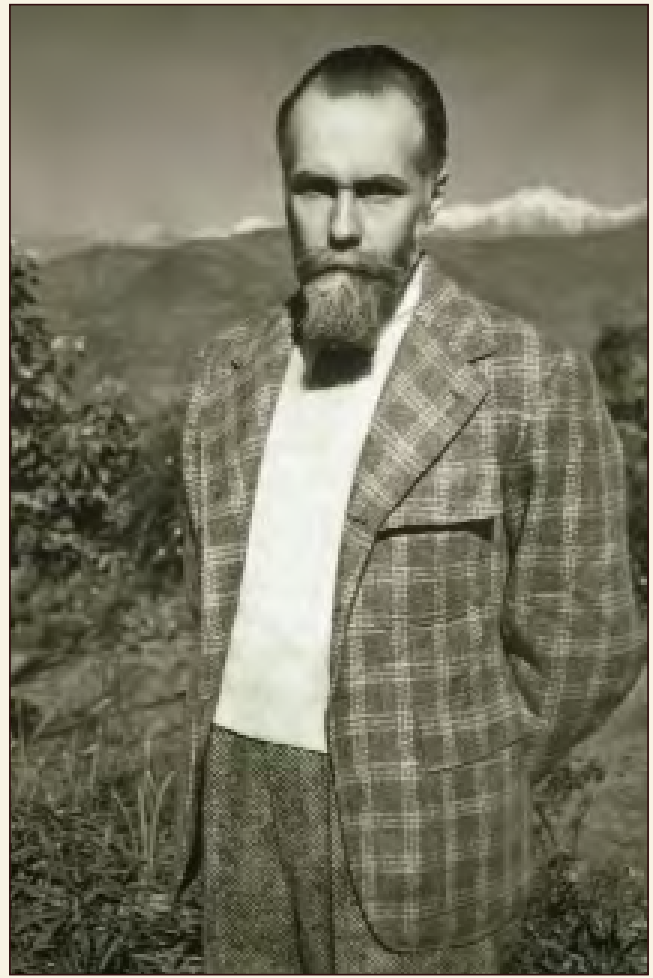
Масик

Е.И. Рерих — С.Н. Рериху

16 февраля 1947 г.

Родной мой Светуня, спасибо за память, все пришло к самому дню. Крепко целуй нашу милую Девуку за шерсть и все остальное. Часто думаем о Вас обоих и посылаем самые нежные, самые бодрые мысли. Благодаря отсутствию снега у нас изобилие нарциссов. 12 февраля все было убрано ими и весь дом благоухал, сообщая праздничное настроение. Стоят красивые дни, ясные, жаль только, что снег на горах неустойчив, парадность пройдет. Третьего дня пришла телеграмма из Калькутты с подтверждением о принятии работы Юрия⁵⁹. В самом Аз[иатском] Общ[естве] произошли, по-видимому, большие перемены, сейчас во главе стоит новый президент — индус, фамилия напоминает китайскую, большой ученый, написавший несколько выдающихся трудов по буддизму. Он может оценить капитальный труд Юрия. С печатанием этого огромного труда затруднение тоже в том, что только в Калькутте имеется набор тибетского алфавита, в Баптистской Миссии. Будем надеяться, что без особого замедления будет приступлено к печатанию. Также на днях пришла первая копия брошюры о Баннер⁶⁰ и Пакте. Выглядит неплохо, может быть, и лучше, что она небольшая — легче ознакомиться. Но, как всегда, есть и недочеты, так вкралась досадная ошибка, недосмотр. Под портретом Пасика вместо Музея Люксембурга стоит Ассоциация Французская! Надеемся через месяца полтора получить новую партию брошюры для раздачи.

Пасик уже переслал тебе задушевное письмо Булгакова⁶¹ — итак, приезжавшие друзья совето-

С.Н. Рерих в Кулу. 1940-е гг.

вали ему еще немного повременить. Так и Грабарь⁶² в своем письме от 7 дек[абря] и полученном нами вчера пишет, что не дождется лета, чтобы уехать за границу в экспедиции, им задуманные, — в Галицкую Русь, Карпаты, Далмацию, Сербию, повидать Софию, в Константинополь и даже в Среднюю Азию, но о главном интересующем нас вопросе — ни гу-гу. Все это очень показательно. Назревают события, и осенью о многом услышим. Получили ли Вы благодарность от Татьяны Григорьевны⁶³. Напишет ли Вам Павловский⁶⁴? Орестов⁶⁵ прислал нам прекрасную книжку А. Поповского⁶⁶ «Вдохновенные искатели», в ней он описывает благородную личность и самоотверженную деятельность Евг[ения] Ник[аноровича] Павловского и рабо-

⁵⁸ Джузеппе Туччи (1894—1984), итальянский востоковед, член-корреспондент Института Гималайских исследований «Урусвати», президент Института Среднего и Дальнего Востока (Италия).

⁵⁹ The Blue Annals. Pt. 1. Transl. from Tibetan by G.N. Roerich. Calcutta: Royal Asiatic Soc. of Bengal, 1949. Pt. 2, 1953.

⁶⁰ Banner (англ.) — знамя. Речь идет о Знамени Мира.

⁶¹ Валентин Федорович Булгаков (1886—1960), русский литератор, секретарь Л.Н. Толстого.

⁶² Игорь Иммануилович Грабарь (1871—1960), русский советский художник, историк искусства.

⁶³ Татьяна Григорьевна Рерих (ум. 1953), архитектор, жена Б.К. Рериха (брата Н.К. Рериха).

⁶⁴ Евгений Никанорович Павловский (1884—1965), русский зоолог, академик АН СССР.

⁶⁵ Корреспондент Н.К. Рериха.

⁶⁶ Александр Данилович Поповский (1897—1982), русский писатель.

ты, произведенные его учениками в поисках насекомых, носителей всяких злостных лихорадок и губительных эпидемий. Интересно отметить, что Павловский перевел с немецкого всего «Фауста» Гете⁶⁷ и, говорят, его перевод пользуется наибольшим успехом. Без знания языка такой перевод немислим. В конце книги имеется глава, посвященная другому такому же самоотверженному труженику и замечательному врачу и хирургу А.В. Вишневскому⁶⁸. Название главы хорошее — «Во имя человека». Благодаря его трудам, терпению и искусству смертность от тяжелых повреждений в последнюю войну пала до минимума. Раны он успешно лечил бальзамом, по составу похожим на твой бальзам, но вскоре он его заменил дегтем из можжевельника. Эта мазь творила чудеса при лечении гангренозных больных и всяких гнойных воспалений, включая и легочные. Тампоны из этой мази вводятся в рану и могут оставаться без замены до семи дней, что очень важно в боевой обстановке. Также он заменил хлороформ впрыскиванием новокаина способом ползучего инфильтрата тканей и этим предотвратил смертность от отравления и осложнений, наблюдаемых в некоторых случаях после применения хлороформа и других наркозов. Но самое главное его открытие — это новый метод впрыскивания новокаина, который он называет «блоком» и «рентгеном», ибо этот метод не только ставит диагноз, но безошибочно устанавливает необходимость или отмену операции. В случае отмены после впрыскивания «блока» всякая боль прекращается и больной выздоравливает, только там, где боль не исчезает, он применяет операцию. Благодаря этому блоку или рентгену операции сократились больше чем наполовину. Мне кажется, что новокаиновый блок изолирует пораженную часть организма, лишая ее ощущения боли, сохраняет силы больного и тем самым не мешает природе действовать беспрепятственно в ее способности самоисцеления. Его девиз — следует всячески помогать природе и не мешать ей. Жаль, что эту книжечку придется вернуть Орестову. Написана она с большим подъемом, и я против обыкновенного прочла ее почти без пропусков.

Вчера пришло письмо от нашего милого Вузлика, очень радовалась получению его. Да, богатство, сытость и благополучие больших центров и определенного класса людей — самая настоящая Майя, действительность нужно искать в гуще

масс и в глубине сознания обездоленных. Конечно, в первую голову наравне с пропитанием должно идти и строительство на охранение остатков древней культуры и на насаждение просветительных учреждений. Нужно зажигать массы красотой и доступностью этой красоты, для этого необходимы музеи и прекрасные образцы искусства, также необходимы талантливые популяризаторы во всех областях знания и искусства. Кое-что уже сделано за границей, но необходимо, чтобы Индия приняла участие в этом. Нужно просвещать массы, иначе все свернется в хаос. Можно теперь видеть, что советский режим мог так долго держаться именно только тем, что давал массам возможность проявить врожденное чувство к красоте во всевозможных проявлениях национального их гения в культурных очагах. Каждый новый поселок, наравне с жилыми помещениями, и часто опережая их, [имеет] свой театр, свои клубы и прочие культурные насаждения. Конечно, всякие ГПУ помогали дрессировке граждан, но все же манка⁶⁹ участия масс в культурной деятельности сыграла большую роль в объединении отдельных республик. Грустно, очень грустно читать описание грубости, свидетелями которой явились многие присутствующие индусы. Грубость — самое страшное явление, она убивает все, следовало бы во всех школах объявить войну против темноты звериного проявления. Вкоренившаяся грубость неизлечима. Она убивает все признаки психической энергии.

Пасик написал чудесные две картины, считаю их в ряду самых удачных. Начал третью — «Снежную деву», новый вариант, расположилась очень красиво. Надо кончать. Крепко обнимаем вас обоих, просим беречь здоровье. Знаю, что все как-то уладится, именно так, как <...>⁷⁰

Е.И. Рерих — С.Н. Рериху и Д. Рани Рерих

28 февраля 1947 г.

Родные наши Светуня и Девика, спасибо, дорогие, за все заботы Ваши. Телеграмма от 24 фев[аля] пришла 25-го. Также вчера получили Ваши письма от 20 ф[евраля]. Радовались о возможности продажи нескольких картин. Может быть, и в Дели будет небольшая продажа, туда посланы несколько средних по размеру. Большое спасибо за все посланные вещи, получили крас-

⁶⁷ Иоганн Вольфганг Гете (1749—1842), немецкий поэт, писатель, мыслитель, государственный деятель.

⁶⁸ Александр Васильевич Вишневский (1874—1948), русский хирург.

⁶⁹ Так в тексте.

⁷⁰ Окончание письма отсутствует.

ки, бумагу, ремингтоновские ленты и перья, лучшие среди них «Гольдуинг» (Бирмингхам), не плохо иметь бы две дюжины.

Думаю, что конец марта и апрель будут лучшим временем для Ваших дел. Как счастлива была бы я, если бы именно Индия, столь нами любимая, подняла бы Знамя Мира, Знамя Культуры! Какое прекрасное и широкое поле для культурной деятельности молодежи! Именно в Знамени Мира или Знамени Влад[ыки] содержатся все устои Культуры.

Вспоминается, как в 1931 году в предвидении надвигающихся войн и новых разрушений поднималось Знамя Мира. Мы знаем, что новые Идеи и построения вводятся и утверждаются лишь при самых больших напряжениях и битвах, и каждая битва имеет свое значение, и каждый узор свое значение. Но сроки их утверждения могут растягиваться на десятилетия. Сказа-

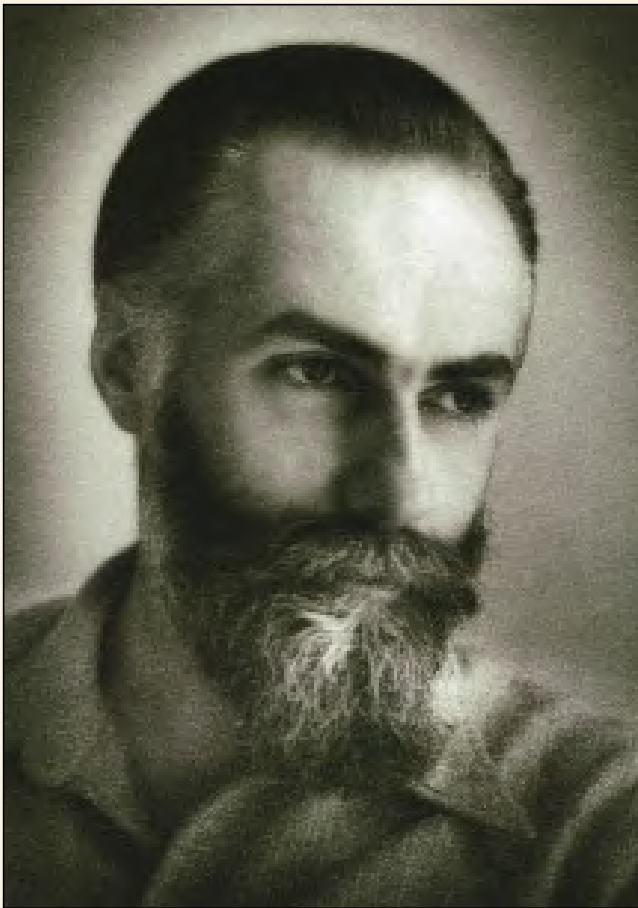
но: «Время, когда явлен Жар-цвет, не может быть легким. Знамя Мира не дается на базаре».

«В эпоху Огня, когда Свет борется с Тьмою, явление Знамени Мира есть тот основной знак, который даст новую ступень человечеству. Так под этим Знаком объединяются Красота, Знание, Искусство и все народы. Только высшие меры приложимы к Знамени. Великое Провозвестие нужно понять как обновление Мира».

Вспоминаются и все начинания Лиги Культуры под Знаменем Мира. Конечно, война, но главным образом предательство нескольких отступников затруднили и даже приостановили развитие и распространение благой деятельности. Но при наступлении Нового Цикла Знамя Мира и Культуры должно быть снова поднято и развернуто. Как сказано в кн[иге] «Иерархия», § 331: «Не может быть международного соглашения и взаимного понимания без Культуры, потому

Джавахарлал Неру и С.Н. Рерих на открытии выставки картин Н.К. Рериха. Дели, 1948

С.Н. Рерих. 1940-е гг.

Знамя Мира вмещает все тонкие понятия, которые приведут народы к принятию Культуры...» «Не может человечество процветать без знания и величия Культуры. Знамя Мира откроет Врата к лучшему Будущему. Когда страна на пути к разрушению, то даже малодуховные должны понять, в чем заключается восхождение. Истинно, спасение в Culture. Так Знамя Мира несет лучшее будущее».

«Пора понять, что разворачивается Знамя, величайшее в Истории. Никогда Знамя Мира не выявлялось как знак Нового Мира. Пусть поймут люди Знак Спасения. Твердь трепещет. Токи раскалены. Знамя Мира — Знамя Наше, как Маяк в бурю. И посев Culture, как противоядие. Знамя Мира — Знамя Твердыни Света».

Ведь и Лига Culture может поместиться под Знаменем Мира. Лига Culture должна быть понята как конгломерат всевозможных организаций от духовных до кооперативов, все может поместиться под куполом Culture. В свое время был дан и перечень всех Отделов Лиги Culture... «События помогут движению Culture развиваться как последнему прибежищу.

Пусть никто не считает это движение не новым, оно будет порогом Нового Мира». Так я писала в Америку.

Итак, соберем лучшие мысли около Знамени Мира, покроем им все наши начинания. Пусть приходящие привыкают видеть Знамя Мира и помнят те великие Основы, которые оно возглавляет. Великое никогда не входило в Мир при фанфарах и ликованиях, но всегда в трудах, страданиях и при осмеянии невежеством, но мы доживем до признания и утверждения Culture во главе Нового Строительства. Сознание масс поднимется на новую ступень и поймет, что страны не могут жить и развиваться, утратив понимание истинной Culture. Нельзя продолжать воспитывать новые поколения на суррогатах Culture. Всякий суррогат есть ложь, но лживые основы не могут уявиться прочными устоями, и потому разрушение и самоистребление неминуемы.

Конечно, преддверие Новой Эпохи, несущее великое Переустройство Мира и сопровождающееся необычайными откровениями и открытиями Науки, не может быть легким, но прекрасно закладывать основы блестящего Будущего. Ведь наступающая Эпоха приоткроет и завесу над Миром Надземным. Многие станут очевидным и доступным земным чувствованиям. Именно это радует меня. Границы между духовным и материальным, между земным и надземным начнут постепенно стираться, и люди еще при земной жизни будут сознательно готовить себе продолжение в Мире Надземном. И сама земная жизнь не будет бессмысленным обрывком, но явится сознательным творчеством, выполнением и продолжением принятого на себя задания в обоих Мирах. Можно представить себе, как облагородится и ускорится эволюция! А пока что Англия переживает семь казней Египетских, неужели за палестинских евреев!

Вы, вероятно, получили мою просьбу о передаче слов В[еликого] Вл[адыки] пандиту. Если он отзовется, Помощь великая может быть сказана во многом. Сейчас пришла Ваша телеграмма об отъезде в Хайдерабад. Шлем лучшие мысли. Пасик наш горит творческим вдохновением, уже закончил третью картину, уже готовит холст для четвертой. Картина одна лучше другой. Какое горе, что не можем иметь достаточно холста и хорошего качества, также и красок, уже многие тона отсутствуют. Катрин сейчас во Флориде, но просила писать ей на фарму⁷¹. Она, конечно, с радостью окажет тебе дружескую услугу и по-

⁷¹ Farm (англ.) — ферма.

ищет нужный тебе холст. Только напиши обязательно все особенности, все названия и размеры. Крепко и со всей нежностью обнимаю моего маленького Вузлика. Берегите друг друга. Спасибо, родные. Знаю, как нелегко, но все будет или, вернее, завершится [успешно].

Е.И. Рерих — С.Н. Рериху

8 июля 1950 г.

Родной мой Светуся, итак, ты получил две копии моего письма. Храни их, родной. Пишу снова, ибо нет уверенности, что наша налаженная почта на реннерсах⁷² продержится без дальнейших задержек. Обвалы еще продолжают, но, конечно, не с такими ужасными последствиями. Все повреждения оказались серьезнее, нежели казалось сначала. Так и новый мост через реку Тишта тоже поврежден и уже после главного бедствия. Пишу тебе, ибо очень тревожно на сердце, бедствие происшедшее, конечно, отозвалось на всей жизни. Вздорожание, которое началось, может усилиться, и можно ожидать и других непредвиденных расходов, и трудно будет оказаться без ресурсов, при невозможности получить вовремя. Дом наш, как ты знаешь, перешел к Рани, и она предложила платить ей по третям или по шести месяцев сразу. Я предпочитаю платить по третям, и такую сумму скоро предстоит выплатить. Тяжело одолжаться ей и задерживать плату, особенно сейчас, когда Будд[ийский] Центр⁷³ начинает налаживаться. Рани идет навстречу. На днях сказала Юрию, чтобы он помнил, что она интересуется таким центром именно здесь в Калимпонге, но не в Гангтоге, была весьма приветлива. Она только что вернулась с Цейлона, видимо, осталась довольна своей поездкой. Встретила там несколько западных ученых и монахов, которые знали Юрия и высоко говорили о нем. Все это произвело впечатление на нее. Также Таши намекала Сенам⁷⁴, что ее мать, может быть, предложит «Хилл Топ» под Будд[ийский] Центр. Это было бы наилучшим решением. Юрий не теряет времени и кует железо, пока горячо.

Приехавший сюда на отдых министр Неоги — милейшая личность и сейчас полон рвения к основанию Центра, так же как и наш милый Пра-

дан. Юрий имел с ними уже несколько совещаний по этому поводу и сегодня снова совещался с ними и с Денсапа, министром Сиккимским, последний обещал всячески содействовать и для начала предложил в дар свою библиотеку. Может быть, что-нибудь и сделает в пику наследнику, который все обещал и от всего увильнул. Неоги собирается на днях пойти к Рани сначала один, потом с Юрием, чтобы закрепить помещение за Центром! Будем надеяться, что она сделает этот красивый жест.

Корейский эпизод скоро кончится и еще больше укрепит значение Р[оссии] в Азии. Война мировая не разыграется. Но неотложный срок космического переустройства наступит. Непреложный, последний срок совпадает со сроком, давно указанным еще в [19]25 г., когда было сказано, что через двадцать пять лет Англия перестанет вообще существовать. Армагеддон уявил много сроков на яром смещении, определенно не могу назвать их, но Космическое Решение осталось во всей своей Непреложности. Космическое Решение *могло быть ускорено, но не отложено*. Судьба Мира висела на ниточке и могла оборваться на ярую гибель до Космического непреложного срока и тем самым уявить ускорение Космического Решения. Но наша Страна не могла оявиться на гибели. Наша страна нужна для равновесия Мира. Россия находится под Лучом. «Мы ее охраняем, сотрудничество ее с Силами Света очевидно». Да, для зрячих это очевидно.

Катрин [пишет, что] ей, вероятно, придется уехать из Швейцарии немного раньше из-за <...>⁷⁵ Бедняжке придется оказаться в стране во время всего космического переустройства. Но, конечно, она и ее близкие и место ее не будут затронуты. И картины нашего Пасика и твои, родной, уцелеют. Первые грозные атмосферические знаки можно ожидать в Европе уже в конце ноября идущего года, а затем, месяца через три, и на другом континенте. По-прежнему лучшая валюта — рупия и золото, хуже всего англ[ийская] и амер[иканская].

Наш друг Болл[инг]⁷⁶ пишет прекрасные письма. Он понял разумность Советов, ему данных, и тем спас большие капиталы. Он принял президентство в Рерих Фаундэшен⁷⁷. В последнем письме он сообщает мне, что <...>⁷⁸ и дальше <...>⁷⁹

⁷² Runners (англ.) — бегуны.

⁷³ Индо-тибетский исследовательский институт, организованный Ю.Н. Рерихом в Калимпонге.

⁷⁴ Шри Сатиранджан Сен, исполнительный секретарь Индо-тибетского исследовательского института, и его супруга.

⁷⁵ Слово неразборчиво.

⁷⁶ Балтазар Боллинг, деятель рериховского движения в США, собиратель картин Н.К. Рериха.

⁷⁷ Roerich Foundation (англ.) — Общество Рериха.

⁷⁸ В тексте пропуск.

⁷⁹ В тексте пропуск.

Значит, они оценивают значение Учения и понимают, насколько оно выше всей параферналии, кот[орую] им предлагают в «Аморке»⁸⁰. Дай Бог, додержится до наших лучших времен.

Итак, мы живем в боевом напряжении, кроме моей такой сосредоточенной работы, сейчас исправляю перевод «Общины» и Второй Книги Зиной и Дедлеем. Все мои иногородние друзья держатся и трогательны в своем устремлении. Новых не очень поощряю. Пришли снова письма из Харбина, тоже держатся Учением и надеждой свидеться. Володе как будто лучше, но, конечно, это временное улучшение.

К Вашему приезду, родные, и дорога почиится, и, может быть, Центр начнет функционировать. Хотелось бы наладить поскорее, чтобы больше закрепить до нашего отъезда. Тяжело мне обращаться к тебе, родной, за помощью, знаю, что тебе не легко, но знаю также, что Вл[адика] поможет тебе в твоих делах. Сердце так болит, сознавая, какую обузу мы представляем для тебя. Но разрешение многих обстоятельств уже не так далеко. Мне много лет, и долго прожить я не могу, а должна еще успеть выполнить все порученное мне. Ну, обнимаю тебя, мой родной. Крепко поцелуй нашего Вузлика. Спасибо за часы, но пока я получила только одни, вероятно, вторая партия скоро подойдет. Если бусы для Ирины Ал[ександровны] не нашел, не думай о них. Мы заказали здесь и уже получили неплохие. Они по-прежнему посещают нас почти каждый день и очень внимательны. Посылают Вам сердечный привет.

Крепко целую, берегите здоровье.

Е.И. Рерих — С.Н. Рериху

15 июля 1952 г.

Родной мой Светуся, что с картинами? Очень встревожены, что могло случиться? Так помню, как Рая⁸¹ бережно укладывала их со столярами. Вероятно, ящик был отослан в Бангалор. Завтра пошлем телеграмму с запросом о картинах. Сейчас пришла твоя посылка, спасибо большое, родной. Порадовались очень, ибо позднее могут быть задержки. Монсун⁸² довольно силен, местами уже оползни. Туман, духота, сырости больше, нежели в прошлом году. Температура с утра 72 гр[адуса]⁸³, днем переваливает за 80.

Как твои новые посадки? Слышу, что урожай будет необычно богатым. Цены значительно возрастут. Также имею неоднократное напоминание о необходимости знакомства с Баб...⁸⁴ не только знакомства, но сотрудничества с ним. Ну да все постепенно выяснится, но нужно быть открытым, никогда не знаешь, как что придет. Думается, что и советник подойдет, вывится тоже неожиданно. Постоянно слышу утверждение о твоей победе за справедливое дело. Главное, ничем не утраиваться, помня, Кто стоит за тобою. Победа обещана, будь тверд, мой родной.

Очень прошу тебя ничем не связываться со страной долларов. Также опасаясь, как бы наша любимая Индия не слишком связала себя с нею, может оказаться в трудном положении в случае крушения страны долларов. Люди ослепли и не видят, куда катится колесо рока, на какой ниточке висит судьба многих стран. Нельзя затрагивать безнаказанно тончайшие энергии, эти рычаги сил космических.

У нас здесь постепенно все замирает. Почти все тибетцы вернулись восвояси. Американцы появляются редко, очень уж их тут не любят. Наши греки тоже покидают Калимпонг. Петр Георг[иевич] уезжает завтра, Ирина Ал[ександровна] шестого авг[уста]. Думают вернуться в конце окт[ября]. Не верится, чтобы мы с ними снова увиделись. Бутанцы, как всегда, дружелюбны, мы не слишком надоедаем им, и все ладно.

Юрий еще занят окончанием своей грамматики, его сотрудник уехал, не закончив работу. Но, вероятно, Юрик сам пишет тебе о своих обстоятельствах. Пришли будто бы новые фигурки к глухому [торговцу] в Гим[алайском] отеле. Цены огромные, но, конечно, скоро понизятся.

Некоторые корреспонденты мои запрашивали меня о «летающих дисках», «ожерельях» и «сигарах». Пришлось написать Зине, может быть, тебя заинтересует это пояснение, данное мне В[еликим] Вл[адикой], прилагаю его и тебе.

«Так называемые летающие диски, ожерелья и прочие образования являются пространственными образованиями, носящимися вокруг нашей Земли. Обычно они не имеют доступа в ближайшие слои нашей атмосферы, ибо Земля имеет заградительную сеть. Лучи и магнитные токи образуют совершенно непроницаемую атмосферу или заградительную сеть. Сфера напря-

⁸⁰ Розенкрейцеровская организация в США.

⁸¹ Ираида Михайловна Богданова (1914—2004), участница Центрально-Азиатской экспедиции Н.К. Рериха, по возвращении жила с семьей Рерихов в Кулу. В 1957 г. вернулась в СССР вместе с Ю.Н. Рерихом.

⁸² Монсун (муссон) — устойчивый ветер, направление которого резко меняется на противоположное два раза в год.

⁸³ Температура приводится по шкале Фаренгейта.

⁸⁴ Так в оригинале.

Девика Рани и С.Н. Рерих. Бангалор, 1980-е гг.

женная и ближайшая к земному плану яро отвечает на воздействие земных энергий, которые отравляют не только сферу, непосредственно прилегающую к Земле, но и более отдаленные пространства в силу мгновенной передачи тончайших энергий.

Ярые энергии могут проникать не только за пределы сферы, окружающей Землю, но ярые оставляют бреши в заградительной сети, и неожиданные и часто нежелательные посетители начинают проникать в нашу сферу и сами уявляются на распадении (ожерелья) или на сгорании при столкновении с болидами, все еще носящимися в нашей атмосфере со времени гибели нашей лучшей планеты. Столкновения эти порождают ядовитые газы, которые отравляют нашу напряженную атмосферу и яро воздействуют на организмы обитателей Земли.

Конечно, все опыты с атомными бомбами и прочими такими же вредными, если не вреднее, снарядами яро уявляют такие БРЕШИ в заградительной сети.

“Ожерелья” являют распадение миров. Каждая “буса” в ожерелье — одна из сфер, образующих обитаемый или слагающийся мир. Такие

“ожерелья” являются расчленением слагающихся миров. Оформляющиеся пространственные тела, попадая через уявленную брешь в сферу с не соответствующими им вибрациями, конечно, распадаются или сгорают. Формации эти изменяются также в силу меньшей скорости, уявленной в нашей сфере, нежели в просторах за предельным кольцом.

Видимые рушения эти, конечно, настоящие ущербы для нашей Вселенной. Ибо оформление миров требует миллиарды эонов, и не так уж много миров, готовых принять человечество на ступени столь проснувшейся, как эволюция нашего земного человечества. Годные домики — редкое явление. Потому мы должны всячески охранять нашу планету...»

Теперь одно средство против белых муравьев. Порошок из мускатного ореха и коры его может остановить распространение белых муравьев и даже уничтожить их. Также помогает окуривание смолой.

Асбест будет источником богатства Индии, ибо все магнитные аппараты и магнитные измерители будут нуждаться в нем. Именно потребуется большое сотрудничество асбеста.

Как только справлюсь с накопившимися письмами для ответа, напишу Вузлику. А пока передай ей мой поцелуй и скажи, что всегда радуемся ее письмам.

Скоро выйдет вторая часть «Листья Сада Мории»⁸⁵ и перепечатают первый том в дополненном виде. Надеюсь, что удастся издать третьим выпуском «Агни Йогу».

Имею хорошие письма от Катр[ин] и Инге. Фарму нашли в лучшем состоянии, нежели они полагали. Но, конечно, им трудно ассимилировать психологию латвийцев. Все устраивается как-то само собой. И Аида⁸⁶ уже имеет должность при больнице, также может существовать. Мальчика определили в школу, так что он им не надоедает. В остальном подвижек пока нет. Но фарму продавать не будут, *это главное*. Инге очень окрепла, все боли оставили ее. Катрин тоже чувствует себя неплохо. Родной наш, целую тебя, помни, что *победа суждена*, но будь тверд. Пиши. Сердцем с Вами.

Мама

Е.И. Рерих — С.Н. Рериху и Д. Рани Рерих

27 сентября [1953]

Родные мои Светик и миленький Вузлянка, Радуемся Вашим вестям и возможности скоро увидеть Вас. Спасибо сердечное за ласковое письмо и посылку. Наш Монсун, видимо, решил вылить оставшуюся порцию сразу. Почти три дня не переставая лил сильный дождь. Дороги снова обвалились, и оползни велики, так что мы изолированы от Дарджилинга и Силигури. Но ввиду наступающей Дуссеры⁸⁷ вызваны войска для починки дорог. Есть надежда, что дня через три сквозной поезд будет налажен.

Несмотря на непогоду, люди все же наезжают в наши края. Калимпонг становится магнитом. Юханчик имеет постоянно посетителей. Приезжают новые профессора, индусы и иностранцы. Приезжают знакомиться с профессором санскрита и тибетского яз[ыка] и знатоком Йоги! Юрий интересуется ими, ибо каждый может принести что-либо новое. Но пока что слышали мало уте-

шительного о положении в нашей любимой стране. Прискорбно, что молодежь совершенно не интересуется никакими гуманитарными науками и культурная прослойка общества настолько утончилась, что скоро совершенно исчезнет. Жутко становится, слушая эти сетования. Отсутствие интереса к науке, к ценностям духовным, художественным и историческим своей страны указывает на разложение сознания, на разрушение страны. Как нужны новые дерзания, зажигатели и строители новых мостов во всех областях жизни!

28.09. Вот и сейчас приехал к нам голландский профессор, историк и иконограф г-н Пот в сопровождении трудной мисс Барклай. Симпатичный человек, средних лет. Очень опечален положением в Европе; говорит о всеобщем негодовании на Америку за их страшную политику вытягивания всего самого ценного из Европы и за навязывания своих бездарных «Амер[икэн] Уайс'ов»⁸⁸. Он уже полгода в Индии и посетил почти все университеты, просветительные учреждения и научные общества и новые лаборатории и с грустью убедился в отсутствии интеллигентного отношения к своим обязанностям и нежелании работать систематично, вернее, в неумении, так же много вражды среди отдельных личностей и обществ. Утомился от постоянной слежки и всяких непонятных ему запрещений в посещении некоторых местностей, как Лахуль и Ладак, несмотря на то что он имеет официальные рекомендательные письма, ибо сама поездка его спонсиреда⁸⁹ Голландским Правительством. На днях снова придет к нам, очень интересуется всякими йогическими проявлениями. Придется пригласить Прадана.

29.09. Сегодня день наших девочек⁹⁰. Очень довольны своими подарками. Хорошие они девочки. Любят свою тихую жизнь и, по-видимому, не скучают. Этот год им будет легче, ибо мои милые американки⁹¹ не смогут приехать раньше будущей осени, поздней.

Шибает⁹² прислал преинтересный журнал. «Новая техника для молодежи», изд[ается]

⁸⁵ Так в тексте. Имеется в виду книга «Листы Сада Мории».

⁸⁶ Аида Виестур (1911—1995), биолог, член Латвийского общества Рериха, в 1944 году уехала в Германию, затем в США.

⁸⁷ Индийский национальный праздник.

⁸⁸ American Ways (англ.) — американский образ жизни.

⁸⁹ Sponsored (англ.) — заказана, спонсирована.

⁹⁰ Людмила Михайловна и Ираида Михайловна Богдановы.

⁹¹ Кэтрин Кэмпбелл и Гизела Ингеборг Фричи.

⁹² Владимир Анатольевич Шибает (1898—1975), секретарь Н.К. Рериха, секретарь Института Гималайских исследований «Урусвати».

ВЛКСМ. Прекрасна статья по биологии «От вещества к существу». Журнал посвящен достижениям во всех областях науки и практической технической стороне жизни. Интересные опыты с новым аппаратом для сшивания сосудов, истинно чудеса возможны с заменой старых негодных органов новыми, взятыми от молодых и здоровых организмов, недавно умерших. Но наилучший результат приживаемости тканей дает пересадка их с одного места на другое у одного и того же организма.

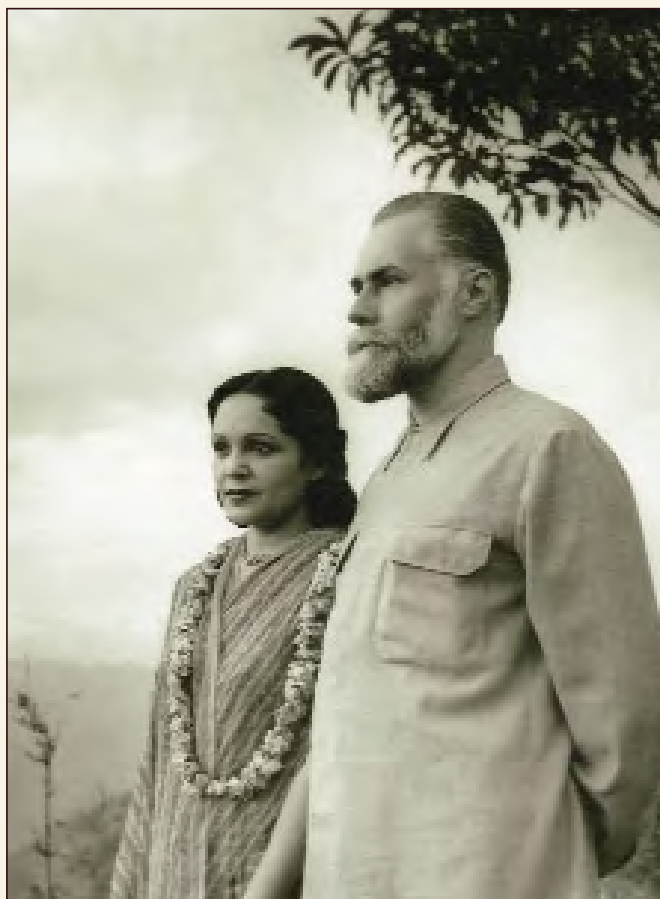
Просила Раю переписать мне эти статьи для тебя, ибо журнал этот придется отослать назад Шибаеву, он взял его из библиотеки.

Журналы и учебники улучшаются с каждым годом. Радостно отмечать горение молодежи к новым достижениям, к чудесному расцвету во всех областях жизни. Мне чувствуется, что мы приближаемся к новому повороту в жизни народов. К повороту неожиданному, но космически неизбежному, следовательно, к повороту целесообразному. В конце концов Целесообразность и есть Высшая Справедливость и Высшее Благо!

Получили корзину наших яблок. Отобрали неплохо. Дошли в прекрасном состоянии, кто-то позаботился о лучшей упаковке, таких яблок здесь и не знают! У нас Дуссера в полном разгаре. Цены взвинчены, и товаров немного, скудость большая во всем.

Скоро начнем сажать цветы. Немного опасюсь за наш цветник. Мои сенерарии⁹³ уже начали вырождаться. Также нигде нет хороших левкоев, а это наши пиэс де резистанс⁹⁴. Появился новый вид ползучих растений, цветов, совершенно необычного тона и сочетания и узора. Вишнево-коричневые большие чашечки, с серым узором и массою серебристых тычинок, производят впечатление филигранных. Мои любимые орхидеи, белые с темно-лиловой серединкой и чудесным нежным запахом, появились в огромном количестве. Но в нашем месте они не дали цветов. Место неудачное, они нуждаются в открытом месте и в солнце. Но наши садовники откуда-то принесли мне массу, и безвозмездно! Секрет этот еще не удалось раскрыть. Мы имели их каждый день и в изобилии в течение месяца и больше.

Ну, нужно кончать. Обнимаю Вас, мои родные. Ждем, ждем! Мой Светуня, мы все очень любим тебя. Поцелуй бархатную щечку Вузлика от меня.

Святослав Николаевич и Девика Рани Рерихи.
Кханда, 1948

Е.И. Рерих — С.Н. Рериху

17 октября 1953 г.

Родной мой, любимый Птенчик, посылаю тебе всю мою любовь и нежность к памяtnому и счастливому дню. Так хочется, чтобы у Вас все было удачно! Постоянно слышу подтверждения о прекрасном развитии твоих плантаций и дел. Совет оявиться на новом посеве.

Несмотря на собирающиеся тучи над миром, мы здесь все же будем иметь сравнительное спокойствие. И вопрос Сербии разрешится неожиданным путем, возможно, революцией в стране и уходом Тито⁹⁵. И, как всегда, Лучшая Страна только выиграет от такой смены.

Пока что не имеем ответа от Татьяны Гр[игорьевны]. На днях послали ей запрос, получила ли она наш ответ на ее письмо, и больше ничего. Верю, что все придет в лучший срок. Хотя я начинаю набираться сил, все же мне нужно не менее года, чтобы быть в состоянии начать свобод-

⁹³ Декоративные растения.

⁹⁴ Самые стойкие (фр.).

⁹⁵ Иосип Броз Тито (1892—1980), президент Югославии (с 1953 г.), председатель Президиума СФРЮ с 1971 г. Трижды Народный герой Югославии (1944, 1972, 1977); Герой Социалистического Труда (1950). Председатель Союза коммунистов Югославии (СКЮ) с 1966 г. Маршал (1943).

но передвигаться, без опасений каких-либо новых недомоганий.

Уважение к Юх[анчику] продолжает расти. Он окружен учениками. На днях приезжают два буддиста из Японии специально повидать его. Студент из Калькутты в восторге от своих занятий и достигнутых успехов с Юханчиком. Годы университета не дали ему того, что он приобрел за несколько уроков и бесед с Юрием. Репутация Юрия как необыкновенного ученого и талантливого знатока Востока твердо установилась и в Европе, среди тамошних ученых. Постоянно получает запросы и приглашения от европейских ученых.

Катрин прислала образцы бумаги, которые она послала тебе, и волнуется, не получая ответа, потому она прислала и мне, и я прилагаю эти образцы, вернее, образец. Если он годится, напиши, сколько тебе нужно.

Хотела послать тебе какую-либо тибетскую вещицу, но пока что не нашли. Пока что мало тибетцев приезжают. Их ждут позднее.

Начала получать письма из Германии и Бразилии от отъехавших харбинцев. Пока что только первые впечатления, и, конечно, принимая во внимание цензуру, содержание их незначительно.

Кроме того, они еще полны старого багажа, который отяжеляет все восприятия, посмотрим, во что все выльется. Но интересно наблюдать, как разворачиваются события во всем мире и какими новыми узорами заполняется давно намеченная основа переустройства мира, основа остается Неизменной, и все совершается на пользу Лучшей Страны и Индии. Радуемся речам Дж. Н[еру]. Можно сказать, единственное светлое явление на фоне общего безумия и страстного умственного оскудения. Можно сказать, что Мир держится только Лучшей Страной и Индией.

У меня сложился новый прогноз в связи с появившимися новыми светилами.

У нас все благополучно. Наш Юханчик полон сил и желания скорее приложить свои способности на общую пользу. Рая начала понемногу поправляться, ест печенку, но с уксусом. Людмила держится молодцом. Я тоже чувствую себя сильнее, и трудные дни не так изнуряют меня. Трудные в смысле особых токов и новой ассимиляции Лучей. Монсун был очень силен, и мы очень устали от избытка влаги. Все пропахло сыростью, это запах, который я так не люблю. Сейчас наступили чудесные, свежие дни, полные солнечного света. Опять видны наши чудесные горы. Сколько в них радужного сияния! Как бы мне хотелось, чтобы ты мог их

видеть именно осенью, когда контрасты еще сильны!

Моя работа тоже движется, и скоро начну новые записи о «Мироздании», и буду собирать все касающееся моего Огненного Опыта и Космического сотрудничества, но на очереди стоит и «Новая Астрономия». Только бы прибавить немного больше выносливости моему сердцу! Ведь я готова работать и ночью! Да и лучшая работа в ночной тишине.

Что наш милый Вузлик? Скажи ей, что ее облик в тонком ментальном теле все еще стоит перед моими глазами. Не могу забыть красоту выражения ее глаз и всего лица! Я видела ее ментальный облик, но не астральную оболочку. Как ее самочувствие? Этот ее облик очень приблизил ее ко мне. Потискай ее хорошенько и поцелуй ее бархатную щечку. Родной мой, не переутомись, береги себя. Все будет прекрасно. Надо кончать. Машинка испортилась. Целую тебя, родной, истинно ношу тебя в сердце. Мысли летят к Вам, родные. В[еликий] Вл[адика] уявляет тебе *Свою любовь и заботу*. Просит *не волноваться ничем — все будет хорошо!*

Еще раз обнимаю Вас обоих. Я люблю тебя.

Мама

Е.И. Рерих — С.Н. Рериху

1 ноября 1953 г.

Родной мой Светуня и миленький наш Вузлик, получила Ваши октябрьские письма, радовались, что подарки понравились, жалела, что не могла ничего приложить к общей посылке. Очень трудно что-либо достать, имеющее какую-то видимость и интерес. Может быть, позднее, когда тибетцы снова начнут приезжать за товарами. Радовалась, что пробуете добывать масло из листьев, но хотелось бы очень, чтобы вы исследовали и масло из отпадающей коры. Листья беднее лучшим качеством масла. Лучшее качество в отпадающей коре. Осмотри несколько деревьев сам, собери отпадающую кору и исследуй ее. Получишь масло лучшего качества для косметики. Но для медицинских и научных нужд прежняя добыча масла из ягод или зерен. Сдирать кору нельзя, но собрать отваливающуюся даже *полезно*. Совет явить внимание отпадающей коре, именно сейчас время собрать ее до первого января. Яви пробу и удивишься результату такой добычи масла для косметики. Ярое масло уявится лучшим продуктом Индии. Масло это в Америке совершенно иного качества, нежели в Индии. Испробуй, родной. Лучшее ка-

чество масла — в его психической энергии. Обрадовались прочесть, что вы приедете и, может быть, немного раньше. А то мы приуныли, прочтя в твоём письме, что Вам следовало бы прожить года два безвыездно в поместье, значит, без приезда в Калимпонг. Родные, не задерживайтесь в Дели и Бомбее. Итак, мы радуемся слышать, что Вы приедете к нам. Постарайтесь выбраться пораньше.

Думаю, что эту весну я буду крепче, ибо мое «переустройство» закончилось и некоторые напряжения в центрах хотя и будут продолжаться время от времени, все же они не так мучительны, как смещения, подтягивания и отрывы нервных нитей, через которые я проходила прошлые годы. Ноги тоже продолжают улучшаться, и я уже свободно подымаюсь и спускаюсь по лестнице.

Считаю, что посадить 500 деревьев, при существующих условиях, прекрасное достижение. У нас сейчас тихо, скоро будет еще тише, греческая чета отъедет в конце ноября в Хонконг на два месяца, а может быть, и дольше. Мы виделись с ними много реже, как-то все внешние интересы выдохлись, а настоящего сближения никогда не было. Очень уж не люблю я элемент сплетен, который так упорен и отвратителен в маленьких местечках и пустых сознаниях. Морганы продолжают быть внимательными. Моя работа продолжается, собрала много новых страниц и продолжаю спешить, чтобы как можно больше сделать, ибо переезд все же не за горами. Прежде всего мое здоровье становится лучше, и давно было сказано, что перед близким переездом оно начнет укрепляться. Так оно и есть, я чувствую себя много крепче.

Родной мой Птенчик, спасибо за очередную посылку. Знаки очищения в стране нашей продолжают, и много разумных мер принимаются для поднятия производства в стране, радует и улучшение отношений между любимыми странами. Итак, все хорошо. Берегите здоровье. Приезжайте!!! Сердцем обнимаю и шлю всю мою нежность.

[Масик]

Е.И. Рерих — С.Н. Рериху и Д. Рани Рерих

24 июня 1954 г.

Родные мои, Светуся и миленький Вузлик, давно не имеем вестей от Вас, но думаем, что все благополучно. У нас тихо, и сейчас сидим в карантине, сильнейший насморк у всех. Одна Людмила держится еще.

Ползут всякие слухи, но мы спокойно относимся к ним, ибо знаем, что сейчас ничего не произойдет и наблюдаемое новое обалдение умов... тоже обойдется... Ты, вероятно, уже знаешь, что все мои болячки в ногах и теле совершенно прошли. Моя легкая поступь вернулась, и я легко уявляюсь и на подъемах, и на поворотах. Могу даже манипулировать тяжелыми предметами. Конечно, некоторая слабость еще не оставила меня, но это от сердца. Чудесный строфант поможет и в этом. Несмотря на тяжкий Монсун, вроде кандалинского, с каждым днем чувствую некоторое улучшение. Людмила заготовила чудесное персиковое варенье, оставим баночку и для тебя. Урожай персиков был очень хорош, также и прекрасных слив. С греками почти не видимся из-за карантина; у нее ведь сильная астма, и насморк ее мучителен. Конан-Дойль и спутники уехали, оставили в гостинице и больнице чеки, по которым ничего не получить. Руэги тоже счастливо отбыли.

Совет по-прежнему сотрудничать с Баба, но и с новым сотрудником, который сам подойдет скоро и будет тебе другом и сотрудником. Он уявлен среди официальных чинов М. и там очень нужен. Новый друг подойдет с большим интересом и к Учению. Пошлю тебе еще одну копию нового издания «Агни Йоги». Книга пригодится для лучшего человека. Сохрани ее со священными предметами. Конечно, встреча, как всегда, оявится неожиданной. Очень радуюсь новому Другу.

Послали тебе образцы холста, но, конечно, последний очень узок. Попрошу Валентину Леонидовну поискать пошире. Что можно, она делает и разыщет. От Катрин имею мало сведений, сейчас она очень занята новыми людьми, приезжающими служить на ферме. Пока ничего определенного о ее ближайших подвигах не знаю. Конечно, сомневаюсь, чтобы она смогла приехать в Индию в ноябре или декабре. Но не пишу ей об этом, чтобы не слишком огорчить ее из-за нового отложения.

Но, несмотря ни на что, чуется наступление новой страницы. Можно ожидать перемен и в нашей жизни. Все новое прекраснее старого изжитого. Из Харбина молодежь уезжает на родину, тяга туда велика, и не задумываются перед трудностями. Очень отрадное явление. Слухов разных много, но, как всегда, правда живет *поверх* житейских суждений, также и все сведения о религиозных преследованиях идут вразрез с постановлениями Правительства об открытии Духовных Академий и новых богословских изданиях, о возвращении монастырей и скитов и т. д.

С.Н. Рерих в Тагауни. 1960-е гг.

Новый Китай тоже высказался за пожелание лучшего отношения к духовным вопросам. Очень нужно просеивать все сведения. Доживем до положенного.

Теперь передаю тебе Совет, родной. Вл[адыка] советует тебе собрать свод избранных изречений Конфуция и издать их маленькой книжечкой на англ[ийском] яз[ыке]. Книжечка эта пригодится и в России, и в новом Китае. Яро собери небольшую, чтобы легко купить было. Не нужны тяжелые книги.

Собери самые нужные о Государственности и Строительстве. Собери не спеша и яви прекрасное определенное Введение к ней и ярко подчеркни страстную *современность идей и практичность применения их*. Сказано — «*пусть собирает не спеша, но аккуратнее, яро сравнивая многие переводы*. Ярый увявится на определенных ошибках, и чуткость его подскажет, где вкралась неточность».

Очень радуемся за нашего Вузлика, скоро станет не только деятельницей в своей стране, но может оявиться на приглашении с мужем приехать и ознакомиться с художественными постановками и Учреждениями и в нашей Стране. Так будут коваться лучшие дружественные отношения между прекрасными странами.

Все может быть, и ждем перемен. Вот и Новый Китай начинает делать жесты в сторону религии, а там и конфуцианство станет любимым Учением...

Получили письмо от 20.06. Спасибо, родной. Берегите здоровье. Лучи Урана сейчас тяжелы для нашей Земли и действуют на пищеварительные каналы. Будьте осторожны с пищей.

На днях ожидаю вестей от Катрин, ответы на мои запросы о твоих картинах... Должна кончать, ибо хочу отослать сегодня. Крепко обнимаю тебя, моего Птенчика. Все будет хорошо, и ничем *не тревожься*. В[еликий] Вл[адыка] очень просит

хранить спокойствие, истинно, *ничто не угрожает*... Тучи рассеются, и ярые ненавистники будут посрамлены. Моя машинка пищет ужасно. Милая Катрин посылает мне новую с Батн[агаром]⁹⁶. Надеюсь, что дойдет.

Поцелуй Вузлика в бархатные щечки. Мопс носится в ошейнике. На днях купим хлыст, начнется воспитание.

Всего самого прекрасного.

Берегите себя, пишите чаще.

Мама

Е.И. Рерих — С.Н. Рериху

18 октября 1954 г.

Родной, любимый мой Птенчик, шлю самые нежные, самые любовные мысли и пожелания к нашему с тобой большому дню. Истинно, большой День не только для тебя, но и для меня. Мой настоящий сын вошел снова в мою жизнь и принес свои чудесные накопления и достижения во многих областях. Синтез — великое достояние и крайне редкий дар!! Сказано тебе, родной, что ты не должен ничего опасаться и будешь успешен в своих работах. Урожай будущий будет необычно богат. Храни спокойствие, родной, ничто злое не коснется тебя. Люби свой Талисман!

Юрий огорчен, выписанная им книга для тебя еще не пришла, также и книга «Письма» уже вышла, но я не имею ее. Вероятно, раньше конца ноября не получим. Говорят, внешность не плоха. Никто не подумал прислать хотя бы один экземпляр воздушной почтой!

Приехал проф[ессор] Штейн — симпатичный, сейчас бедствует с помещением. В гостинице ему с женою жить дорого, ведь они приехали на пять месяцев работать с Юрием. Жена его простенькая индонезийка, говорит на своеобразном французском яз[ыке], понять можно одно слово из пятнадцати, положение почти безнадежное. Может объясняться немного по-китайски, но для меня это не помощь. Надеюсь, что как-то утрясется и они постепенно войдут в местную жизнь.

Приезжает скоро еще одна японка, так около Юрия скоро образуется круг учеников из иностранных профессоров и студентов, но местные не звучат, удивительно, насколько нет желания узнать что-либо полезное для них. Если нет

этого inner urge⁹⁷ к знанию, ничего построить нельзя!

Посылаем все самые благие мысли нашему Другу в его прекрасной миссии укрепления дружбы с Китаем и южновосточными странами.

Много интересных данных из иностранных источников о научных достижениях в Лучшей Стране. Сердце мое радуется, доживем до великого предреканного дня.

Что наш миленький Вузлик? Доволен ли остался своей поездкой? Очень будем ждать вас. Напиши, что нужно приготовить. Ожидают холодной зимы и весны, захватите теплые вещи. Студию думаем окрасить в почти белый цвет. Пришел Юханчик, прочел свои пожелания к знаменательному Дню. Но мне кажется, что грива еще *прекрасна* и не скоро заметно поредет. Может быть, ты перешлешь мне снимок с твоей фотографии? Мне *не* хватает его, но вложите в толстую папку. Живем мы тихо, только Юх[анчик] очень занят приходящими и приезжающими, но, конечно, это лучшая реклама и пока что пренебрегать ею не приходится.

Определенно наши друзья из Америки не приедут на этот сезон. Но это и лучше, заметна перемена в отношении к приезжающим.

О себе могу сказать, что самочувствие мое много лучше и надеюсь еще окрепнуть и даже помолодеть ко времени передвижения. Очень занята составлением нового, расширенного издания «Беспредельности». Надеюсь, что перевод будет не плох. Владыка очень торопит это издание. Ведь даже русское, как ты знаешь, не существует, оно было продано на вес бумаги при ликвидации издательства и не успело появиться в продаже.

Ну, обнимаю тебя, мой родной, всеми помыслами будем с тобою и Вузликом в наш с тобою день. Сердце мое с тобою, радость моя!

Поцелуй Вузлика в бархатные щечки. Чем больше она тебя любит, тем больше любим мы ее, и это она, конечно, понимает.

Пришла Рая звать к завтраку. Она очень занята посадкою цветов. Воспитанница сидит на приязи, и в саду без носящихся грязных собак стало много уютнее. Воспитанница еженедельно имеет баню. Собака не глупая.

Сердцем обнимаю и крепко, крепко, со всею нежностью целую моего Мальчика.

Мама

Публикация и примечания Т.О. Книжник

⁹⁶ Батнагар, индийский ученый, корреспондент Е.И. Рерих.

⁹⁷ Внутреннее устремление (англ.).

Святослав*

Получаем снимки с последних картин Святослава. Некоторые сняты в цветной фотографии и потому еще более напоминают о тех сверкающих красках, которыми насыщены его картины. Если возьмем сравнить его достижения за последние годы, то можно увидеть, как неустанно совершенствуется та же основная песнь красок. Форма и раньше была четкой и выразительной. Краски были сильны, но сейчас с каждым годом вы изумляетесь прозрачности и возвышенности этих красочных сочетаний.

Будет ли это портрет, или этюд лица, или пейзаж — во всем будет и воздушность, и убедительность, и какой-то совершенно особый, присущий ему реализм. Этот реализм, конечно, скорее может быть назван реальностью, но никак не условным реализмом, как его понимали в недавнем прошлом.

В каждой картине Святослава есть и то, что мы называем композицией. Иначе говоря, то, что выявляет индивидуальность мастера. Иногда малознающие люди думают, что портрет не есть композиция, а сочинение будет исключительно в каких-то исторических нагромождениях. Но прирожденный композитор выразит это свое качество решительно во всем. Он «увидит» портрет. Он возьмет человеческий облик так, что выявятся наилучшие выражения черт, и, как в высоких мастерских портретах, вы не подвинете изображение ни на одну линию.

Некто привел своего сына к Ван Дейку и, прося принять его в мастерскую, уверял, что сын его уже умеет писать фон портрета. Великий мастер справедливо заметил: «Если Ваш сын умеет писать фон портрета, то ему у меня уже нечему учиться». В этой истории подчеркнуто, насколько каждая часть картины является ее нераздельным существенным выражением.

В картинах Святослава замечаем именно гармоническую напряженность всех частей картины. Великое качество произведений, если в него не вкралось безразличие. Так же, как в самой жизни лишь мертвый глаз может предположить безразличие хотя в малейшей подробности, так же точ-

но в искусстве, в творчестве мастера будет жить решительно все. В этой взаимной вибрации заключена мощь великих произведений искусства.

Брюллов говорил: «Искусство весьма просто. Следует лишь взять определенное количество краски и положить на нужное место». В шутке большого художника заключалось необычайно меткое определение. Именно только нужен определенный состав краски, и следует наложить его на определенное место полотна. Вот и все. И действительно, большой мастер не сумеет словами рассказать, почему именно ему нужен этот, а не другой состав краски, и почему он вливает эту комбинацию тонов в соседнюю гармонию.

Мастер творит. В творчестве всякий земной язык оказывается неприложимым и невыразительным. Но зато движения мастера непреложны. Он должен сделать так, а не иначе. Сама преемственность основ творчества в малом сознании будет подражательностью, но в истинном мастерстве она остается благородною преемственностью.

Так же, как неотменна Иерархия, так же неотменна и преемственность лучших начал бытия.

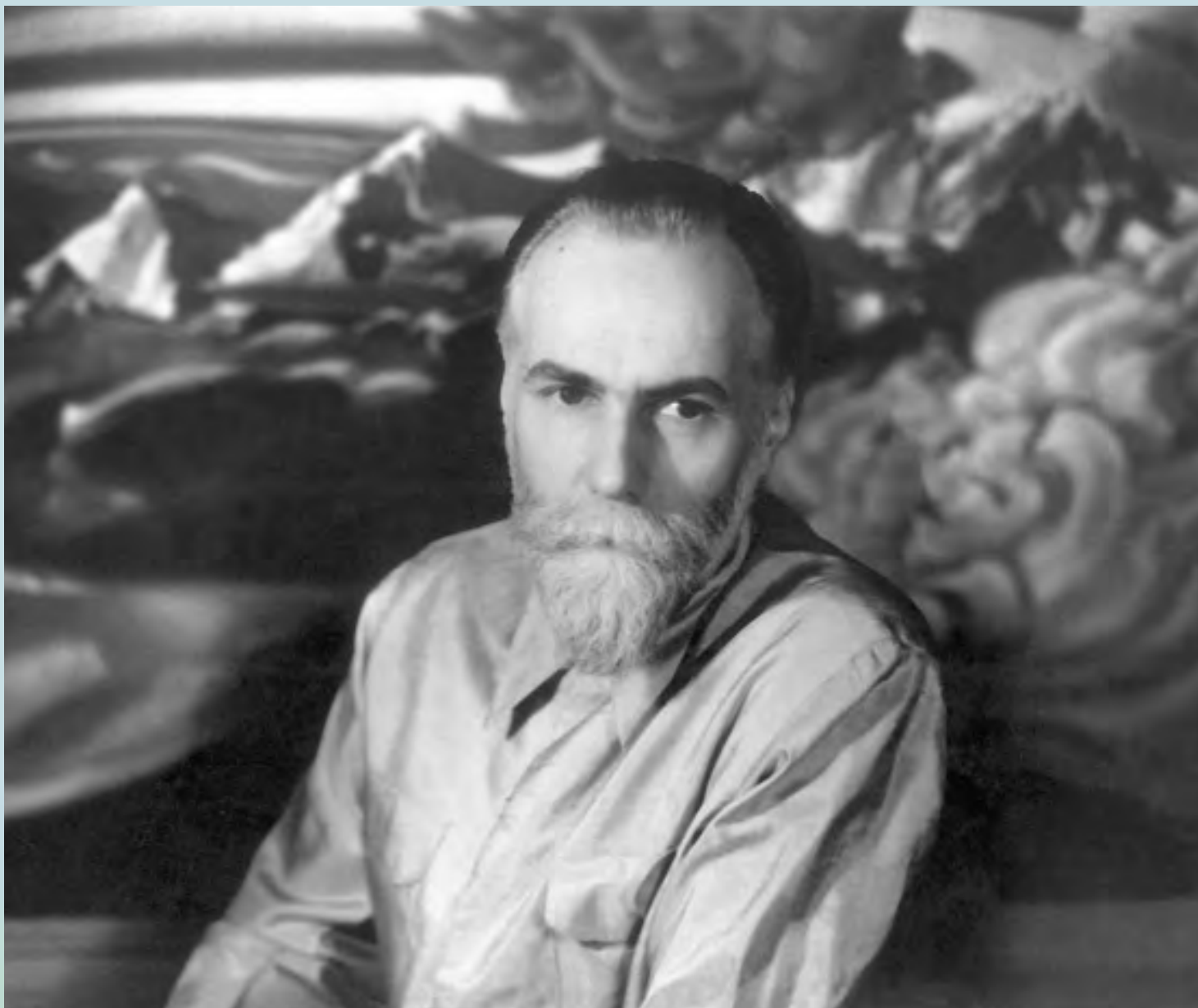
«У чистых все чисто», — говорит Апостол Павел. Этот завет особенно приложим в искусстве, которое является синтезом в жизни. Но к этому созвучию нужно дойти. Нужно воспринять его из тайников прошлого и, утвердившись на нем, творить светлое будущее.

Когда мы видим прекрасное произведение, оно вызывает в нас все лучшее. Под сводами великолепного собора отменяются ссоры, и в звуках мощной симфонии неуместны сквернословия. Но чтобы отдельная картина доставляла такое же синтетическое преображение, она должна быть глубоко гармонична, именно напряжена в этой глубокой симфонии всех своих частей. Или эти качества выльются в произведении, и оно сделается радостью носящим, или чудотворность не войдет в расположение красок и линий, и это будет формальное заполнение холста.

Вот почему мне так радостно мысленно рассматривать помянутые картины — в них именно выкованы симфония и гармония. Все безразлич-

* Печатается по: Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. Т. 1. М., 1995.

С.Н. Рерих у своей картины «Канченджанга». 1950-е гг.

ное, рутинное не посмело войти в это огненное творчество. Именно не посмело. Ведь пошлость может вползти в каждую щель, если по какой-либо неосмотрительности будет допущена трещина.

Скучно вспоминать какие-нибудь формальные картины. Ни условный сюжет, ни их мысленное назначение не покроют их формализм. Но как радостно видеть прекрасные цветы молодые, когда они будут рассыпаны щедрою рукою творца. Никогда вам не наскучит любоваться самоцветами. Так же и в великих произведениях искусства эта самоцветность и самобытность вносят еще одно светлое творение в многообразие бытия.

Как бережливо нужно относиться ко всему, что приносит радость и свет! Кто же разобьет

светильник, чтобы погрузить жилище во мрак. А ведь каждое высокое творческое произведение есть именно такой богоданный светильник. В радости любования таким творением мы еще раз любим все Высшее, мы еще раз складываем прекрасную молитву духа.

Прекрасно, если можно любоваться звучными творениями. Прекрасно, если дан в жизни этот высокий дар, которым все темное, все бедственное превращается в радость духа. И как радостно мы должны приветствовать тех, которые волею судеб могут вносить в жизнь прекрасное.

22 мая 1935 г.

Цаган Куре

«Как часто случалось, что художники уходили из жизни, не оставив нам каких-либо записей о своей собственной философии искусства, своих теориях, своей технике и открытиях. Как часто годы спустя люди тщетно пытались восстановить эти драгоценные, разбросанные по разным источникам крохи сведений и заблуждались из-за недостатка материала», — справедливо замечает Святослав Николаевич Рерих в своей книге «Искусство и Жизнь». Тем не менее история искусства знает немало примеров подобных записей, запечатлевших взгляды самых разных художников. И в этой сокровищнице духа записи, составившие книгу «Искусство и Жизнь», — явление уникальное по глубине подхода, по глубине видения основных проблем как искусства, так и самой жизни.

В книге, написанной на английском языке в 1951—1953 гг., С.Н. Рерих предстает не только как великий художник-пророк, «настроенный на звучание эволюционных течений и сил», но и как глубокий философ, чей вклад в развитие учения о прекрасном трудно переоценить. Вне всяких сомнений, «Искусство и Жизнь» С.Н. Рериха составляет целую эпоху в истории эстетической мысли.

К 100-летию со дня рождения художника публикаторским отделом МЦР подготовлены параллельные издания книги на английском и русском языках. В этом номере журнала мы предлагаем вниманию читателей фрагменты этого выдающегося произведения.

Святослав Рерих

Искусство и Жизнь*

Стремление к прекрасному — это стремление к совершенству. Красота есть наивысшее выражение стремления Природы к совершенству в мириадах ее форм и сочетаний. Поиски прекрасного в жизни будут вести нас ко все более глубокому ее пониманию. Каждое сочетание условий имеет свою высшую точку, предельное соотношение, — эту законченную, наиболее жизненную, самую целесообразную и совершенную гармонию всех составляющих ее граней в том или ином пространстве и времени. Течение эволюции постоянно выявляет новые типы красоты. Часто художник, поэт может предугадывать конечные цели действующих природных сил и давать нам свои пророческие видения, тем самым становясь нашим проводником на царственном пути к более совершенным комбинациям. Где найти это приближение к красоте, как осознать элемент красоты в нашей жизни? Все великое искусство, великая мысль — это поклонение красоте во всех ее многообразных проявлениях, и, изучая работы великих людей и следуя их наставлениям, мы вступаем в священную мастерскую и храм Природы, которая вечно совершенствует свои творения и ищет новые комбинации и новые выражения.

Леонардо да Винчи и Микеланджело — их имена осиянны совершенно особой славой грандиозного завершения, кульминации целой череды выдающихся художников и великой эпохи. Как вдохновляюще действует мысль о человеческих достижениях, и в этом отношении нам не найти более поразительно-

* Перевод с английского Т.В. Кожевниковой, И.И. Нейч.

Леонардо да Винчи. Мадонна Литта. 1490

го примера. Эти два человека оставили после себя небывалый след достижения. Суровое величие Микеланджело, этого высочайшего Мастера Формы, столкновение вздымающихся форм и линий, материя, выявляющаяся изнутри в процессе борьбы, находящей свое разрешение в потрясающих гармониях проявленных масс человеческих тел. Символы глубокого видения первоначальной эволюционной борьбы воплощенного человечества. Этот мастер формы, великолепный проектировщик и архитектор является, так сказать, земным полюсом божественного гения Леонардо, чье величие как человека, пожалуй, еще значительнее его достижений в искусстве. Удивительное проникновение его духовного взора в причины внешних явлений, влечение к познанию внутреннего смысла вещей и умение подмечать в природе факты — все это делает его великим провидцем, провидцем, который находился в прямом и полном согласии и связи с самой душой природы. Его поиски прекрас-

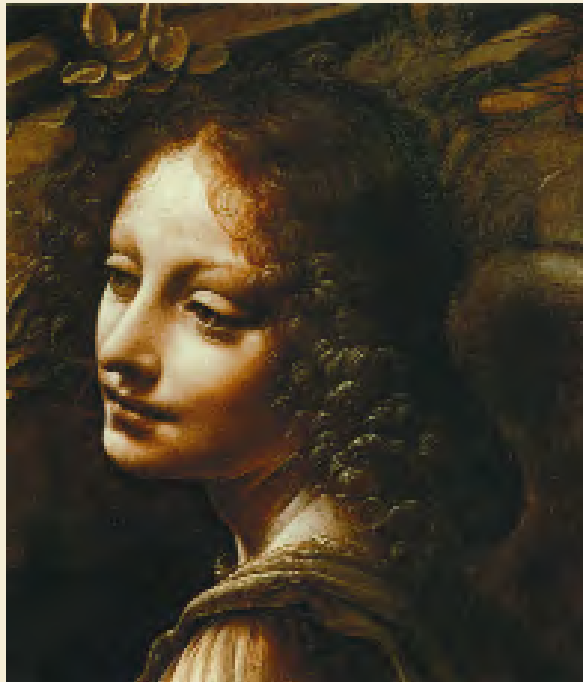
ного, столь изумительно кристаллизованные в его «Тайной Вечере», «Моне Лизе», «Мадонне в скалах», «Мадонне и Св. Анне», обнаруживают в нем подлинного мастера — подражателя природе. Монументальная и в то же время лирическая трактовка является трактовкой философа, который всецело осознает истинный смысл изображаемого. Каждая линия, каждая деталь дышит гармонией совершенного воплощения и удивительного благородства великого духа самого Леонардо. И, созерцая работы этих двух великих людей — мастера-творца внешней человеческой формы и ее выразительности и мастера возвышенной внутренней красоты и воплощения иных ее форм, мы осознаем, до каких высот может подняться человек и как поистине чудесны силы, заключенные в нем, если только он посвятит жизнь своему идеалу.

Леонардо да Винчи. Дамы с горностаем. 1483—1486

Т аинственная светотень Леонардо да Винчи была одним из его великих вкладов в наше знание о том, как приблизиться к качеству неуловимости жизни. Этот новый подход, нечто вроде искусства намеков, искусства недосказанности, в основе своей имел глубокое знание ограничений изображения жизни на двухмерной плоскости. Вовлекая в игру воображение зрителя, он предлагает ему самому стать творцом. Реагируя на недосказанность, оживают собственные внутренние импульсы зрителя и благодаря магии живописи соприкасаются с другим миром. Жизнь, с ее вечно меняющимися настроениями и отношением к происходящему, нельзя заключить в двухмерную форму, не потеряв при этом самое ценное ее качество — способность к изменению — движение. Чем более тщательно выписаны детали, тем более безжизненными они становятся, чем четче линия, тем меньше в ней движения. И это качество статичности, всегда возникающее в том случае, когда детали тщательно проработаны, было серьезной проблемой, с которой приходилось сталкиваться каждому великому художнику и которая требовала своего разрешения, иначе картина не удавалась. Такой великий человек, каким был Леонардо да Винчи, должен был дать нам новый ключ к тайнам жизни, точно так же как он смог разрешить множество проблем в других областях мышления, естествознания или инженерном искусстве. В чем заключается это неуловимое, преследующее нас очарование Моны Лизы? Не в том ли присущем картине элементе жизни, которым она проникнута? Какая-то особенная улыбка и размытый, подернутый дымкой фон, уводящий ваш взгляд вдаль удивительным, ненавязчивым образом, постоянно присутствующий — и все же всего лишь аккомпанемент, мягкий и ускользающий, как улыбка самой Моны Лизы.

Леонардо да Винчи. Мадонна в скалах. Фрагмент. 1483—1485

У мение запечатлеть жизнь — одно из величайших достижений искусства. Как и всякое движение, оно подобно музыке, — это насущное, всепроникающее, неуловимое качество, быстрое и все же повсюду разлитое. Это качество можно передать только посредством синтеза всех составляющих. Цвет обладает огромной потенциальной способностью внушать ощущение жизни. Линия, которая, не будучи статичной, намечает неопределенные очертания, глубина трехмерности изображения, столь важная для того, чтобы привлечь наше внимание и заставить его погрузиться в картину. Все это и многие другие важные факторы в совокупности помогают создать иллюзию жизни. Сдержанная характеристика — недосказанность — наиболее важна. Мы знаем, что законченный, непрерывный контур статичен и, хотя он очень декоративен и существен для определенных видов живописи, не может способствовать созданию иллюзии жизни вследствие этого самого свойственного ему качества законченности. Также важна для создания иллюзии и живописная поверхность. Человеческий взгляд очень чувствителен к поверхности и способен мгновенно реагировать на ее качество. Однако поверхность можно сделать настолько богатой, настолько сложной, что она сама превратится, так сказать, в проводник жизни. Техника Рембрандта является прекрасной иллюстрацией сложности

Рембрандт. Автопортрет. 1660

разработки поверхности. Яркие цвета благодаря своей звучности и воздействию на нас обладают способностью сообщать поверхности жизнь самой интенсивностью своей яркости, своих вибраций. Существуют цвета, которые действительно кажутся жаркими. Рисунок, каким бы замечательным он ни был, никогда не будет обладать тем качеством жизни, которое он станет передавать, если к нему добавить цвет. Делакруа писал о таинственном воздействии цвета, а теперь цвет используют в терапии.

Микеланджело заметил: «Тот, кто следует по стопам другого, никогда не опередит его». Как справедливы эти слова. Как справедливы они в наши дни, когда подражание выдается за оригинал. Прошнее, каким бы великим оно ни было, нельзя вернуть, и то, что было выражением, правдой давно прошедших веков, не может быть правдивым сегодня, потому что это не наше выражение, оно не может изображать или отражать нашу жизнь. Подлинное искусство, великое искусство — это сама правда. Принимать вид чего-то такого, чем мы не являемся, — это все равно что пользоваться языком давно ушедших дней. Древний язык,

каким бы великим он ни был, останется мертвым языком, классическим средством выражения, и его нельзя искусственным путем воскресить. Искусство является синтезом самовыражения нации в определенный исторический период. И как нельзя воскресить исторический период, так обстоит дело и с искусством. Мы можем только использовать уроки прошлого, а также те достижения, которые позволят нам сократить путь к еще более великим открытиям и находениям средств самовыражения. Если бы только в наши дни были открыты какие-нибудь новые красочные пигменты или материалы, то, возможно, в результате возник бы совершенно новый способ выражения. Материалы, которые мы используем в живописи, далеко не совершенны. Если бы мы только смогли сочетать точность масляной живописи с яркостью темперных красок или, вернее, ненасыщенных пигментов, мы открыли бы в живописи новый мир. Цвета, передаваемые темперой, или так называемыми ненасыщенными красочными пигментами, не удовлетворительны, потому что они не точны. Изменение тона по высыхании, так же как и изменчивость фактуры, помимо прочих недостатков делают темперу весьма и весьма трудным материалом для живописи. Величайшим ее преимуществом является красота тонов. Во-первых, цвета в темпере имеют гораздо более светлый тон, а во-вторых, темперные краски представляют собой чистые пигменты с минимумом связующего вещества, который имеет свойство вклиниваться между частицами пигмента и глазом зрителя. Чистые пигменты обладают особым, животворным качеством, точно испускаемые ими вибрации привлекают некую жизнь и излучают ее на зрителя. Пастель могла бы быть весьма пригодным, прекрасным материалом, но трудность фиксации цвета и изменение его оттенков после применения фиксатива не позволяют ей стать идеальным средством. При использовании масляных красок серьезными помехами являются две особенности. Первое — глянцевая поверхность, из-за чего бывает очень трудно разместить картину по отношению к источнику света, и второе — качество тонов, темный характер красок. Пейзажи, выполненные темперой, могут достигать редкой степени реалистичности и легкости. Тот же самый пейзаж, написанный маслом, будет выглядеть темным и мрачным.

Художник должен стать мастером используемых им инструментов — чем совершеннее его мастерство, тем шире те сферы, которые открываются ему. Старые мастера, начиная свое обучение в качестве подмастерьев больших художников в весьма раннем возрасте, овладевали основами ремесла и, так сказать, росли с ними как с частью своей конституции, своего целостного «я». Навык координации между мозгом, глазом и рукой заключается в довольно трудном мгновенном преобразовании видимого образа в тот образ, который должен быть воспроизведен, оформлен в воображении, а затем спроецирован на поверхность движением руки. Преобразован нашим внутренним «я» в образ, который помимо внешнего зрительного впечатления несет в себе все характерные черты, наше отношение, наблюдения, всю совокупность идей, вызванных в нас этим образом. Первое впечатление, синтез нашей первой реакции, представляет собой общую сумму всех наших ощущений и мыслей, и это и есть самое важное впечатление, которое мы должны стремиться не утратить впоследствии, когда детали то и дело заставляют позабыть свои первые реакции. Таким образом, впечатление художника — это не просто внешняя форма, но множество факторов, чувств-

Рембрандт. Саския в виде Флоры. 1634

Веласкес. Автопортрет. 1643

вований и идей, пробужденных в его сознании при созерцании предмета. Дисциплина ума, способность к концентрации, необходимые художнику, приходят только благодаря упорной работе и постоянной практике. Поистине трудно достигнуть чего-либо без умения сосредоточиваться. Мы должны помнить, что художник должен быть чем-то бесконечно большим, чем просто человеком, воспроизводящим внешнюю природу. Что гораздо проще и с экономией времени можно сделать при помощи фотоаппарата. Истинный художник — это интерпретатор, творец — внешние формы для него всего лишь элементы, которые он сплетает в целостные образы, согласно своему внутреннему видению и эмоциональным реакциям.

Привносить красоту в нашу жизнь, раскрывать элемент красоты в том виде, в каком он существует или проявляется в нашей эпохе, — вот основные проблемы, с которыми сталкиваются все истинные художники, и так было во все века. Раскрытие, отражение жизни вне сферы красоты — это очень ограниченный подход. Ведь именно пророческое видение, проекция духа художника становится для человечества тем ориентиром, который стоит на страже его эволюции определенного периода. Художник видит и выявляет для нас те великие прототипы красоты, которые оформились в мире субъективного, в мире идей. Красота, как и любая гармония, оказывает удивительное влияние на нас и на подрастающее поколение. Дети, которые воспитываются в

окружении прекрасного, всегда стремятся к идеалу красоты. Прекрасное окружение порождает красивые, гармоничные мысли. Да просто невозможно перечислить все бесчисленные способы воздействия красоты на нашу жизнь. Незаметно входит она в наши сердца и воспламеняет новые, неведомые прежде огни. Она постоянно пребывает в нас, формируя наши мысли и поведение. Поиски красоты — это поиски эволюционных течений и сил. Утверждая себя в гармонии с этими течениями, человек становится действенной, позитивной силой в жизни.

Платон сказал: «Созерцанием прекрасного мы возвышаем себя», а Достоевский говорил: «Красота спасет мир». Предмет красоты нужно уметь ценить и видеть как таковой. Иными словами, отклик на красоту исходит изнутри нас самих. Мы реагируем на то, что нам созвучно, а если этого нет внутри нас, то и не можем реагировать. Способность видеть красоту нужно воспитывать, мы должны напитывать себя высшими вибрациями, и тогда постепенно мы пробудимся к восприятию новых понятий, новых идей. Стремление к красоте должно присутствовать во всех сферах жизни, во всех ее проявлениях, как объективных, так и субъективных. Ведь именно в возвышенном состоянии, состоянии сгармонизированного «я», нас влечет ко всем проявлениям более совершенного характера. Оно отвечает своими вибрациями на все эволюционирующие комбинации, более совершенные, более гармоничные, более прекрасные.

Существуют определенные принципы красоты, определенные элементы, которые большинство людей называют красивыми. Необыкновенное, прекрасное лицо может не относиться к предпочитаемому многими типу, и все же большинство признает красивые черты. Так же, как с духами, — хотя люди и могут отдавать свое предпочтение каким-то определенным духам, тем не менее большинство из них согласится относительно принципиального отличия духов от дурного запаха.

Духи символизируют жизнь, те животворящие силы, что разворачиваются, проявляются, влекут к себе, ведут к зарождению нового. Тогда как дурные запахи являются самой антитезой жизни. Символами распада и разложения тканей и элементов. В красоте мы узнаем проявляющий себя принцип жизни, все тот же влекущий созидательный принцип, творящий новые комбинации и формы. Красота жизненна.

Жизнь несет в себе цвет, тогда как распад разрушает и разлагает яркие, красочные ценности жизни. Таким образом, жизнь обладает своими собственными способами выражения, и все признают их как таковые. Природа вечно стремится приумножить и усовершенствовать свой труд. Наибольшую меру равновесия и совершенства мы называем красотой.

Художник должен постоянно учиться и напитывать себя новыми впечатлениями, обогащая свой запас знаний, расширяя свои горизонты и добиваясь еще большего мастерства в своем деле. Прогресс художника как такового прямо пропорционален его общему развитию. Кто станет отрицать, что человек, который берет на себя смелость изображать и трактовать природу, должен стараться как можно ближе подойти к пониманию скрытых свойств, качеств и достоинств окружающей его жизни. Художник должен составлять единое целое с Природой, уметь понимать ее язык, слышать биение ее сердца. Внешние формы имеют лишь относительное значение. Существует множество других факторов, которые пытается трактовать художник. Если только мы проследим прогресс и развитие хотя бы таких художников, как Тициан, Рембрандт, Франс Хальс, Веласкес, мы без особого труда заметим, что с годами изучения и практики они все больше и больше интересовались внутренней жизнью, внутренним содержанием, и роскошная, детальная проработка и передача внешних поверхностей изменялась в сторону гораздо более обобщенного, суммированного подхода, синтеза, при котором внутренний мир человека, внутренняя его сущность и субъективные реалии играли все более важную роль. Они вводили нас в таинство своего собственного подхода и понимания, и наше воображение возбуждалось ровно настолько, сколько требовалось для самостоятельного формирования своего собственного видения и заключения. Сарджент как-то сказал: «Самое великое искусство — это искусство несказанности». Иными словами, нужно уметь отказаться от всех излишних и несущественных деталей, которые только отвлекают внимание от подлинно центральной темы. Ограничения двухмерной иллюзии весьма реальны и довольно многочисленны. Потому для любого художника крайне важны постоянная практика и изучение, постоянные размышления, особенно по ассоциации с великими мастерами. Великий учитель снабжает нас множеством практических способов сокращения пути к решению проблем, на что нам, возможно, потребовались бы годы, будь мы предоставлены самим себе. Эти ассоциации также позволяют нам выбраться из той заезженной колеи, в которую часто заводят привычка и овладение техникой. Именно подсознательное следование привычке приводит к тому, что внешние средства начинают преобладать над внутренним видением и нередко заслоняют его совсем.

Только путем постоянной согласованности между учебой и развитием своего внутреннего мира может художник действительно продвигаться вперед по великому пути интерпретатора жизни, творца природы и открывателя новых комбинаций и новых понятий о красоте.

Тициан. Автопортрет. 1560-е гг.

Мы должны упражнять свое воображение и творческие способности, чтобы уметь как можно совершеннее и полнее проецировать мысленную картину того произведения искусства, которое хотим написать. Если мы будем способны сосредоточиваться настолько, чтобы удерживать образ перед нашим внутренним взором и работать над ним в своем воображении, то мы сможем оттачивать его до такой степени, что его окончательный эскиз окажется делом сравнительно легким. В самом деле, умение успешно создавать мысленную проекцию может развиваться до такой степени, что станет возможным осуществлять в уме весь творческий процесс, изо дня в день совершенствовать все детали и доводить произведение до законченного варианта. Характер этого творческого процесса таков, что, однажды получив импульс, наше подсознание будет продолжать работать само по себе и предлагать различные детали и перекомпоновку. Сложная работа законов памяти и ассоциативных связей будет часто создавать абсолютно новые комбинации. Это субъективное поле видения, мысленный экран, можно развить до удивительнейшей степени. Творческий процесс, подобно процессу созревания плода, лепит форму и вынашивает замысел, он наводит на мысль или исключает ее и всегда находится под нашим контролем. И чем богаче наш запас впечатлений, тем богаче процесс нашего творческого мышления. Но, как и во всем, необходима постоянная практика, и изучение, и впитывание новых впечатлений и идей.

Существует множество все еще не открытых возможностей воздействия, заключенных в ритме, линии и цвете. Чисто технический аспект живописи далеко не исчерпывается теми материалами, которые нам хорошо знакомы. Открытие новых подходов, новой техники — это наследие великого мастера, первооткрывателя. Нынешнее состояние нашего мира, когда все условия жизни постоянно меняются, а умы людей пребывают в смятении, когда равновесие утрачено, а ненадежность и неустойчивость стали символом времени, не может способствовать великим проявлениям или возрождению в искусстве, так же как и гуманитарным наукам. Их подъем снова наступит, но позднее, когда мир захлестнет сплошная волна переустройства и начнется новая, великая эра. Когда выявятся духовные ценности жизни, которыми мы снова будем руководствоваться в наших действиях и мыслях. И этот период наступит с такою же неизбежностью, с какой день должен следовать за ночью, но когда это время придет — все еще остается под вопросом. Внутренний, духовный мир является источником беспредельного вдохновения и безграничной красоты и радости.

Искусство суммировать впечатление — это осуществление синтеза. Синтез — это всесторонний охват проблемы или предмета, сведенный к его основной сути, но с учетом всех существенных факторов. Дать этот великий синтез в живописи и будет раскрытием подлинной цели искусства. Чем выше культурный уровень художника, тем полнее его понимание предмета и тем глубже его внутреннее видение. Мы должны стремиться обогащать наш язык средств выражения и расширять как можно больше наши горизонты и кругозор. Наша внутренняя интуиция нуждается в конкретных символах, чтобы иметь возможность выразить себя. Она нуждается в богатом хранилище слов и данных для того, чтобы соткать ту осязаемую оболочку, в которой субъективное выступит как объективное, предметное. Когда мы смотрим на пейзаж или какую-либо сцену, то видимое нами пробуждает в нас такое множество состояний и ассоциаций, мыслей и эмоций, что для того, чтобы разобраться в наших ощущениях, мы должны правильно проанализировать впечатления, полученные от всех многочисленных компонентов воздействия этой сцены. Преобладающие мысли или эмоции придадут особую окраску всей сцене. Простая внешняя, физическая оболочка будет иметь всего лишь второстепенное значение. Однако умение от-

Диего Веласкес. Водяной из Севильи. 1619—1622

бросить в сторону все важные детали и сосредоточиться только на самых необходимых является одной из труднейших проблем, которую нужно решить, одним из величайших уроков, который нужно выучить. Как говорил Сарджент: «Самое великое искусство — это искусство недосказанности». Чем более велик художник, тем более развита его способность мысленного проникновения в изображаемый предмет.

Нужно постоянно упражнять в себе умение наблюдать. Следует постоянно учиться и изучать работы других художников. Произведения искусства всех народов и всех времен должны служить нашей путеводной звездой и нашим вдохновением. Чем больше впечатлений содержится в нашем уме и зрительной

памяти, тем легче нам понять и выразить предмет. Точно так же, как богатый словарный запас помогает нам писать. Миссия художника заключается в том, чтобы нести в нашу жизнь красоту, раскрывать ее для других, привлекать к ней наше внимание и показывать нечто большее, чем наша повседневность, — жизнь завтрашнюю, жизнь более великого мира, раскрытие следующей стадии эволюции нашей жизни. Таким образом, художник должен быть также и пророком, настроенным на звучание извечных сил, способным вчитываться в эволюционные течения. Так где же тогда лежат границы поля деятельности художника? Нигде. Не может быть пределов у сферы проникновения художника, так же как не может быть предела проникновению философа в таинства жизни и сил Вселенной.

Многие философы полагали, что музыка является одним из самых мощных видов благотворного влияния. Считалось, что музыка, в качестве неотъемлемой части нашего образования, формирует характер и прививает нам любовь к гармонии и красоте. Вне всяких сомнений, музыка оказывает глубокое воздействие на нашу жизнь и, подобно другим видам искусства, отражает тенденции различных социальных, политических, интеллектуальных, а также духовных направлений. Ритм и гармония — это все равно что пища для наших эмоций и внутреннего «я». Но для того чтобы усвоить их, мы должны иметь эти гармонии в глубине нашего существа. В один прекрасный день мы снова встретимся среди руин нашей внешней механической жизни, и помолчим, и подумаем. В чем заключается счастье, в чем заключается истинное достижение и прогресс? Не только в мастерстве других или в мастерстве одной лишь внешней природы, но в мастерстве нашего собственного «я», в формировании нашего собственного характера и в выстраивании нашей высшей жизни. Все та же вечная истина звучит у нас в ушах, столь же справедливая, как и в те времена, когда она была провозглашена дельфийским оракулом: «Человек, познай самого себя, в тебе сокрыто сокровище сокровищ».

Именно потому, что методы живописи и теперь точно такие же, какими они были столетия назад, с едва заметными изменениями, это искусство остается прежде всего личным опытом, который нельзя существенно изменить путем развития наших физических и технических навыков. Мы так же рисуем углем и мелком, как это делали и великие мастера прошлого, и пользуемся для наложения краски кистями того же типа. Но является ли наша оснащенность с точки зрения обучения технике равной обучению старых мастеров? Начинаем ли мы в качестве подмастерьев известных художников с самых ранних лет нашей жизни? Подражаем ли, упражняясь в ремесле, когда тело созревает и формируется в процессе обучения, когда ум, глаз и рука развивают изумительную координацию и способность сосредоточиваться? Техника может и не являться основным мерилем великого искусства, но это его наиважнейшее средство выражения. Однако нельзя не согласиться, что гораздо важнее иметь великие мысли, пусть даже неуклюже выраженные, чем уметь довольно искусно прикрывать отсутствие всяких мыслей. Но мы также должны согласиться с тем, что, безусловно, весьма желательно иметь великие мысли, прекрасно при этом выраженные, и это и будет истинным мерилем великого произведения искусства. Наша современная жизнь, с ее развлечениями и искусственным досугом, имеет свойство притуплять восприятия внутреннего «я» и сводить все к заманчивому уровню хорошо заполненного, однако непродуктивно растратченного драгоценного времени. Немногие из нас осознают, что с годами становится все труднее и труднее настраиваться на новые занятия и развивать свои способности. И именно по этой причине в прошлом специальное обучение искусствам начиналось в самом раннем возрасте, чтобы наши физические способности развивались и формировались в процессе учебы и практических занятий.

Микеланджело. Сотворение Адама. 1510. Сикстинская капелла, Ватикан

Чтобы уловить суть сцены, ее характер, ее внутренний смысл, равно как и внешние ее атрибуты, требуется гений великого художника. Разложить на элементы существующее явление и суммировать все составляющие его части — такое можно сделать только на уровне интуиции. Это подобно настройке на общую сумму субъективных и объективных составляющих целого и приближению к этому целому с целью передачи определенного впечатления. Чем больше художник, тем мощнее его способность к синтезу. Его нельзя достигнуть сразу, это результат глубокого изучения и анализа. Любители редко могут понять в полной мере значение этого синтеза. Средний человек ищет внешние знакомые черты и редко, если вообще когда-нибудь, доходит до области причин, до субъективного. Такие тайны, как тайны цвета или числа, несущие в себе самые тонкие, но мощные воздействия, являются сферой исследования художников-философов. Это те силы, которые делают картину живой.

Влияние, которое великие художники могут оказать на последующие поколения, в известном смысле можно сравнить с влиянием великих духовных вождей и реформаторов. Таинственное влияние красоты на формирование человеческого характера признавалось только самыми передовыми умами нашей эпохи, точно так же было и в прошлом.

Всем известно, что ребенок, воспитывавшийся в окружении красивых вещей, в красивой обстановке, навсегда сохранит в себе живую память о своих ранних впечатлениях и часто неосознанно будет стремиться к прекрасному. Медленный процесс нашего умственного развития не допускает внезапного и полного перерождения человека. Образование должно быть постепенным, причем следует помнить, что зрительные впечатления относятся к самым непосредственным и неизменным способам воздействия на наш умственный кругозор и память.

Тициан. Вознесение Марии (фрагмент). 1516—1518

Зрительную память можно развить до более высокого уровня, и гораздо легче донести урок при помощи визуальных средств. Много лет тому назад я написал: «Трудно решиться на преступление под высокими сводами собора, тогда как сделать это в безобразном притоне ничего не стоит». Красота, подобно свету, рассеивает безобразные мысли; волны гармонии, которые она в нас пробуждает, даже если мы этого не осознаем, оказывают успокаивающее и положительное воздействие. Красота возрождает нашу душу; человек, стремящийся к высшей жизни, стремится к гармонии, к прекрасному. А художник, который воплощает для нас красоту, — возносит молитву высшим эволюционным течениям, или сферам.

Величайшая услуга, которую художник может оказать людям, — это дать им что-то такое, что будет вдохновлять их многие годы. Подобно великой истине, образы, вызванные к жизни художником, живут и наполняют нашу жизнь своим влиянием; красивый образ создает круг впечатлений, которые возвышают наше внутреннее «я». Платон говорил: «Созерцанием красоты мы возвышаем себя». Как это справедливо, если мыслить понятиями ассоциаций и вибраций. Что есть перерождение нашего ума и сердца? Что вызывает эти столь внезапные и столь невероятно мощные изменения? Какая совокупность вибраций приводит в движение скрытые потоки энергии и изменяет ход наших мыслей и поведение? Слово, прикосновение или что-то, нами увиденное. Мы таковы, каковы наши мысли, — не те случайные мысли, что порождены внешними впечатлениями и преходящи, как зыбь на поверхности воды, но те принадлежащие нам мысли, которые исходят из нашего внутреннего «я» и которые можно назвать направляющими. Любое великое произведение искусства, великая мысль, все то, что выходит за пределы жизни сиюминутной, что возвышается над уровнем повседневности, способно дать направление нашим мыслям и продвигать нас по эволюционному пути, иными словами, заставлять прогрессировать. И в этом отношении роль красоты трудно переоценить. Красота во всех ее проявлениях, как символ воплощенной гармонии, вливает в нас эти вибрации, побуждающие откликаться на высшие вибрации, на более возвышенные комбинации. Что погрузило Рамакришну в самадхи, когда он был мальчиком? Полет гусей в синеве неба. Какие чудесные состояния экстаза и вдохновения рождали пышные, красочные процессии и ритуалы, когда человек мог подняться к новым высотам и приобщиться к новому, дивному миру.

Итак, давайте все стремиться к прекрасному, но не к чему-то абстрактному, находящемуся вне нас, а к чему-то такому, что является частью нас самих, стараясь привнести красоту во все аспекты нашей каждодневной жизни. Давайте выполнять любую маленькую задачу более совершенно — иными словами, выполнять ее все лучше за все меньшее время и со все большим вниманием. Давайте следить за своей речью, так чтобы мы могли пользоваться красивым языком и правильно выразиться. Давайте будем стараться одеваться подобающим образом, точно мы должны встретиться с кем-то для нас очень важным. Давайте проявлять наибольший интерес к собственному поведению, к нашим встречам с другими людьми. Не говорите: «А какой в этом толк? Как могут помочь нам подобные вещи?» Но они помогают. Точно так же и наши дома, комнаты, в которых мы живем, мы должны стараться содержать в исключительной чистоте, так как это поможет нашим мыслям. Нет более увлекательной игры, чем та, когда мы стараемся быть лучше и совершенствуем все многообразные аспекты нашей жизни. Почти что сразу мы заметим разницу. И то чувство, что мы являемся хозяевами своей жизни, подарит нам бесконечную радость. Мы познаем ту новую легкость, которая рождается из чувства достижения. Весьма достоверного чувства, так как совершенствование самого себя является поистине величайшим достижением. Красота будет нашим лучшим проводником и другом, великим факелом вдохновения — так давайте же искать в жизни красоту.

П.Ф. Беликов

С.Н. Рерих. Жизнь и творчество

Страницы книги*

В январе 1946 года в Дели состоялась совместная выставка произведений Николая Рериха и Святослава Рериха. Выставка привлекла много посетителей и широко была отмечена прессой, хотя время и события мало благоприятствовали проведению каких-либо мероприятий в области искусства вообще. Обстановка в стране накалилась уже до предела, и борьба за независимость Индии приняла характер всеобщего народного возмущения. Только что прошли волнения в индийской армии среди военных летчиков и моряков. Усиливалось забастовочное движение, причем стачки носили не только экономический, но и политический характер. Митинги и демонстрации, подавляемые воинскими частями и полицией, проходили под боевым лозунгом: «Англичане, прочь из Индии!» Антианглийские волнения вспыхивали в Дели, Калькутте, Бомбее, Мируте, Пешаваре и других индийских городах, откуда они перекидывались на сельские местности, захватывая обширные территории. Народы Индии требовали свободы и коренных реформ.

Вторая мировая война уже отгремела, руководители государств, которые ее развязали,

подвергли решительному осуждению за бесчеловечность. Однако для Индии и многих других поработанных стран битва за обретение самостоятельности только начиналась. Миротлюбивые народы Индии, много лет вдохновляемые Махатмой Ганди на освободительную борьбу средствами ненасилия, вынуждены были браться за меч. Иного выхода не было. Но какой трагедией обернется, каких потоков народной крови будет стоить Индии обретение самостоятельности, в начале 1946 года ее народные вожди еще не могли знать. Кровавой оказалась плата за свободу и законные права, и великий гуманист — Махатма Ганди — имел впоследствии полное основание заметить, что лично ему уместнее принимать соболезнования, а не поздравления.

Не эту ли мысль, но уже по-своему выражала и картина Святослава Рериха «Победа», выставленная в январе 1946 года в Дели? Много лет спустя о перспективах военных побед в наше время высказался находящийся в Москве с визитом Джавахарлал Неру: «Видные ученые, люди знающие, говорят нам, что сегодня война не может привести к победе одной страны или группы стран; она может привести только ко всеобщему

* Продолжаем публикацию фрагментов книги П.Ф. Беликова «Святослав Рерих. Жизнь и творчество». См.: Культура и время. № 2, 2004.

П.Ф. Беликов, Д. Рани Рерих, С.Н. Рерих. Эрмитаж, Ленинград, 1975. Фото Д.А. Прокотюка

поражению или даже полному уничтожению человечества. <...> Великий учитель нашего народа Будда, который жил 2500 лет тому назад, сказал однажды, что величайшая победа — это победа, при которой никто не терпит поражения и все могут разделить ее плоды¹.

Десятки миллионов людей «встретили» победу во второй мировой войне под взбугрившими огромные земные пространства могильными холмами. Миллионным народным массам Индии, решившим в 1946 году навсегда порвать пути униженной зависимости и восстановить свои неоспоримые права, уже после победы предстояло жить в разорении и неутешных слезах по безвременно погибшим.

В память о человеческих страданиях и как предупреждение о предстоящих жертвах Святославом Рерихом была написана картина «Пиета» (1945). Наряду с триптихом, картинами «Победа», «Труд», «Отшельник», «Слова Учителя», многими пейзажами и портретами она была показана на выставке в Дели в 1946 году. Художественной критикой это полотно отмечалось особо.

Классический мотив «Пиета» (сострадание) в изобразительном искусстве сводится к сюжету

оплакивания Христа Богоматерью. Широко известны скульптуры Микеланджело в соборе св. Петра в Риме, Дюпре в Сиене. Эти скульптурные группы изображают Богоматерь с телом Христа на коленях. Подобной композиции обычно придерживаются и в живописи. Дж. Беллини, ван Дейк, Беклин и многие другие художники прибегали к этому мотиву и сходной композиции. Первый вариант «Пиеты» Святослава Рериха близок принятой традиции: те же две фигуры в таком же сочетании, хотя интерпретированы они свободно, без намеков на религиозное содержание. О нем напоминает только традиционное название и слегка уловимое сходство лика Христа с принятым в иконописи. Женщина в накиннутой на голову косынке ничем не отличается от любой женщины, склонившейся в великой материнской скорби над погибшим сыном. В 1960 году Святослав Рерих повторил «Пиету», причем, развивая собственную интерпретацию Великой Трагедии, он изменил привычную композицию, составив группу из трех персонажей. На просьбы посетителей выставки дать пояснение к новому истолкованию классического религиозного сюжета Святослав Рерих отвечал: «Это — общечелове-

¹ Неру Дж. Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления 1946—1964 гг. М., 1965. С. 288. (Прим. — П.Б.)

ская тема. Герой, жертвующий своей жизнью ради других. Рядом его мать и любящая женщина, которые так или иначе принимали участие в подвиге. Готовили к нему героя. И может быть, их горе сильнее, чем страдания самого погибшего. Кто в состоянии измерить глубину горя матери или любящей женщины, теряющих самого дорогого для себя человека? И это повторяется в жизни всегда и всюду. Героический подвиг — не удел одиночек. К героическому поступку всегда причастны многие люди. И, если этот поступок завершается чьей-либо гибелью, то переживается она также многими. Поэтому нет в жертвенности безысходного горя, и розовый луч, который пронизывает на картине тьму, — это луч надежды, залог победы тех, кто поднимает людей на подвиги и кто идет на них, жертвуя собой»².

В таких произведениях, как триптих, «Борьба Якова с Ангелом», «Пиета», «Добрый самаритянин», «Вечный зов», Святослав Рерих использовал сюжеты и образы гораздо более близкие и понятные Западу, нежели Востоку. Подчас это давало повод к высказываниям о стремлении преподать Востоку основы христианского мировоззрения и этики, на которых сам художник будто бы был воспитан. Думается, что таких побуждений у Святослава Рериха никогда не было, так как он никогда чем-либо не выделял христианскую этику из этики общечеловеческой и не ограничивал своего мировоззрения рамками каких бы то ни было религиозных институтов.

То обстоятельство, что на Востоке порой больше замечают западные тенденции, влияние западных школ в творчестве Святослава Рериха, а на Западе, наоборот, — восточных, скорее всего можно объяснить тем, что люди вообще склонны в первую очередь обращать внимание на нечто для них менее привычное. На самом же деле искусству Святослава Рериха свойствен своеобразный синтез двух живописных традиций — Востока и Запада, их творческое претворение. Оно наблюдается как в применении определенных технических методов, так и в отборе традиционных для изобразительного искусства сюжетов. Однако освоение первых и интерпретация вторых всегда несут на себе яркую печать абсолютно свободной творческой индивидуальности художника, во всех случаях преобладающей над заимствованиями, которые обязательно являются для каждого художника школой освоения профессиональных накоплений прошлого.

Нельзя пройти и мимо того, что бытующие в мировой религиозной живописи сюжеты, появ-

ляясь на полотнах Святослава Рериха, нередко ставятся в основу определения философского или религиозного мировоззрения самого художника. При этом упускается самое главное, а именно то, что мировоззрение такого свободно мыслящего творца, каким с самого начала показал себя Святослав Рерих, выражается не в выборе сюжетов для своих произведений, а в их истолковании, в том поиске и понимании смысла

² Из личной беседы С.Н. Рериха с К.А. Молчановой 17 января 1975 г. в Государственном Эрмитаже (Ленинград). Архив Эстонского общества Рериха. См.: Отдел рукописей МЦР. Ф. 1, д. (вр. №) 894.

С.Н. Рерих. Вечная жизнь. 1954

жизни, которые побуждают настоящего художника взяться за кисть, писателя за перо, музыканта за свой инструмент. С этой позиции мы, безусловно, поставим в один ряд и отнесем к одной категории такие произведения Святослава Рериха, как триптих, «Борьба Якова с Ангелом», «Пиета», «Тени прошлого», «Слова Учителя», «Когда собираются йоги», «Победа», «Вечная жизнь». Сюжеты этих картин дают повод разделить их к Востоку или Западу, к религиозной, символической или реалистической живописи.

Однако глубинная суть этих произведений, их идейная основа, выражающая философское мировоззрение и творческое кредо художника, — едины и нераздельны. Они обращены к человеку, к человечеству в целом с призывом обрести мир на земле в любви и приятии мудрой Красоты Мироздания. Обрести этот мир, если иначе уже никак невозможно, следует и через борьбу, через страдания, через жертвы, но никогда не обольщаясь всемогуществом поднятого меча, чтобы не потерять надежды прийти однажды к той победе

духа и человеческого разума, в которой «никто не терпит поражения и все могут разделить ее плоды».

Сюжетная канва в произведениях Святослава Рериха, в любых ее формах, доносит до зрителя этот искренний, выраженный в ярчайших образах, чрезвычайно эмоциональный и убедительный зов художника. К такому зову не могла не прислушаться и Индия, стоявшая на грани решительной схватки за свое освобождение. Вопреки ожиданиям ее великих гуманистов в этой схватке были пролиты реки крови, но разве это умаляет их заслуги перед своим народом, перед всем человечеством? Кто знает, если бы не общие усилия гуманистов всех времен и народов, то, может быть, мир давно бы уже захлебнулся в кровавых потоках!

Между тем 1946 год проходил для всех Рерихов в подготовке и в ожидании событий, которые должны были внести в их жизнь и деятельность существенные перемены. В соответствии с уже строго намеченными планами особенно много усилий прилагалось в деле дальнейшего развития культурных и научных связей между Индией и Советским Союзом. В апреле 1946 года Николай Константинович писал в Москву своему старому сотруднику по художественному просвещению в России — И.Э. Грабарю: «ТАСС нам присылает “Известия”, “Правду”, “Красную Звезду”, “Литературную газету”, “Советское искусство”, “Большевик”, “Славяне”, и таким путем, хотя и с замедлением, мы все же хорошо осведомлены о кипучей героической стройке всенародной. И здесь мы во славу русскую трудимся — каждый в своей области. Почти все местные музеи имеют группы моих и Святослава картин. Только что Музей в Бароде взял пять моих больших картин и столько же Святослава. В Индоре на картине “Ярослав” женщины носят кокошники, перешедшие из Византии. Там же и “Александр Невский”. Вообще наряду с картинами гималайскими, тибетскими много разошлось и русских. Ценю, что эти памятники о Руси имеют в Индии. Сколько здесь друзей и собратьев. Вот когда будем в Москве, много доброго расскажем. <...>

Юрий за это время закончил большие исторические труды. Один из них в 1200 страниц будет издаваться Королевским Азиатским Обществом

в Бенгалии³. Скоро выйдет его очень нужная статья “Индология в России”⁴. Если будем иметь оттиски, непременно пошлем Тебе. Две мои книги — “Химават” и “Герои”⁵ — в печати. Думается, летом выйдут. Елена Ивановна много пишет, работает»⁶.

В январе 1947 года Николай Константинович пишет ему же: «На конгресс в Дели прибыла делегация наших ученых. Индия встретила их побратски. Протянулись новые, задушевные нити крепкой дружбы. Мы радовались, читая, как прекрасно принял делегацию наш друг Неру <...>. Наверно, Ты повидашь их (сегодня они летят обратно) и услышишь добрые вести. Прочны связи науки и искусства. Святослав с Девикой встретили ученых в Дели и писали нам о прекрасных установленных отношениях, чему мы все радовались. <...> Святослав еще встретится с делегацией в Бомбее, перед их отъездом <...>»⁷.

Большой успех первой послевоенной выставки, несмотря на сложность сложившейся в стране обстановки, ставил перед Святославом Николаевичем вопрос об организации последующих. Новые личные знакомства раздвигали рамки теперь уже прямого сотрудничества с учеными, художниками, общественными деятелями Советского Союза. Конечно, все это могло осуществляться с учетом тех условий и ожидаемых в самой Индии перемен, которые уже диктовали свои исторически закономерные требования. Будучи поставленной с ними лицом к лицу, Англия была вынуждена спешно решать индийскую проблему. В стране состоялись выборы в центральные и провинциальные законодательные собрания, в результате которых большинство голосов получила партия Национальный Конгресс, руководимая Джавахарлалом Неру. За ней следовала партия Мусульманской лиги. Разделение избирателей по религиозно-общинному признаку шло на руку англичанам. На первых этапах решения наболевшего индийского вопроса их больше всего устраивала Индия, ослабленная внутренними противоречиями. В этих целях Британское правительство подготовило и провело в жизнь план раздела страны на собственно Индию и Пакистан, который в свою очередь оказался разделенным на восточную и западную области, изолированные друг от друга и от Индии государственными границами. Такая искусственная структура не толь-

³ Вероятно, *Roerich G.N. The Author of the «Hor-Chos-hbyun» / Journal of the Royal Asiatic Soc. of Great Britain and Ireland. — 1946. Pt. 3—4.*

⁴ *Roerich G.N. Indology in Russia / Journal of the Greater India Soc. — 1945. Vol. 12, № 2. См.: Рерих Ю.Н. Индология в России / Тибет и Центральная Азия. Самара, 1999.*

⁵ *Roerich N.K. Himavat. Allahabad, 1946; вероятно: Герои / Рерих Н.К. Листы дневника. Т. III. М., 2002. С. 243.*

⁶ *Рерих Н.К. Грабарь (16 апреля 1946 г.) / Рерих Н.К. Листы дневника. Т. III. С. 372.*

⁷ *Рерих Н.К. Грабарь (20 января 1947 г.) / Там же. С. 481.*

ко таила в себе угрозу длительных и массовых столкновений в будущем, но и немедленно вызвала хаос и народные волнения невиданных ранее в стране масштабов. Каких-либо естественно сложившихся границ между расселением мусульман и приверженцев иных религий не существовало. Миллионы крестьян и горожан с незапамятных времен, веруя по-разному, жили вместе, говорили на одном языке, были связаны общими экономическими и общественно-культурными интересами. Теперь им предлагали покинуть столетиями насиженные места, порвать крепкие, органически сложившиеся связи и расселиться в новых государственных границах, которые в глазах широких народных масс были бессмысленны и не имели никакого оправдания. Ведь по существу эти границы резали живое тело единой страны.

Тем не менее, возбуждаемые религиозными фанатиками и вспышками кастовых и классовых предрассудков, в движение пришли огромные группы людей. Личные, общественные и вновь возникшие узкогосударственные выгоды брали верх над здравым смыслом, погромы, акты насилия, резня влекли за собой неисчислимые бедствия и напрасные жертвы. Больше всего от них пострадали Бенгалия и Пенджаб, в состав кото-

рого входила и долина Кулу, где жили Рерихи. Миролюбивое сожителство 360 богов внезапно обернулось кровавым междоусобным побоищем. Юрию Николаевичу пришлось вспомнить полученный в экспедициях опыт руководителя вооруженной охраны и организовать теперь такую же вокруг дома и института «Урусвати». Некоторые соседи, опасаясь нападений, нашли приют под их кровлей. Это усугубляло грозившую опасность. Однако всеобщее уважение, которым пользовались Рерихи, и прекрасное отношение к ним всех местных жителей отвели грозу от их очага.

В обстановке резких противоречий и крайнего народного возбуждения в ночь с 14 на 15 августа 1947 года Джавахарлал Неру, ставший первым премьер-министром Индии, поднял в Дели над крепостными стенами Красного форта трехцветный флаг Индии и провозгласил ее независимость. В предшествующей этому событию речи на заседании Конституционного совета он сказал: «Наступает редкий в истории момент, когда мы оставляем старое и вступаем в новое. <...> В этот торжественный час мы должны дать обет беззаветно служить Индии и ее народу и, что еще более важно, — интересам всего человечества»⁸.

⁸ Неру Дж. Внешняя политика Индии. Избранные речи и выступления 1946—1964 гг. М., 1965. С. 18. (Прим. — П.Б.)

С.Н. Рерих. Победа. 1945

С.Н. Рерих на месте кремации Е.И. Рерих. 1955

Исходя из таких высоких общечеловеческих интересов, независимая Индия объявила одним из краеугольных положений своей внешней политики нерушимую дружбу с Советским государством и его народами. Можно себе представить, какие многообещающие дали открывались теперь перед Рерихами, столько лет мечтавшими и работавшими над осуществлением именно таких тесных индо-русских сношений, покоящихся на вековых устоях и перспективах светлого будущего.

Однако реализация личных планов Рерихов пошла по иному руслу, чем это было уже намечено. С июля 1947 года Николай Константинович

Рерих серьезно заболел. Хирургическое вмешательство и постельный режим на продолжительное время вывели его из строя. К осени, казалось, критическое состояние миновало, и глава семьи вновь принялся за работу. Однако многотрудная жизнь и напряжение последних военных лет уже подточили его здоровье. 13 декабря 1947 года земной путь великого гуманиста и борца за просвещенное будущее человечества внезапно оборвался.

Между тем к этому времени у Святослава Николаевича было все подготовлено для открытия большой выставки произведений своего отца в Дели. Ей суждено было стать первой по-

смертной выставкой знаменитого русского художника. Присутствуя на ее открытии, Джавахарлал Неру сказал: «Картины его проникнуты духом нашей истории, нашего мышления, нашего культурного наследия, они говорят нам так много не только о прошлом Индии, но и о чем-то постоянном и вечном, и все мы не можем не чувствовать себя в большом долгу перед Николаем Рерихом»⁹.

Чувство священного долга перед памятью о Николае Константиновиче испытывали и его сыновья. Они давно уже сжились со всеми его делами и не мыслили своей жизни в отрыве от них. А во всех этих делах верным советчиком и высоким авторитетом служил для них отец. Теперь предстояло принимать самостоятельные решения, причем принимать их так, чтобы и при отсутствии Николая Константиновича ни одно из его начинаний не понесло бы урона, не отклонилось бы от приданного ему генерального направления. Само по себе имя РЕРИХ накладывало на Юрия и Святослава громадную ответственность, которую они приняли и разделили между собой в полной мере.

На первом этапе основная сложность заключалась в том, что все намеченное на ближайшие годы подразумевало присутствие в деле самого Николая Константиновича, в соответствии с чем все планы и строились. Изменившаяся обстановка предписывала коренные перемены во многом уже успешно начатом. Прежде всего необходимо было принять окончательное решение о том, как поступить с домом в Кулу и с институтом «Урусвати». Для реконсервации последнего никаких предпосылок в послевоенные годы не было. Продолжать научно-исследовательскую работу в Кулу в одиночку для Юрия Николаевича оказалось бесперспективным. Между тем здоровье Елены Ивановны оставляло желать лучшего. Длительное проживание в больших городах или южных широтах ей было противопоказано, и врачи рекомендовали высокогорный климат, к которому она уже привыкла. У Юрия Николаевича были давние тесные связи с университетом в Калимпонге. Этот небольшой горный городок в Сиккиме под самым Дарджилингом расположен по соседству с теми местами, где жили Рерихи в 1923—1925 годах сразу же после переезда в Индию из Америки.

В Калимпонге удалось найти подходящий домик с мезонином, окруженный прекрасным садиком, откуда открывался вид на величайшие вершины заснеженного Гималайского хребта. Здесь и поселились Юрий Николаевич и Елена Ивановна. Местный университет, сотрудниками которого состояли квалифицированные индологи и тибетологи, мог предоставить Юрию Николаевичу для его работы солидную научную и издательскую базу. В течение нескольких лет здесь им были подготовлены к печати, продолжены оригинальные исследовательские работы и переводы таких получивших большую известность в востоковедении трудов, как «Голубые Анналы», «Жизнеописание Дхармасвамины», «Тибетские заимствования в монгольском языке», «Аланы в монгольскую эпоху», «Паралокасиддхи», «Андосское наречие», «Культурное единство Азии», несколько работ по изучению буддизма, тибето-санскритско-русско-английский словарь¹⁰ и др. Труды Юрия Николаевича издавались в Индии и в западных странах. Многие делались уже в расчете на будущие публикации в Советском Союзе. Грандиозная работа над четырехязычным словарем, отнимавшая много времени и энергии, предназначалась для России.

План о переезде на Родину был лишь отсрочен, но не оставлен. Елена Ивановна, которая, невзирая на слабость здоровья, также очень много работала, постоянно укрепляла своих сыновей в мыслях о том, что предпринятая их отцом деятельность по индо-русскому научному сотрудничеству и культурному сближению будет ими продолжена и они найдут для этого новые эффективные формы. Святослав Николаевич и Девика Рани ежегодно навещали Елену Ивановну и Юрия Николаевича в Сиккиме, где задерживались для общей работы, а также регулярно посещали Дели, Мадрас, Бомбей и другие культурные центры страны, часто встречались с представителями советской науки и искусства, которые в свою очередь не упускали возможности навещать их в Бангалоре. Таким образом, контакты между Рерихами и советскими людьми расширялись и укреплялись.

В 1955 году в Калимпонге скончалась Елена Ивановна Рерих, добрый гений своего мужа и сыновей. Следуя намерениям родителей и продолжая начатое ими дело, братья решили, что

⁹ Nicholas Roerich by His Contemporaries (a few excerpts). Bangalore 4: W.Q. Judge Press., s.a. Pg. 2. (Перевод с англ. яз.)

¹⁰ Roerich G.N. The Blue Annals. Pt. 1. Calcutta, 1949; Pt. 2. Calcutta, 1953; Roerich G.N. Biography of Dharmasvamin. Patna, 1959; Roerich G.N. Tibetan loan-words in Mongolian / Liebenenthal Festschrift (Sino-Indian studies). — 1957, Vol. 5, № 3/4; вероятно, Рерих Ю.Н. Аланские дружины в Монгольскую эпоху / Осетия. — 1933, № 4—6; Рерих Ю.Н. Аланские войска в Монгольскую эпоху / Дарьял. — 1991, № 4. (Перевод с фр. яз.); Roerich G.N. Paralokasiddhi / Indian Culture. — July 1948 / June 1949, Vol. 15, Nos. 1—4; Roerich G.N. The Cultural Unity of Asia / India Quarterly. — 1950, Vol. 6, № 1; Тибетско-русско-английский словарь с санскритскими параллелями в XI выпусках. М., 1983—1987, 1993.

одному из них необходимо вернуться на родину. Собственно говоря, Юрий Николаевич давно уже готовился к этому шагу. В Бомбее до этой поры находилось около четырехсот картин Николая Константиновича. Они были отобраны и упакованы им самим для отправки водным путем в Советский Союз и ожидали своего часа. Юрий Николаевич и Святослав Николаевич делали теперь все, чтобы этот час приблизить.

В один из визитов ответственных руководителей СССР в Индию Святослав Николаевич, обычно присутствовавший на приемах и встречах в Советском посольстве или в других индийских государственных и общественных организациях, поднял вопрос о возможности научной работы его брата в научных учреждениях Советского Союза. Вопрос этот получил положительное решение, Юрий Николаевич был приглашен на работу в Институт востоковедения Академии наук СССР. В августе 1957 года он покинул Индию на пароходе, плывшем из Бомбея в Одессу, а в сентябре находился уже в Москве. С собой в Москву он привез картины отца, свою личную библиотеку, а также часть фамильных коллекций и архива. Библиотека и коллекции института «Урусвати», часть картин Николая Рериха, так же как и основная часть семейного архива, в том числе ценнейшие дневниковые записи Елены Ивановны, остались в распоряжении Святослава Николаевича, который полностью принял на себя заботу о дальнейшей судьбе мемориального заповедника в Кулу.

За десятилетие, истекшее со времени переезда Святослава Рериха в Бангалор, имение «*Tataguni Estate*» приняло облик, уже хорошо знакомый многим советским гостям, которые побывали там и подружились с его гостеприимными хозяевами. Девика Рани и Святослав Николаевич встречают советских людей по-родственному. Показывают им благоухающий цветами сад, плантацию, пересеченную дорожками, озеро, к которому вплотную подходят дикие заросли. Через заросшую зеленью веранду гостей вводят в дом. Он состоит из нескольких больших комнат и студии. Обставлены комнаты просто, в них нет ничего лишнего, но зато много того, без чего исследователям и творцам прекрасного не обойтись. Это — предметы искусства и книги. Древняя скульптура, красочные ткани, поделки народных умельцев, живопись, редкие манускрипты и художественные издания занимают в доме почетное место. Все это — плоды многолетней исследовательской и собирательской дея-

тельности Святослава Николаевича, а также памятные подарки его и Девики Рани друзей.

В студии художника — большой рабочий стол, столы с красками, растворами, кистями, палитрами и прочими принадлежностями его творческого труда, а также несколько мольбертов, обычно с уже начатыми работами. Как правило, Святослав Рерих работает одновременно над несколькими произведениями. Это не только разнообразит труд, снимает утомление, но и позволяет чаще по-новому вглядываться в свои полотна в процессе работы над ними, обращаться к ним с «открытым взглядом».

По усвоенному с детства правилу, рабочий день Святослава Николаевича начинается рано. Ему часто приходится бывать в Бангалоре, где помимо разнообразных дел и встреч он патронирует крупнейший в штате и один из самых значительных в стране Институт искусств¹¹. В сезоны ухода за растениями и сбора эфирноосных плодов необходим ежедневный присмотр за работой на плантации. Обязательно каждый день выделяется время и для творческой работы в студии. Во многом, в частности в ведении обширной корреспонденции, Святославу Николаевичу помогает Девика Рани.

Ежегодно, весной в период с марта по июнь и зимой в декабре или январе, Рерихи обычно на какое-то время выезжают из Бангалора. Весеннее время отводится для посещения Кулу. Бывать в горах каждый год — для Святослава Николаевича жизненная потребность. Такой же потребностью является и ежегодная работа в их Гималайском ашраме, где устроена галерея произведений Николая Константиновича. Этот мемориальный заповедник, созданный семьей русского художника и ученого, пользуется широкой известностью. С ранней весны до осени сюда тянутся приезжие. Весть о «русском риши» прошла по всей стране, и интерес к его деятельности и творчеству не ослабевает. Приезд Девики Рани и Святослава Рериха, пользующихся в Индии большой популярностью, всегда усиливает поток посетителей. Очень многим хочется повидать и, при возможности, побеседовать с «первой леди индийского экрана» и прославленным художником.

Кроме Кулу Рерихи регулярно посещают и на какое-то время задерживаются в Дели, Бомбее, Мадрасе, Калькутте, бывают в Сиккиме, Кашмире и других штатах Индии. Эти поездки в основном вызваны обширной общественно-просветительной и культурной деятельностью, однако служат они и источником новых впечатлений,

¹¹ Под руководством С.Н. Рериха в Бангалоре был построен Культурно-просветительный центр, включающий в себя Школу изобразительных искусств, Музей древнеиндийского искусства и Выставочные залы им. Н.К. Рериха.

С.Н. Рерих. Део-Тибба. 1947

необходимых художнику в его многообразном, отличающемся широким диапазоном творчестве.

Обстоятельства, связанные с хлопотами по устройству дома и плантации в Бангалоре, вначале отнимали какое-то время, обычно отводимое для занятий в студии. Но продолжалось это недолго. Уже в конце сороковых годов из-под кисти Святослава Рериха выходит много значительных произведений, а в пятидесятые годы интенсивность работы за мольбертом значительно возрастает. Художник полностью входит в усвоенный им с молодости напряженный ритм, в котором все виды деятельности, дополняя друг друга, гармонично сливаются в интенсивном жизненном потоке, называемом в Индии «Сантаной».

В живописи Святослава Рериха по-прежнему наблюдается совмещение четырех основных жанров: портрета, пейзажа, бытовых сцен и философской тематики. Однако количественное соотношение между ними претерпевает изменения. Жизнь на юге Индии обогатила творчество художника новыми мотивами, новыми ярчайшими красками. В своей деятельности ему ближе пришлось столкнуться с трудовым народом страны. Земля, на которой живет и которую этот народ возделывает, привлекала особое внимание Святослава Рериха.

Постоянное тяготение Святослава Рериха к жанру портрета отнюдь не ослабевает. В пятидесятых годах им были созданы замечательные портреты: «Кэтрин Кэмпбелл» (1950), «Девика Рани Рерих» (1951 и 1952), «Рошан Вадшифдар» (1956, 1957 и 1958), «Доктор Радхакришнан» (1958 и 1959), «Девушка из горного племени» (1958) и др. Однако творческая продуктивность росла больше за счет бытовых сцен, пейзажа и их совмещения. Из пейзажей Святослава Рериха можно перечислить: «Део Тибба» (1947), «Горный гребень» (1947), «Сикким» (1952), «Закат солнца в Сиккиме» (1952), «Канченджанга» (1954), «Канченджанга на закате» (1954), «Синиолчу» (1954), «Нагорье» (1954), «Облако» (1954), «Тайный час» (1955), «Муссонные облака» (1958). Пейзажу, как и обычно, художник уделял много внимания, однако в своем «чистом» виде большая доля отводилась горным пейзажам. Южная природа привлекала художника необычайно яркими красками, и кажется, что именно эти краски побуждали его братья за кисть. В большинстве случаев южный пейзаж сочетался у него с изображением жизни и деятельности людей, со сценами их быта, их труда, радостей и забот. Таким образом, в творчестве Святослава Рериха большее место стали занимать произведения, сокра-

С.Н. Рерих. Девика Рани Рерих. 1946

ценно называемые в искусствоведении просто «жанром», то есть сцены из жизни, сюжеты, сотканые ее каждодневными проявлениями.

То, что бытовая живопись непосредственно связана с сегодняшним днем, рождается его житейскими ситуациями, — общепризнано. Отсюда и неотъемлемый ее компонент — реализм. Жанру свойственно документирование человеческого жизнеустройства, человеческих чувств, взаимоотношений, житейских событий. Все это предлагает любому художнику широчайший выбор тем — от эпических сюжетов до выхваченных из жизни отдельных анекдотических моментов и от сложнейших общественных процессов до сугубо личных переживаний человека.

Документирование жизненных явлений, их конкретное содержание всегда присутствует и в бытовом жанре Святослава Рериха. Сюжеты его произведений — не отвлеченные студийные композиции. Их реализм отличается особой точностью. Ни одной детали в картине нельзя изменить без того, чтобы не исказить точного адреса ее рождения. Преобладающее место в бытовом жанре Святослава Рериха принадлежит сценам из той народной жизни, которая его окружает, которую он наблюдает в своих поездках. На любой вопрос о своих картинах художник может ответить — где и что остановило его взор, обратило его внимание и направило к мольберту. Особенность, которую мы отметили выше, а именно преобладание «чистого» пейзажа при изображении гор и «смешанного» при изображении долин, — результат той же достоверности изображаемого. Горы — мало населены, а безлюдных пространств в обжитых долинах Индии почти не встречается. Народ трудится, отдыхает и вообще проводит большую часть времени среди природы, под открытым небом, а не под крышей. Несколько своих произведений более позднего периода Святослав Рерих назвал «Мои соседи». По существу, под такое название можно подвести большой цикл его картин, написанных на юге Индии. Они безупречны с точки зрения фиксации всего комплекса этнографических особенностей, а поэтому и немислимы без пейзажа как реального фона, на котором единственно и можно развернуть по-настоящему жизнь народа в этой части страны.

Совмещение бытовых сцен с пейзажем, столь часто наблюдаемое в искусстве Святослава Рериха, не столь простое для любого художника дело, как это на первый взгляд может показаться. Оно требует творческого чувства меры, поисков таких композиционных решений, в кото-

рых соотношение между человеком и окружающим его миром гармонизировалось бы удачной композицией, а не буквальным перенесением на полотно находящейся в поле зрения художника натуры. Естественное в жизни далеко не всегда оказывается естественно убедительным на плоскости полотна с присущими ему собственными масштабными возможностями и закономерностями. Коснувшись этой проблемы в романе «Крестьяне», Оноре де Бальзак имел полное основание заметить, что некоторые художники «упускали из виду, что “дух” пейзажа, если он удачно передан, подавляет человека своей величественностью, а в жизни соотношение между человеком и обстановкой никогда не бывает нарушено, ибо наш взгляд замыкает подобную сцену в определенную рамку. И Пуссен, наш французский Рафаэль, правильно поступил, отдавая пейзажу второстепенную роль в своих “Аркадских пастухах”, ибо он понял, что человек мал и жалок на картине, где главное — природа»¹².

Конечно, абсолютизировать это во многих случаях справедливое высказывание — неправильно. Тот же Пуссен в своих «героических пейзажах», передавая их «дух», сосредоточивал «главное» на человеке. Правда, в данном случае мы имеем дело с мифологическими героями. Однако, и это хорошо показано в бытовых сценах творчества Святослава Рериха, обычная человеческая жизнь, повседневные человеческие чувства и переживания, а с ними и сам человек не теряют своей первостепенной значимости перед величественной картиной природы, если художник в своем произведении преобразует человеческий быт в Бытие, если жизнь человеческая подводится художником под один «знаменатель» с неистребимым и вечным мирозданием, частью которого в конечном итоге человек и является. Недооценка собственных духовных сил умаляет человека перед лицом Природы, так же, впрочем, как их произвольная переоценка — больно наказывает.

В 1960 году в Ленинграде, обходя свою выставку в окружении зрителей, Святослав Рерих скуп охарактеризовал картину «Зов» (1955): «Картина из серии на темы местной жизни. Пастух играет на свирели, и женщина услышала эти звуки и остановилась. Пейзаж из мест, где мы живем на юге Индии. Вы видите предгорья, которые переходят в голубые горы. Дерево баньян. Оно обтекает черные камни, пускает корни от своих ветвей, и получают самые фантастические узоры. Декоративные красные листья. Розовые облака отражают эту прекрасную землю»¹³.

¹³ Из беседы С.Н. Рериха с научными работниками и сотрудниками Государственного Эрмитажа (Ленинград) 14 июня 1960 г. Архив Эстонского общества Рериха. См.: Отдел рукописей МЦР. Ф. 1, д. (вр. №) 894.

Не случайно художник уделил пейзажу больше слов, чем сюжету. Визуально он доминирует в картине, она дышит его яркими красками, живет причудливыми формами, интересной композицией открытого дальнего плана в сочетании с приближенным изображением разветвленного баньяна. Композиция делит картину на две равные части по вертикали. Контрастные по колориту, они вызывают у зрителя и два разных душевных настроения. Если говорить о «духе» пейзажа, то передан он с исчерпывающей убедительностью. Зритель целиком погружается в его специфическую атмосферу, ощущает себя в этом далеком, прекрасном, чарующем мире.

Между тем уже само название картины — «Зов» — наводит на мысль о ее сюжетной канве, побуждает внимательнее присмотреться к ее «действующим персонажам». В том, что именно «местная жизнь», а не «местный пейзаж» является стержнем произведения — сомнений у зрителя не возникает, и он сосредоточивает свое внимание на двух мало выделяющихся на пейзажном фоне человеческих фигурах. Это — женщина, спешащая под сень баньяна. Показана она художником вполоборота, со спины. И мужчина, играющий на свирели. Он также обращен спиной к женщине, и зритель не видит его лица. Сделав скороспелое заключение, можно прийти к выводу, что художник пренебрег психологическим анализом главных героев произведения, не показал их душевных переживаний. На первый взгляд может показаться оправданным соблазн — повернуть пастушка лицом к зрителю, чтобы заглянуть ему в глаза. В бытовом жанре, так же как и в портрете, психологический анализ существенно дополняет внешний облик человека, голую очевидность события, подчас сводящую сюжет к простой занимательности. Между тем в картине «Зов» несомненно присутствует та многозначительность, которая магнитом притягивает к себе зрителя. В чем она выражается? Почему зритель так упорно старается постигнуть подлинную суть произведения, его «идею»? Почему он явно ощущает, что затронутая художником тема не ограничивается обычным эпизодом: пастушок заиграл на свирели, женщина случайно услышала и остановилась? Ведь внешне все выглядит именно так! Однако если мы сумеем поставить себя на место этого пастушка, чей невидимый для нас взор устремлен к уводящим далям голубого горного горизонта, то и картина в целом предстанет перед нами в ином, подлинном ее свете. Мы ощутим, что именно заставило пастушка излить в музыку свою душу. Мы задумаемся над тем — просто ли

звуки свирели или предвкушение Великой Тайны, о которой они напомнили, пробудили в женщине трепет ожидания. Конечно, пастушок и женщина в этом произведении Святослава Рериха внимают не простенькой мелодии примитивного музыкального инструмента, а величественной симфонии властного Зова Бытия. Именно этот «Зов» преобразует эпизодическую «случайность» сюжета, исключает какую-либо необходимость в психологическом субъективном анализе его «действующих лиц». Мгновение, подмеченное художником в «местной жизни», точное изображение «местного пейзажа» и «местных людей» на самом деле оказывается тем всеобщим мгновением, из которых складывается жизнь тысячелетий.

В этой связи нельзя не вспомнить о картине Святослава Рериха «Вечный зов» (1944). Обращаясь к библейскому сюжету пребывания Адама и Евы в раю, художник прибегает к своеобразной его трактовке: в умоляющей позе протягивает Адам руки к Еве, сорвавшей запретный плод познания добра и зла. Традиционный «змей-соблазнитель» — отсутствует. Нет по существу и женщины-соблазнительницы. Есть — извечная Тайна Бытия, Тайна двух Начал, тяготеющих друг к другу и творящих Жизнь. Эта Тайна разлита по всему Мирозданию. Ее символическое отображение в мифологическом сюжете или реальное в бытовой сценке — равнозначны по своему скрытому смыслу и значению. В Тайне нет ни большого, ни малого, ее значимость раскрывается в подходах к ней самого человека, в его желании и умении делать «из тайного — явное».

Отношение художника к тем жизненным явлениям, которые появляются на его полотнах, вскрывает их общезначимую сущность и соответствующим образом оказывает на зрителя эмоциональное и, всегда, интеллектуальное воздействие. Современник эпохи научного познания окружающего нас мира, Святослав Рерих не признает искусства, лишенного многозначной информации. Нимало не покушаясь на документальную точность бытовых сцен, послуживших ему натурой, художник всегда стремится вывести зрителя за пределы лимитированной временем и пространством очевидности и приобщить его к вечности больших человеческих чувств, к неистребимой жажде познания и самосовершенствования.

Пожалуй, это и будет одним из основных ключей к правильному пониманию и восприятию бытового жанра Святослава Рериха. Сюжеты для него черпаются непосредственно из сегодняшнего дня окружающей художника жизни.

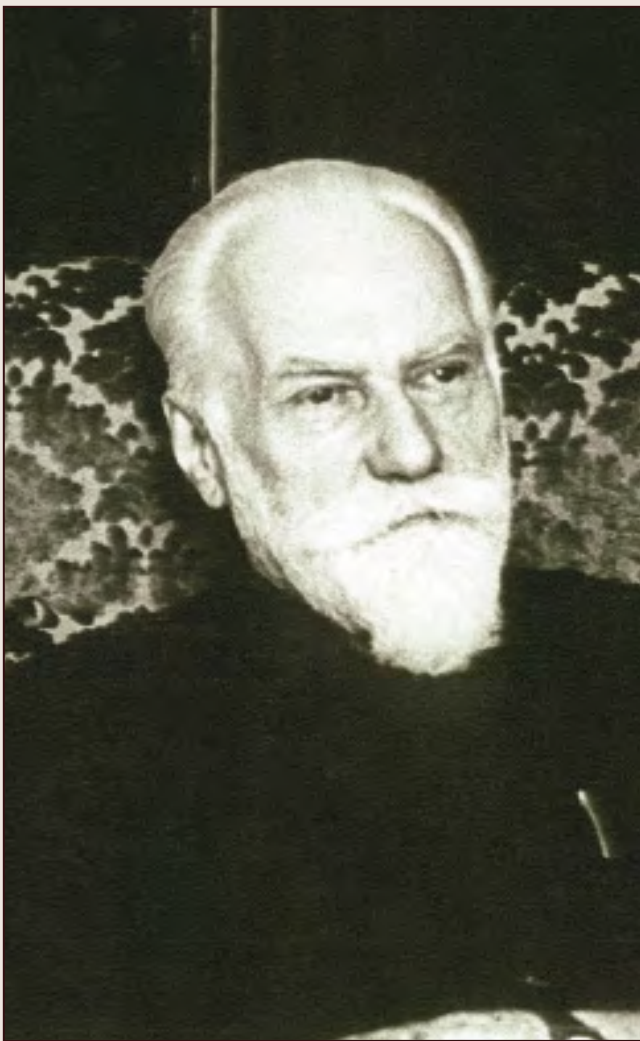
С.Н. Рерих. Дочери моря. 1947

Мы видим на его полотнах людей Индии, видим их в труде и на отдыхе, в заботах и радости, знакомимся с их повседневной жизнью, ощущаем строй их чувств и переживаний. Перед нами проходят картины детства, цветущей молодости, зрелого мужества, прекрасного материнства, умудренной старости людей другой страны и другого уклада жизни. Мы начинаем лучше понимать этих людей и, за многими внешними различиями, находить общее с собою, одинаково близкое и дорогое как им, так и нам.

Однако ограничиваются ли этим задачи, которые ставит перед собой художник? Исчерпываются ли этим и наши зрительские интересы, оценки, мысли и чувства, вызванные этими произведениями бытового жанра? Далеко нет! Зритель ищет и находит в них не только ответы на вопросы человеческого бытоустройства и взаимопонимания, но и решения коренных проблем Жизни в целом. Вместе с художником зритель обращается к поиску ее великого смысла, начинает ощущать безначальное Бытие, связующее воедино начало и концы звеньев недолговечной цепи личного земного существования.

Думается, что именно такая целевая установка стимулировала развитие бытового жанра в искусстве Святослава Рериха и органично сочетала этот жанр с портретом, пейзажем и философским жанром.

Конец сороковых и пятидесятые годы оказались особенно плодотворными для художника в жанровой живописи. В числе получивших широкую известность картин можно назвать: «Дочери моря» (1947), «Из бури» (1947), «Красная земля» (1947), «Плоды земли» (1953), «С пастбища» (1953), «Весна» (1953), «Силуэты» (1953), «Возвращение» (1954), «Подношение» (1954), «Наперегонки» (1958), «Священная флейта» (1958), «Закат в Раджпутане» (1958), «Деревенская сцена» (1959). Перечисление можно и продолжить, но достаточно сказать, что все эти произведения, так же как и «Зов», имеют неоднозначное прочтение. Поэтому на одной из картин данного периода — «Вечная жизнь» (1954) — хотелось бы остановиться особо. Она всегда вызывает большой интерес и привлекает к себе посетителей выставок. Она неоднократно воспроизводилась в репродукциях. Когда на выставках зрители обращались по поводу этой картины к самому художнику, он обычно отвечал: «Это исконная жизнь тех мест Индии, где мы живем. Я выбрал типичную женщину юга страны с ребенком, дальше молодая девушка несет плоды, а позади проходит процессия людей — вы видите как бы цикл вечно обновляющейся жизни. И люди, и природа, которые показаны в этой картине, взяты с натуры, они именно типичны для тех мест. Земля там красная, насыщенные краски закатов

С.Н. Рерих. 1980-е гг.

отражаются в земле, загораются особым тоном, бледно-изумрудная зелень светится как бирюза, черно-зеленые валуны. Все это — краски юга Индии, ее подлинная жизнь, одна из картин, которые можно наблюдать каждый день»¹⁴.

«Зов», запечатлевший мгновение, и «Вечный зов». Обыденная сценка быстротекущей жизни и Вечная жизнь. Точный адрес места действия и его вездесущность. Типичные этнографические подробности и универсальность смысловой нагрузки. Все это — неотъемлемые признаки бытового жанра Святослава Рериха. Проникнутый глубоко философским мироощущением художника, этот жанр органично переходит в разряд философского. Картина «Вечная жизнь» без натяжки может быть отнесена к любому из них, она находится где-то на рубеже, соприкасаясь или, вернее, совмещая их.

В многогранном искусстве Святослава Рериха работа в одном жанре не шла на смену работы в

другом, хотя некоторую последовательность их освоения и преобладания в отдельные творческие периоды можно вывести и определить такую очередность: портрет, пейзаж, бытовой жанр, философский жанр. Тем не менее они никогда не вытесняли друг друга. Художник охотно совмещает их не только в одном и том же отрезке времени, но и в одном и том же произведении.

Для творчества Святослава Рериха пятидесятих годов характерны произведения бытового жанра, но в то же время портрет и пейзаж не уступают им своего раз завоеванного места, а философский жанр, оформившийся как отдельное направление уже в сороковых годах, продолжает развиваться и занимать новые позиции, не заменяя, а синтезируя в себе все предыдущие.

Мифологические мотивы в картинах Святослава Рериха «Сагарика» (1946) и «Лейла и Меджнун» (1947) облачаются им в реалистические художественные образы. В «Сагарике» — дева, рожденной морской стихией, что в индийском эпосе перекликается с легендой об эгейской Афродите, — Святослав Рерих изображает реальную женщину нашего времени. Океан, давший ей жизнь, — грозен и величествен. По выражению лица и поступи Сагарики можно заключить, что волна, которая вынесла на берег женщину, не только шепнула ей о радостях любви, но и успела предупредить о крестном пути тех, кто берется сохранить в брэнной жизни незапятнанность ее Красоты и красоту ее Подвига.

«Священная флейта» (1955) — по существу тоже мифологический сюжет, знакомый многим народам. В Индии — это бог Кришна, в России — пастушок Лель. Святослав Рерих показывает Кришну в аспекте бытовой сценки. Опять реальный пейзаж юга Индии с ее красного оттенка почвой. Игрой на флейте Кришна завораживает животных из крестьянского стада. Магия звука — это власть разума, а не насилия, и разум вносит гармонию в окружающий человека мир. Темно-лиловый оттенок кожи указывает на принадлежность пастушка к сонму небожителей. В остальном же картину можно классифицировать как вполне реальное изображение сельской жизни вполне определенной части Индии.

Картина «Весть» (1953) — на сверкающем фоне неба динамичным росчерком показан полет трех попугайчиков. Попугайчики — широко распространенный в Индии символ вестей. К свисту их полета в настороженной позе ожидания при-

¹⁴ Из выступления С.Н. Рериха в лекционном зале Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина (Москва) 28 мая 1960 г. См.: Отдел рукописей МЦР. Ф. 1., д. (вр. №) 894.

слушивается женщина. Она обернулась в сторону летящих птичек. Полупрозрачная ткань, которую женщина держит перед собой, напоминает раскинутую сеть ловца. Цветущее растение в правом нижнем углу картины тоже потянулось навстречу вести. Уравновешенная композиция картины полна внутренней динамики, способной в любую минуту взорвать статику напряженного ожидания. Пейзаж, женщина, полет птичек в небе — опять-таки реальные картины Индии. Как бытовая подробность — глиняные сосуды у ног женщины. Она была занята какими-то своими будничными делами. И вдруг — чувство приближения вести. Какой? От кого? Это не столь важно. Важно, что и в обыденной жизни каждый из нас может получить весть о необычном, еще не испытанном, и преобразить будни в праздник Жизни!

Чем же в конце концов является бытовой жанр Святослава Рериха — обычными ли зарисовками очевидца-художника или размышлениями мыслителя о скрытых двигателях человеческой жизни? Конечно — и тем, и другим. Точнее же сказать — прикосновением к недоступному для поверхностного взгляда Единству Бытия, в котором нет жизненных стимулов вне реальной жизни, как нет и конкретных проявлений жизни без глубоко скрытых стимулов всеобщности. Однако всегда ли мы помним об этом? Всегда ли угадываем и подчиняемся закономерностям взаимодействия зримого и незримого, временного и вечного? И не является ли одной из задач искусства пробуждать нашу забывчивость? Творчество Святослава Рериха, даже и в бытовом жанре, подчинено решению этой задачи.

Мы не ошибемся, если скажем, что с годами в творчестве Святослава Рериха наблюдается общая тенденция перестройки бытового жанра в философский. Этот процесс определенно носит прогрессирующий характер, но в нем не уходит на второй план и реалистическое начало его искусства, которому совершенно чужд абстрактный умозрительный символизм. В данном случае имеет место естественное для каждого мыслителя стремление развивать и углублять с годами трактовку своего мировоззрения, своих взглядов на окружающий мир и собственное место в нем.

Такие произведения художника, как, например, «Торопись» (1954), универсальны в своем

сочетании реалистических и обобщенно-символических элементов. Каждый из зрителей знаком с властным окриком времени — «Торопись, не опоздай!». Каждый узнает этот окрик в двух всадниках, изображенных в вихре стремительной скачки, каждый представит себе и того невидимого всадника, который их подгоняет. Его имя — неумолимое время, потеря которого «смерти подобна».

Само собой разумеется, что трактовка мыслей, чувств, переживаний, мироощущения, трансформируясь в изобразительные художественные образы, ставила перед Святославом Рерихом общие для всех художников проблемы живописи как таковой. Ни в одном из своих произведений Святослав Рерих не оставался просто повествователем, излагающим свои взгляды. Требовательный гений его творческого «я» постоянно ставил перед художником специфические задачи, и он не боялся идти на их усложнение. То или иное решение этих обязательных для каждого живописца задач делает произведения убедительными или неубедительными, готовит им долгую жизнь или приговаривает к быстрому забвению.

В той же картине «Торопись» художник талантливо решает сложнейшую композицию, которая передает динамику движения не только в рисунке, но в особом сочетании тонов. Святославом Рерихом создано множество черновых зарисовок, предшествующих наиболее убедительным композиционным находкам. Они получали безупречное готовое выражение в портретах, пейзажах, произведениях бытового и философского жанров. Оригинальные приемы и смелое новаторство в передаче цветовых гамм, рождающих светоносность картин Святослава Рериха, выдвинули художника в авангард колористов нашего времени.

Гуманное, проникающее в глубины жизни, зовущее к постижению ее смысла, яркое и прекрасное искусство Святослава Рериха к середине нашего столетия уже определилось во всей своей многогранной и полноценной значимости. Это облагораживающее и возвышающее искусство обращено к человеку новой эры, эры великого Знания и всеобъемлющей Любви, непрременных союзников созидателей подлинной Красоты жизни.